

... Э. К. ДЖОНСТОН ...

СКАЗКИ ТЫСЯЧИ НОЧЕЙ

Annotation

Дворец Ло-Мелхиина – жуткое и в то же время прекрасное место.

Несметные сокровища, и удивительные статуи с глазами, молящими о помощи, дивные сады и сотни запуганных слуг – вот что теперь окружает ту, которая рискнула бросить вызов могущественному властелину пустыни. Каждую ночь, ожидая смерти, она рассказывает Ло-Мелхиину новую историю. Каждое утро встречает новый восход. Но надолго ли у нее хватит сил?

- [Джонстон Э. К](#)
 -
 -
 - [I](#)
 -
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [II](#)
 -
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [III](#)
 -
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [IV](#)
 -

- [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [V](#)
 -
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [VI](#)
 -
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [VII](#)
 -
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [1](#)
 - [Благодарности](#)
-

Джонстон Э. К

Сказки тысячи ночей

E. K. Johnston

A Thousand Nights

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Adams Literary и Andrew Nurnberg

Copyright © 2015 by E. K. Johnston

© П. Киселева, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

*Посвящается
доктору Давью,
которая показала мне
пустыню, ее прошлое и
будущее, и научила меня
искать.*

*Джо, Эми и
Мелиссе, которые
подбадривали меня,
когда я училась писать
про Джона Друитта, а
также Тессе, которая
не перестает толкать
меня на новые
свершения.*

I

Мы не знаем, зачем мы вышли из моря на эту твердую и пыльную землю, но точно знаем, что мы лучше нее.

Обитатели этих мест ползают под палящим солнцем, добывая себе скудное пропитание в бескрайних песках, пока сами не смешаются с песком, превратившись в пищу для пустынных воронов или еще более мерзких созданий. Солнце нас не тревожит, а песок доставляет лишь мимолетное неудобство. Мы сильнее и выносливее, мы лучше приспособлены к жизни. И все же поначалу нам здесь пришлось нелегко.

Людей было много, а нас мало. Мы не понимали их, а они – нас, и потому они нас боялись. Они нападали на нас со своим грубым оружием, с тяжелыми камнями и ярким огнем. Мы узнали, что пролить нашу кровь на песок не труднее, чем людскую, пока мы не научились создавать себе тела, не способные кровоточить. Мы ушли в пустыню, прочь от оазисов – в иссушенные солнцем земли, куда они не могли за нами последовать. Оттуда мы наблюдали за ними, выжидая.

Они умирали, а мы – нет. Мерно текла наша жизнь, и с годами мы узнавали о них все больше. Мы смотрели, как они приручают туров, а потом и лошадей. Мы смотрели, как они учатся стричь овец и чесать шерсть. Они пряли, а мы ощущали натяжение нити с каждым поворотом веретена. Они ткали – и каждое движение их пальцев отдавалось в наших костях.

Мы желали иметь все те вещи, которые делали они, но сами, хоть и располагали временем в избытке, не были склонны осваивать ремесла. Всегда было проще взять желаемое силой. И мы брали. Мы похищали ткачей и привозили к себе в пустыню. Мы кормили их песком, а им казалось, будто они на пиру, и они творили для нас чудесные вещи, пока не умрут. Кузнецов мы поднимали с постелей, заставляя работать у раскаленных печей, пока кожа их не покроется волдырями. Они ковали для нас клинки и украшения, расплачиваясь за это собственной жизнью, а мы забирали себе их творения.

Когда они работали, мы ощущали прилив сил, и вскоре самые юные из нас стали уходить на охоту все дальше от дома, чтобы поживиться за счет других мастеров. Они возвращались, полные сил и могущества, с ожерельями из костяшек тех, чьими руками этого достигли.

Но мне всегда было этого мало.

Я жаждал большего.

Однажды в пустыне я встретил охотника, который забрел слишком далеко от своих товарищей.

И я взял что хотел. Взял.

Глава 1

Ло-Мелхиин погубил уже три сотни девушек к тому дню, как пришел в нашу деревню выбирать себе новую жену.

Та из нас, кого он выберет, станет героиней. Она подарит жизнь всем остальным. Ло-Мелхиин не вернется в нашу деревню, пока не возьмет по одной жене из каждого поселения, каждого городка и каждого квартала внутри городских стен – ибо так велит закон, пусть он и порожден отчаянием. Та, кого он выберет, подарит надежду на счастливое будущее и любовь всем, кто останется дома.

Она станет божеством для своего народа на все времена. Она покинет нас, но мы навсегда сохраним частичку ее души и будем лелеять ее в своих воспоминаниях. Ее имя будут шептать с благоговейным придыханием у святилищ, возведенных в ее честь. Другие девушки будут петь ей благодарственные гимны, и нежные их голоса будут разноситься с ветрами далеко по пустыне, рассеиваясь над мельчайшим песком. Ее родители даже в самую жестокую засуху будут приходить к святилищам с подношениями из пресноводных цветов и маринованных кореньев. Та, кого он выберет, никогда не будет забыта.

И все же она умрет.

Каждый раз все начиналось одинаково: Ло-Мелхиин выбирал одну из девушек и вез ее в свой каср, чтобы сделать своей женой. Кто-то прожил в его покоях всего одну ночь, кто-то продержался целый месяц, но в конце концов все они становились добычей пустынных воронов. Он объезжал город за городом, деревню за деревней. Угроза нависала над каждым племенем, каждой семьей. Он поступал как ребенок, который растягивает удовольствие, поедая финики по одному и смакуя каждый в поисках совершенной сладости. Но, перебирая девушек одну за другой, он ни в ком не находил того, что искал.

Когда он приехал в нашу деревню, за себя я не боялась. Я давно привыкла жить в тени своей сестры-одногодки, которая была старше меня на десять месяцев. Она была красавицей. Я – довеском. До закона Ло-Мелхиина, до того, как ужас перед участью попасть на его брачное ложе распростерся над пустыней, словно иссыхающее плодовое дерево, отчаянно тянущее свои ветви к воде, я была уверена, что выйду замуж после сестры, скорее всего за родного или двоюродного брата ее суженого. Она была желанной добычей, но мысль о разлуке со мной претила ей, и все

в деревне знали, что мы – парный товар. Младшей женой в ее доме я бы не стала – слишком важным человеком был мой отец, – но меня выдали бы за человека ниже по положению.

– Ты не лишена красоты, – сказала она мне однажды, когда мы глядели на пустыню, распалемую жарким солнцем нашего четырнадцатого лета. И я знала, что это правда.

Обе наши матери были красивы, хорош собой был и наш отец. И насколько я могла судить о собственной внешности, мы с сестрой были во многом похожи: у обеих – кожа цвета каленой бронзы, чуть темнее песка, а от ветра и солнца становившаяся еще смуглее. Волосы – такие длинные, что на них можно сесть, и темные – того цвета, какой бывает вокруг звезд самой глубокой ночью. Я решила, что отличие – в наших лицах: в форме глаз, в изгибе губ. От одного взгляда на ее лицо у меня перехватывало дыхание. Своего же лица я никогда не видела. У нас было мало бронзы и меди, а вода – только на дне колодца.

– Но я – не ты, – ответила я. В моих словах не было горечи. Сестра никогда не пыталась внушить мне, что я чем-то хуже нее, а над теми, кто указывал мне на это, лишь насмехалась.

– Это правда, – признала она. – А мужчинам не хватит воображения, чтобы разглядеть нас отдельно друг от друга. Об этом я сожалею.

– А я нет, – сказала я, и так оно и было. – Потому что я люблю тебя больше дождя.

– Вот это да! – рассмеялась она. – Ты видишь мое лицо каждый день, и оно тебе до сих пор не надоело! – И мы пустились бегом, уверенно ступая по текучей поверхности песка.

Вместе мы были сильны. Мы легко несли большой кувшин с водой, разделяя его вес пополам. Из-за толстых керамических ручек даже пустой сосуд был очень тяжелым, но ручек было четыре, а у нас – четыре руки. Мы научились этому еще в детстве, и взрослые угощали нас засахаренным инжиром за то, что мы проливали так мало воды по пути от колодца. Но и когда мы уже стали достаточно взрослыми, чтобы нести кувшин в одиночку, мы предпочитали ходить за водой вместе, как и делать все прочие домашние дела. Почти все – от рукоделия и готовки до истребления ядовитых змей, выползающих из колодца, – нам удавались одинаково хорошо. У меня лучше получалось петь песни и рассказывать семейные предания, но сестра умела подобрать собственные слова, и ей не нужно было ссылаться на чужие деяния, чтобы донести свою мысль. Быть может, именно это внутреннее пламя и делало ее такой красавицей. Быть может, именно оно и отличало ее лицо от моего. Быть может, именно поэтому оно

никогда мне не надоедало.

Я боялась, что и Ло-Мелхиин увидит в лице моей сестры то самое, что так долго искал, и что ему тоже никогда не надоеет. Поначалу он брал в жены лишь самых красивых девушек, дочерей самых знатных вельмож и самых богатых купцов. Но когда стало ясно, что его жены умирают одна за другой, влиятельным господам это пришлось не по нраву, и они начали подыскивать ему невест в других местах. Они стали прочесывать деревни в поисках подходящих девушек, и некоторое время никого не заботили судьбы бесчисленных простолюдинок, которых отправляли на погибель. Однако вскоре жители деревень подвели счет своим потерям и прекратили торговать с городами. Тогда-то и был принят закон: по одной невесте из каждой деревни и каждого городского квартала, и лишь потом по второму кругу. Он погубил уже столько девушек! И я не могла допустить, чтобы моя сестра стала одной из них. Из всех рассказов про Ло-Мелхиина две вещи мы знали точно: он всегда забирает одну девушку и она всегда, всегда умирает.

Когда над пустыней взвилась пыль, мы поняли, что он едет к нам. Он уже знал, сколько нас и у кого есть дочери подходящего возраста. Перепись была частью закона – так мужчинам легче было убедить себя, что он справедлив.

– Но ведь он не справедлив, – прошептала моя сестра, когда мы лежали с ней бок о бок под открытым небом, любуясь на звезды нашего семнадцатого лета. – Мужчин же не заставляют вступать в брак и идти на смерть.

– Нет, – отвечала я. – Не заставляют.

И вот мы стояли в тени отцовского шатра и ждали. Отовсюду слышались стоны и плач. Матери прижимали к себе дочерей, отцы беспокойно топтались вокруг, не в силах вмешаться и не желая нарушить закон. Нашего отца с нами не было. Он уехал торговать. Мы не знали заранее, когда приедет Ло-Мелхиин. Вернувшись, отец обнаружит, что его самый прекрасный цветок забрали прочь, а ему остался лишь сорняк.

Ветер отчаянно трепал мое покрывало и выбивающиеся из-под него распущенные волосы. Сестра заплела волосы в косу и стояла, выпрямив спину и откинув покрывало назад, так что ее черные волосы сияли на солнце. Она глядела вдаль в ожидании бури, а в ее глазах назревала иная буря, делавшая ее еще прекраснее. Я не могла потерять ее, но понимала, что стоит Ло-Мелхиину увидеть ее, как она будет потеряна для нас навсегда.

Я перебирала в памяти все истории, какие слышала за свою жизнь: те,

что рассказывали шепотом у очага моей матери и те, что громогласно вещал наш отец на советах старейшин в своем шатре. Я знала их все наизусть: откуда мы пришли, кем были наши предки, какие герои были в нашем роду, каких богов чтит наша семья. Я пыталась найти в этих историях что-то, что могло мне пригодиться, но не находила ничего. Мир еще не знал подобного Ло-Мелхиину и не сочинил историй о том, как бороться с такими созданиями.

Но даже если целой истории нет, быть может, в какой-нибудь из них найдется хоть что-то похожее. Сюжетная нить в истории воина, взявшего осадой город с неприступными стенами. Отрывок из предания об отце, которому пришлось выбирать между двумя дочерьми и решать, кого из них отправить ночью в пустыню. Интрига в сказании о влюбленных, вступивших в брак вопреки родительской воле. Одна из линий в истории пожилой женщины, чьих сыновей незаконно призвали на чужую войну. Истории историям рознь.

Ни одно из известных мне сказаний само по себе не объясняло, как спасти мою сестру от краткого и губительного замужества, но в памяти у меня скопилось множество обрывков, которые, словно песчинки, сыпались сквозь пальцы, пока я пыталась набрать еще и еще. Но я хорошо знала песок. Я родилась на песке и на песке училась ходить. Я смахивала песчинки с лица и вытаскивала их из тарелки с едой. Я знала, что нужно лишь набраться терпения и разжечь достаточно сильный огонь, чтобы песок затвердел и превратился в стекло, – и тогда я смогу извлечь из него пользу.

Сестра всматривалась в облако пыли, ожидая увидеть в нем Ло-Мелхиина, но я всматривалась в песок. Ее отвага перед лицом этой бури придавала мне сил. Она взяла меня за руку и улыбнулась, хоть и не понимала, что я задумала. Она уже смирилась с тем, что станет той, кто спасет нас, богиней, которую мы будем чтить после ее ухода. Той, кто умрет. Но я этого не допущу.

К тому мгновению, когда даже старики уже могли разглядеть в надвигающемся облаке пыли сполохи на бронзовых доспехах всадников и расслышать топот лошадей, скачущих во весь опор под палящим солнцем, а ветер растрепал косу моей сестры, нежно играя с выбившимися прядями, будто тоже боялся ее потерять, мой план был готов.

Глава 2

Когда приехал Ло-Мелхиин, некоторые из девушек принялись рвать на себе покрывала и обрезать волосы ножницами для стрижки овец. Глядя на них, я чуяла их страх. Я была единственной, у кого имелась сестра-ровесница, кому было за кем спрятаться. Я могла стоять рядом с ней и остаться незамеченной. Остальным не за кем было укрыться. Им приходилось идти навстречу Ло-Мелхиину в одиночку, и они уродовали себя в надежде ускользнуть от его внимания.

Ло-Мелхиин нынче был уже не столь разборчив. Теперь, когда он брал в жены не только самых красивых, казалось, что он выбирает наугад. Все равно ведь невеста не продержится долго. Странствуя по пустыне с караваном, наш отец слышал рассказы о том, как Ло-Мелхиин привозил очередную невесту в свой каср в Великом Оазисе, где ее наряжали в шелка и умаляли благовониями, чтобы отбить запах пустыни. Неважно, как она выглядела в своей пыльной деревне, ведь пыль легко смыть. Но попадись ему девушка, подобная моей сестре, которая притягивала взгляды смертных и богов, просто шагая по деревне с прижатым к бедру кувшином, Ло-Мелхиин без сомнений выбрал бы ее.

Сестра была одета в платье из белоснежного льна, на который под ярким солнцем было больно смотреть. Она выглядела просто, но ослепительно – особенно в сравнении с девушками, которые в ужасе падали на колени, заслышав топот лошадей. Я знала, что надо действовать быстро.

Я пошла в шатер ее матери, где моя сестра была зачата, появилась на свет и училась танцевать. Ее мать сидела на постели и беззвучно плакала. Я подошла к ней, опустилась на колени и протянула край своего шелкового покрывала, чтобы ей было чем утереть слезы.

– Госпожа матушка, – окликнула я ее, ибо так было принято обращаться к матерям, не родным по крови. – Госпожа матушка, нужно спешить, если мы хотим спасти вашу дочь.

Мать моей сестры подняла голову и ухватилась за край моего покрывала.

– Но как? – спросила она, и я увидела в ее глазах отблеск отчаянной надежды.

– Оденьте меня в одежду сестры, – попросила я. – Заплетите мне волосы, как заплетаете ей, и дайте мне украшения, с которыми ей не жаль

будет расстаться.

– Ей будет жаль расстаться со своей сестрой, – возразила мать моей сестры, но руки ее уже принялись за работу. Как и я, она отчаянно хотела спасти свою дочь и не задумывалась о том, чего это будет стоить.

– Кого-то все равно выберут, – сказала я. Мне все еще не было страшно. – У моей матери хотя бы есть сыновья.

– Пусть так, – согласилась мать моей сестры. – Но сын – это не дочь.

Я не стала говорить, что дочь – это хуже, чем сын. Она и сама это знала, ведь у нее тоже были братья. У ее же дочери, моей сестры, братьев не осталось, и лишь замужество дочери позволит ей выжить, если не станет нашего отца. Моя мать справится и без меня, но мать моей сестры обеспечить будет больше некому. Я могла спасти больше людей, чем сестра, хоть это для меня было и не главное. Мне ни на миг не приходило в голову, что моя мать будет сильно горевать обо мне, – разве что по доброте своего сердца.

Сестра вбежала в шатер, когда ее мать застегивала на мне последнее золоченое ожерелье. На мне была ее пурпурная дишдаша, перехваченная на талии и запястьях витыми шнурами. Мы с сестрой вместе расшивали черной нитью ворот, лиф и рукава, нашептывая друг другу секреты, которые ложились на ткань аккуратными стежками. Мы скоротали за этой работой почти всю свою пятнадцатую зиму, превратив мотки сырой нити в готовое платье. Оно должно было стать ее свадебным нарядом. У меня самой не было ничего подобного. Когда мышили, сестра сказала, что это платье столь же мое, сколь и ее, ведь оно сшито и моими руками. В переплетении нитей, в вышивке, в окраске таились мечты и признания, которые мы скрывали даже от матерей. Наряд предназначался сестре, но поскольку она хотела, чтобы он был и моим, пурпурно-черное платье смотрелось на мне очень красиво, а именно это мне и было нужно.

– Нет! – воскликнула сестра, когда ее глаза свыклись с полумраком шатра после яркого солнца и она смогла разглядеть меня. Она поняла, что сегодня, вопреки обыкновению, всякий взгляд, обращенный на нас, скользнет мимо нее и остановится на мне. – Нет, сестра, не делай этого!

– Слишком поздно, – сказала я. – Люди Ло-Мелхиина уже здесь.

– Благодарю тебя, дочь души моей, – выдохнула мать моей сестры. Она всегда была добра ко мне, с самого моего детства. Она учила меня поминальным обрядам наравне с сестрой. Но лишь в этот миг я поняла, что она любила и меня тоже. – Я буду молиться за тебя.

Сестра взяла меня за руку и вывела на улицу, чтобы не дать слугам Ло-Мелхиина повода тащить нас из шатра силой. Я шагала навстречу своей

судьбе, а сестра шагала рядом со мной. Впервые люди оборачивались на меня, а не на нее.

Мы подошли к остальным девушкам, которые с удивлением уставились на мой роскошный наряд. Я встала впереди всех, выделяясь на их фоне темным и ярким пятном. Моя сестра, прежде столь ослепительная в своем простом одеянии, теперь казалась грубоватой копией. Прелестной, но несовершенной. Я слышала, как мужчины перешептываются у нас за спиной:

– Ну надо же! А ведь она ничуть не хуже сестры. Как жаль, что мы не замечали этого раньше!

Я не смотрела на них. Держа сестру за руку, я вела всех за собой к колодцу, у которого стояли, перебирая копытами, взмыленные лошади. Мы проходили мимо чужих шатров, где жили семьи, у которых было меньше скота и меньше детей. Остальные девушки шли следом, стараясь держаться ко мне поближе. Они чувствовали, что могут укрыться в моей тени, в моем пурпурном оазисе, который даст им надежду на спасение. Колодец всегда был для нас источником жизни, а теперь возле него одна из нас встретит свою смерть.

Ло-Мелхиин не стал спешиваться. Он сидел в седле, возвышаясь над нами и отбрасывая на песок длинную тень. Я не видела его лица. Подняв голову, я увидела лишь черное пятно на фоне слепящего солнца. Тогда я стала смотреть на его коня. Я не хотела опускать взгляд. За мной стояли остальные девушки, а позади старейшины удерживали их плачущих матерей. Я задумалась о том, кто обнимает мою мать, – ведь ни отца, ни братьев дома не было, – но не стала оборачиваться. Мне хотелось быть решительной и твердой, как камень, но страх начал закрадываться в мое сердце. А что, если, несмотря на все мои усилия, выберут сестру? А что, если выберут меня – и я умру? Я отогнала эти мысли прочь и снова стала думать обо всех тех историях, нити которых вплела в свой план. Их герои не отступали. Они твердо шли избранным путем, не оглядываясь назад, что бы ни ожидало их впереди.

– Сделай меня божеством, – прошептала я сестре. – Когда меня не станет.

– Я сделаю это прямо сейчас, – ответила она под звон сбруи, пока слуги Ло-Мелхиина спешивались и шли к нам. – Какой прок от того, что тебя почитают, когда ты мертв? Мы начнем сразу же, как они заберут тебя, и ты станешь божеством раньше, чем доберешься до касра.

Я молилась богам всю свою жизнь. Отец отца нашего отца был великим скотоводом – у него было столько овец, что не сосчитать и за

целый день. Он продавал шерсть деревням по всей пустыне, и мы всегда молились ему, когда отец уходил с караваном. Отец всегда возвращался домой невредимым, с подарками для наших матерей, работой для моих братьев и прибылью для всех нас, но иногда я задумывалась – а было ли это заслугой божества? Впервые мне захотелось, чтобы отец был здесь. Он не смог бы меня спасти, но я могла бы спросить у него, ощущал ли он помощь божества, когда был в пути.

– Спасибо, сестра, – промолвила я. Я не была уверена, что это мне поможет, но вреда это причинить не могло.

Один из стражников Ло-Мелхиина грубо схватил меня за плечо, но я с готовностью пошла за ним к лошадям. Его лицо было закрыто повязкой, но глаза выдавали его. Ему не больше моего хотелось быть здесь, но он исполнял свой долг, как и я.

Поняв, что я не буду сопротивляться, он ослабил хватку. Я держалась прямо и не оборачивалась, хоть и слышала позади себя рыдания своей матери. Я могла бы обратиться к ней, а не к матери своей сестры, но она бы не помогла мне. Она бы сделала то, чего не мог сделать мой отец, – попыталась бы меня спасти. А это стоило бы мне сестры.

– Я люблю вас, – крикнула я. Эти слова предназначались им всем – и соседям, и родственникам, и обеим нашим матерям, но в то же время они были обращены лишь к моей сестре.

Когда меня сажали на лошадь, сестра опустилась на колени. Ее белое платье испачкалось в песке, волосы упали на лицо. Она стала петь на нашем семейном наречии, на котором отец отца нашего отца говорил со своими овцами и которое я слышала, сидя подле отца, пока он обучал ему моих братьев. Я слышала отдельные слова, но не могла разобрать их. Я знала, что поют для меня, потому что чувствовала, как любопытный ветер треплет мое покрывало, чтобы взглянуть на лицо той, что удостоилась столь горячих молитв.

Ло-Мелхиин рассмеялся, решив, что она горюет о разлуке со мной. Но я знала, что он ошибается. Так подсказывало мне сердце.

Глава 3

Кони Ло-Мелхиина были быстры, словно вихри, танцующие на песке. Не успела я оглянуться, как шатры нашего отца и шатры вокруг колодца исчезли из виду. До того, как стражник усадил меня в седло, это был весь мой мир, а теперь я потеряла его навсегда. Никогда больше я не буду рассказывать сказки своей сестре, изображая руками тени животных в свете лампы. Я стану королевой, пусть и совсем ненадолго, и никогда больше не буду жить в шатре.

Ло-Мелхиин ехал впереди, а его стражники выстроились вокруг меня. Это была пустая предосторожность. Я не умела ездить верхом, и все мои силы уходили на то, чтобы не выпасть из седла. Но даже если бы мне и удалось бежать, идти мне было некуда. Вернись я в деревню, стражники просто догнали бы меня, а попытавшись бежать в пустыню, я бы стала добычей пустынных воронов еще скорей, чем если бы продолжила свой нынешний путь. Я поглядывала на стражников, стараясь рассмотреть, как они сидят и как прижимают ноги к бокам лошадей. Я попыталась подражать им, но вскоре у меня разболелись мышцы. Я была рада, что мое лицо закрыто покрывалом. Мне не хотелось, чтобы они видели мои страдания.

Когда солнце достигло зенита, мы остановились, чтобы напоить лошадей. Это были кони пустынной породы, и они могли бы скакать без передышки весь день, но путь будет легче, если дать им передохнуть. На Ло-Мелхиине не было шпор. Я всегда думала, что лошади очень дороги, ведь даже у нашего отца не было ни одной, – и теперь я окончательно в этом убедилась, потому что Ло-Мелхиин был добр к своему коню. Он сам держал голову животного, поднимая к его губам бурдюк с водой. Рука его нежно гладила морду лошади, и это заставило меня задуматься.

Что это за человек, у которого на руках столько крови, что он может выбрать новую жену, едва взглянув на ее и зная, что она вскоре присоединится к длинному списку его жертв, но при этом останавливается на пути домой, чтобы побережь лошадей? Я ни на секунду не задумалась об этом, спеша спасти сестру. Я думала о ее жизни, о счастье ее матери, но не думала о том, что ждет меня в этом браке. Одну ночь или тридцать проведу я с этим человеком, который смеялся над слезами моей сестры, но поил лошадь из собственных рук?

Конечно, с сестрой и нашими матерями мы говорили о браке.

Расшивая пурпурную дишдашу, что была теперь на мне, мы вкладывали в каждый стежок свои надежды и мечты о будущем.

Мы знали, что однажды наш отец объявит, что нашел жениха моей сестре, а затем и мне, и мы переедем в шатры своих мужей. Будет пиршество, будут песни и все старые обряды. А потом – первая брачная ночь. Теперь же у меня не будет ничего этого – за исключением последнего.

Я огляделась по сторонам, продолжая неуклюже сидеть в седле. Никто не помог мне спешиться, и я твердо решила не пытаться сделать это самостоятельно, чтобы не упасть. Стражник, который увел меня от сестры, был одет в кожаный костюм, куда более подходящий для езды по пустыне, чем мое платье. Он подошел ко мне и протянул бурдюк с водой. Я взяла его, отпила совсем чуть-чуть и отдала назад. Стражник отвел глаза.

– Соли, – приказал Ло-Мелхиин. Это было первое слово, что я от него услышала.

Стражник протянул мне свою солонку – маленькую резную шкатулку, которую он носил на поясе. Взяв ее в руки, я поняла, что она сделана из дерева, а значит, стоит дороже, чем весь мой наряд. Внутри был драгоценный минерал, который поможет нам всем выжить под палящим солнцем. Я облизнула палец и макнула его в россыпь белых крупинок. Я знала, что вкус будет неприятным, но просунула руку под покрывало и заставила себя съесть все. Стражник снова протянул мне воду. На этот раз я выпила побольше, чтобы избавиться от привкуса соли во рту, но успела увидеть, как он бережно, почти любовно пристегнул солонку на место. Она явно была дорога ему не только из-за ценности дерева.

– Спасибо, – поблагодарила я и лишь потом задумалась, было ли это позволено. Некоторые мужчины запрещали своим женам разговаривать за пределами дома, особенно с другими мужчинами. Я еще не была ничьей женой, но по сути была все равно что замужем, а Ло-Мелхиин вполне мог оказаться из тех мужей, которые предпочитают видеть рядом с собой кроткое и безмолвное создание.

– Не стоит благодарности, – отозвался стражник, и в голосе его не было страха. Он по-прежнему избегал смотреть на меня, и я поняла – это потому, что он меня жалеет. Жалеет о моей смерти.

Ло-Мелхиин вскочил в седло, откинув назад развевающиеся полы плотного дорожного плаща и упершись мягкими сапожками в бока лошади. По этому сигналу стражники тоже уселись на коней.

Я пошевелилась в седле, пытаюсь найти позу, в которой было бы не так больно сидеть, но это мне не удалось. Я стиснула зубы под покрывалом, и мы поехали дальше.

Время в пустыне – странная штука. Говорят, в городе Скептики придумали способ измерять время с помощью воды и стекла, но в пустыне есть только бесконечный песок, уносящий время с собой. Невозможно определить, как далеко вы проехали и сколько еще осталось. Именно песок убивает того, кто погибает в пустыне, потому что песок – повсюду, и ему все равно, сможешь ли ты спастись. Наш путь тянулся много часов, но казалось, что прошли целые дни. Мы ехали не той дорогой, какой ходят караваны, поэтому не встречали ни других путников, ни деревень. Я подозревала, что мы ехали по прямой к касру Ло-Мелхиина, тогда как другие путники избрали бы более безопасный кружной путь с оазисами. Но направление нашего пути, как и его протяженность, терялось в бескрайних песках.

Когда солнце подошло к горизонту, а небо из ослепительно-голубого стало превращаться в густо-красное, я увидела вдалеке размытый силуэт и поняла, что мы наконец приближаемся.

Отец отца отца Ло-Мелхиина построил свой каср из белоснежного камня. Наш отец и братья рассказывали нам о нем, потому что видели его во время своих странствий, а моя мать и мать моей сестры, перестав ездить с ними, полюбили слушать рассказы обо всем, что происходит в мире. Днем стены сверкали, вбирая в себя солнечные лучи и медленно нагреваясь в течение дня. С наступлением ночи, когда в пустыне становилось прохладно, они начинали отдавать свой жар, пытаясь вернуть его солнцу, но поскольку солнце уже закатилось, жар двигался волнами, которые издали казались покрывалом из тончайшего шелка, окутывающим расплывчатые контуры городских стен. Но это не было видением, какие возникают у того, кто перегрелся на солнце или мечется в бреду. Это были настоящие стены, и мы подъезжали все ближе к ним.

Город состоял из трех частей. В самом сердце его возвышался каср, где жил и принимал просителей Ло-Мелхиин и где стоял храм. Вокруг пролегли извилистые улочки и теснились поблекшие дома и пыльные шатры. А вокруг них поднималась стена, высокая и неприступная. На город никто не нападал уже много поколений, стена была наследием менее мирных времен. При Ло-Мелхиине мы процветали – по крайней мере, мужчины, а именно мужчины вели учет всему, от зерна и скота до жизни и смерти.

Городские ворота были распахнуты настежь – Ло-Мелхиина ждали. Должно быть, прежде люди выходили к воротам, чтобы посмотреть на невесту Ло-Мелхиина и пожелать ей счастья. У нас в деревне, встретив невесту, люди пели гимны о процветании и долголетьи. В касре таких

песен не пели, во всяком случае не для меня. На улицах стояли люди, пришедшие взглянуть на свою временную королеву, но они были молчаливы и избегали смотреть на меня подолгу. Матери уводили детей, пряча их за дверьми и пологами шатров; выглядели и одевались они точно так же, как наши матери. Стражники теперь держались совсем близко ко мне, но Ло-Мелхиин ехал сам по себе. Он не боялся своего народа. Для большинства его правление не было жестоким.

Лошади почуяли, что мы приближаемся к дому, и резво затрусили по улицам. Стражники держались прямо, стараясь выглядеть подобающе своему положению, хоть и были все в пыли после долгой дороги. Мне же оставалось только покрепче вцепиться в поводья и молиться о том, чтобы не упасть. За долгие часы в пустыне тело мое онемело и боль притупилась, но теперь мышцы снова горели огнем. Когда мы наконец добрались до конюшен, стражники спешили и тот, что с солонкой, подошел помочь мне. Я едва не свалилась на него, и, поставив меня на землю, он чуть помедлил, прежде чем разжать руки. Я разогнула ноги и спину, кости ломило. Но я не стала опираться о стражника – только прикусила язык, чтобы не вскрикнуть от боли.

– Да она умеет показать норы! – заметил Ло-Мелхиин. Говоря это, он не смеялся, что мне показалось странным, ведь он смеялся над страданиями моей сестры. Но тут его внимание привлек подошедший к нам человек в красном одеянии из тонкой ткани. Я предположила, что это дворцовый распорядитель, и его слова подтвердили мою догадку.

– Ее покои готовы, мой господин, – сообщил он. – Как и ваши, если вы желаете уединиться.

– Я сперва прогуляюсь по крепостной стене, – сказал Ло-Мелхиин. – Хочу посмотреть на звезды.

– Как пожелаете, – сказал распорядитель, поклонившись. Затем он махнул стражнику с солонкой, стоявшему рядом со мной: – Пойдем.

Остальные стражники разошлись, а тот, что с солонкой, снова взял меня за руку, на этот раз более мягко. Мы пошли за распорядителем. Мой спутник сопровождал долгим взглядом мое неловкое карабканье по ступеням, но ничего не сказал, и мы молча продолжили путь, пройдя по длинному коридору и оказавшись в саду. Там был звук, которого я раньше никогда не слышала, похожий на тихий шепот, но было слишком темно, чтобы рассмотреть, откуда он шел. Это напомнило мне о чем-то, что я слышала давным-давно, но впечатления от города и касра вытеснили пустыню из моей памяти.

По другую сторону сада нас ждала женщина. Она была старой, а ее

одежда – очень простой, но из добротной материи. Она не стала кланяться, но улыбнулась мне. Это была первая улыбка, что я видела за весь день. Она повела меня к ярко освещенной купальне, жестом отослав стражника и распорядителя, и я последовала за ней туда, откуда доносился резкий запах благовоний и шелест шелков. Там нас ждали другие женщины, державшие наготове щетки, масла и тончайшие ткани, что поблескивали в свете ламп.

Они омывали и обряжали меня как невесту, но я знала, что меня готовят к смерти. И все из головы у меня никак не шел этот звук, похожий на шепот. Тогда я твердо решила пережить эту ночь, чтобы узнать, откуда он доносился. Я взошла по ступеням и очутилась в гареме Ло-Мелхиина.

Глава 4

Когда догорело солнце нашего пятого лета, на нас обрушился сезон дождей, подобного которому я не видела больше никогда. Он подступил незаметно – сперва появилась темная дымка на горизонте, и я не думала, что этого стоит бояться. Мы с сестрой пасли овец, которые в жаркую пору никогда не разбегались, зная, что погибнут, если отобьются от стада. Первый знак беды мы увидели, когда баран вдруг испугался и заблеял так отчаянно, будто его собирались резать. Он принялся бодаться, наступая на нас и на овец, и мы заплакали. Он был нашим любимцем – мы окружали его заботой, выбирали для него лучшие травы и находили тень в жаркий день, прислонясь к его лохматым бокам.

Баран сбил меня с ног и уже готов был затоптать, когда прибежали наши братья. Вопреки своему обыкновению, они не стали кричать на нас и дразниться. Это был второй дурной знак, и тогда-то мы испугались настоящего. Они отобрали у нас посохи и погнали наше небольшое стадо к деревне, а когда я упала, споткнувшись на ослабших после стычки с бараном ногах, старший из них – единственный полнородный брат моей сестры – поднял меня на руки вместо того, чтобы отругать. Мы бежали не к шатрам, а к пещерам, где хоронили мертвых. Небо стало еще темнее и окрасилось в странный цвет. Оно было не черным, как ночью, а серым и бурлящим, а по краям сверкали зеленые сполохи, которые мне совсем не понравились.

У входа в пещеры нас ждали матери. Они были одеты в белоснежные жреческие одежды, как на похоронах и празднествах, а у ног их лежали остатки от наспех проведенной церемонии. Мы никогда не приходили сюда с живыми – во всяком случае, на моей памяти, – но из уроков своей матери я знала, что раз сегодня мы не принесли с собой тело умершего, нужно попросить разрешения, чтобы войти.

Позади нас поднимались по склону другие жители деревни, тащившие на себе все, что смогли унести. Это было не все их имущество. Внизу, где теснились шатры, я видела много дорогих сердцу вещей. Меня охватил страх, хоть я и не понимала его причины, и я прижалась к сестре и ухватилась за покрывало матери.

– Можно нам войти? – спросил отец тихо и почтительно, как он обращался к матери, когда она облачалась в эти одежды, а не тем властным тоном, каким он обыкновенно разговаривал в наших шатрах.

Наши матери переглянулись, и между ними словно произошла беззвучная беседа. Тогда они еще не начали обучать нас своему тайному языку общения с духами умерших, но я увидела в их глазах какие-то знаки, хоть и не могла их понять. Моя мать кивнула, а мать моей сестры воздела руки к небу.

– Мы принесли подношения и исполнили обряды, – объяснила мать моей сестры. – Духи не воспротивились, а значит, можно войти, но помните, что может последовать расплата.

– Придется рискнуть, – сказал отец. – Тучи надвигаются, а нам некуда больше идти.

Тучи. Я повторяла про себя незнакомое слово, чувствуя на языке его странную тяжесть, и боялась ее. Они приближались к нам – темные, густые, нависающие низко над землей. Пока они выжидали, но долго это продолжаться не могло.

– Тогда входите, – сказала моя мать. Она обращалась к отцу, но широко распахнула руки, чтобы охватить всех. – Входите, но будьте осторожны. Духи спят чутко, когда вокруг бушуют такие ветры.

Мы оставили овец на улице под присмотром старшего брата моей сестры. Мы вошли в пещеры, и наши матери расстелили для нас на земле белые покрывала. Отец подходил к каждой семье, объясняя, где сесть и как лучше разложить вещи, чтобы не побеспокоить духов. Потом он вернулся к нам.

– Пойдем, – позвал он нас с сестрой. – Вы должны посмотреть, чтобы знать, каково это.

Раньше он никогда не обращался к нам напрямую. Его распоряжения всегда передавали нам наши матери или старший брат моей сестры. Мы ведь были всего лишь девочками, да еще столь близкими по возрасту, что мало кто из мужчин мог отличить нас друг от друга – разве что старшая из нас уже тогда была милевиднее. Мы растерялись, не зная, как поступить, и моя мать подтолкнула нас вперед, а мать моей сестры ухватила край отцовского платья и сунула его нам в руки.

– Держитесь крепко, – наказала она, и я вспомнила ее слова про расплату. – Что бы ни случилось, держитесь крепко, а потом возвращайтесь к нам.

Мы последовали за отцом ко входу в пещеру, где сторожил овец брат моей сестры. Тучи были уже прямо над нами, простираясь вдаль, насколько хватало глаз. Мне не понравилось, как пахло в воздухе, и отец улыбнулся, заметив, что я наморщила нос.

– Да, дочь моя, – сказал он. – Запомни этот запах. Запомни, как

выглядят небеса. Запомни, как встревожились овцы и как баран сбил тебя с ног. Запомни все это и то, что будет дальше.

Он улыбнулся. Никогда раньше он не говорил со мной так долго. Я была напугана, но в то же время чувствовала в своем сердце жар, способный превратить песок в стекло. Что бы ни ждало нас впереди, отец хотел, чтобы мы с сестрой увидели это, узнали, каково это, и смогли спастись, когда это случится вновь. Именно тогда я поняла, что он любит нас.

Тем временем небо стало совсем черным, и тучи уже больше не могли сдерживать свой напор. Из них хлынули струи, и овцы вскинулись на дыбы, отступая к склону холма. Мгновение спустя я поняла, что это вода. Ее грохот был оглушительным. За всю свою жизнь я видела лишь ту воду, что черпали из нашего колодца. Я мылась в ней, пила ее и поливала ею побеги дыни, но ничего подобного я прежде не видала.

– Это называется дождь, – объяснил отец. – Он проливается на зеленые холмы далеко-далеко отсюда и наполняет водой сухое русло вади. Но иногда по воле божеств тучи соскальзывают с зеленых холмов и устремляются в нашу сторону, принося с собой столько воды, сколько вам доведется видеть лишь несколько раз за всю свою жизнь. Вода нужна нам, но она таит в себе опасность, и скоро вы увидите, почему.

Мы смотрели, как дождь льется с неба, будто из бесчисленных кувшинов. Он обрушивался на нависающие над нами скалы, смывая с них песок и унося его с бешеной скоростью к вади. Овцы промокли насквозь, как промокала их шерсть, когда мы замачивали ее в краске, и источали запах, который нравился мне еще меньше того, что стоял в воздухе перед дождем.

Вдали, за шатрами, раздавался страшный рев, но я не могла разглядеть, что там происходит. Отец глянул на нас, крепко сжимающих край его платья, а затем на брата моей сестры, который стоял у самой стены пещеры. Он тоже промок насквозь, как и овцы, но в глазах его кипела решимость и не было ни капли страха.

Потом раздался другой звук, и я не сразу смогла понять, что это. Оказалось, это кричит моя сестра. Я никогда прежде не слышала от нее подобных криков и испуганно посмотрела на нее, решив, что дождь каким-то образом причинил ей боль. Отец обхватил мое лицо руками и повернул в сторону шатров. Позади них – там, где должно было быть вади, – высилась огромная серая стена. Она обрушилась на то место, где мы спали, ели и играли, и сметала шкуры и веревки, будто их и не было.

Стена продолжала двигаться в нашу сторону, стремительно взбираясь

по склону холма. Я почувствовала, как и в моей груди назревает крик. Вода сокрушила наши шатры. Если она хлынет в пещеры, мы не сможем оттуда выбраться. Отец стоял впереди, а мы держались за него, глядя, как наступает вода. Она подошла к нам вплотную, и на один долгий миг мне показалось, что всем нам пришел конец. Но тут, будто по велению божества, поток отступил. Вода захлестнула сандалии нашего отца, но не забрала его с собой.

В этот момент баран вновь забился в тревоге. Овцы сгрудились вокруг него, прижимаясь к нему мокрыми боками, и их беспокойство еще больше взволновало его. Он бросился на брата моей сестры, который засмотрелся на отступающий поток, и с силой лягнул его. Брат с криком упал и покатился вниз по склону, пока вода не захлестнула его с головой и не унесла прочь.

Отец подался вперед, но не двинулся с места. Попытайся он что-то предпринять, он потащил бы нас с сестрой за собой, и если его самого вода могла пощадить, то нас бы она наверняка поглотила. Мы беспомощно смотрели, как темную фигуру нашего брата уносит все дальше и дальше вниз по течению вади, пока наконец она не скрылась из виду.

– Идемте, – сказал отец. – Больше вам здесь не на что смотреть.

Итак, час расплаты, о которой предупреждала мать моей сестры, наступил. Когда отец рассказал ей о случившемся, она зарыдала. Она плакала, прижимая к себе мою сестру. Духи умерших взяли свое, и брату моей сестры не суждено было покоиться среди них. Его кости поглотила пустыня, а мы с сестрой узнали страшную цену зелени и жизни.

Пока служанки Ло-Мелхиина купали меня и натирали благовониями, я поняла, что звук в саду похож на тот, что мы слышали в начале потопа. Просто он был таким тихим, что я узнала его не сразу, а лишь после того, как женщины уложили меня в горячую ванну и окунули с головой, чтобы намочить мои волосы. Вода полилась мне в нос и уши, и, вынырнув, я закашлялась. Они пожалели меня, как жалели обо всем, что со мной связано. Я была обреченной невестой, приехавшей из захолустья, где отродясь не бывало столько воды, чтобы наполнить ванну. Но, придя в себя, я узнала этот звук.

Это был звук смерти, влаги и зелени. Звук расплаты. Но если найти то, за что я сумею ухватиться, как за отцовский подол, он может стать звуком надежды.

Глава 5

В моих покоях пахло шалфеем, жасмином и страхом. Не было ни намека на запах овец или песка, ведь мы находились в самом сердце касра и сама пустыня не сумела бы найти меня здесь. Я сидела на подушках из тончайшего шелка, а вокруг все было задрапировано занавесями и покрывалами из прозрачной материи, названия которой я не знала. Здесь наверняка прибрали после смерти последней жены, но что-то все же витало в воздухе. В комнате было душно, не ощущалось ни малейшего дуновения ветерка. Лампы горели жарко и ровно, не мерцая. Я ждала.

Служанки коротко остригли мне ногти на руках и на ногах, отшлифовав края пилкой, чтобы они были гладкими. Теперь я не смогу даже выдернуть нитку из своего покрывала, и уйдет много дней, прежде чем у меня снова выйдет прилично ткать. Я не смогу оставить след на коже Ло-Мелхиина. Зубы мои они тоже осмотрели. Городские женщины чистили зубы мятной водой, мы же свои натирали мелким песком со дна вади. У всех черепов в наших катакомбах были ровные ряды зубов, даже у тех моих предков, что умерли совсем дряхлыми. У женщин, купавших меня, улыбки были щербатые. Они, наверное, боялись, что я могу укусить Ло-Мелхиина, но с этим уж ничего не поделаешь.

Если бы на моей свадьбе была сестра, она ждала бы вместе со мной, как и наши матери. Они бы нашептывали мне секреты, которые никогда не говорят вслух при мужчинах. Но я была одна. Меня не кормили, и я была этому рада. Сейчас на сердце у меня было спокойно, но будь мой желудок полон городской еды, новой и непривычной для меня, могло бы быть иначе.

Часовой свечи мне не оставили, неба было не видно, а определять время по стоявшим в углу водяным часам я не умела. Но, по ощущениям, ждать мне пришлось недолго.

Он был одет в шелка, как и я, но его одежды были синего цвета, оттенявшего бледную кожу. Ло-Мелхиин некогда был заядлым охотником, но теперь он редко бывал на солнце. Его шаровары перехватывал пояс с драгоценными камнями, трижды обернутый вокруг талии, с застежкой в виде змеи, кусающей себя за хвост. На этой затейливой металлической застежке столь искусной выделки, какой я никогда прежде не видела, переливались блики от лампы.

На нем была рубашка с широкими рукавами. Мое платье держалось на тесемках, за которые достаточно потянуть, чтобы я осталась перед ним

обнаженной. Как мне раздевать его, я не представляла.

Он сел, держась прямо и изящно, скрестил лодыжки и положил руки на колени. Он не был похож на хищника – разве что глазами, которые хищно посверкивали, пока он рассматривал меня. Я дышала медленно, как антилопа, почуявшая приближение льва.

– Моя низкородная жена, – медленно произнес он. Голос его был очень тихим, как когда он говорил со своим конем, но я не ждала от него той доброты, какую он проявлял к животному. – Ты не боишься меня. Расскажи же, почему.

– У меня нет причин бояться, – отвечала я.

– Разве ты не боишься, что я обреку тебя на смерть, прямо в этой комнате, если ты не угодишь мне? – спросил он.

– Я знаю, что это в твоей власти и вполне вероятно, – сказала я. – Потоп всегда может прийти, стремительно и без предупреждения, ибо земля не способна приготовиться к нему. А значит, бояться его не стоит.

– В этом ты права, – сказал он и улыбнулся. Зубы у него были белые и без щелей. – Но я полагаю, что ты способна продержаться дольше, чем одну ночь.

– Я к твоим услугам, супруг мой, – сказала я и посмотрела ему прямо в глаза.

Моя мать часто говорила так, беседуя с отцом. Ему нравилось, что она отдает себя в его распоряжение. Но до этого самого момента мне не приходило в голову, что раз позволение на то давала мать, она на деле обладала куда большей властью, чем даже он мог себе представить. Ло-Мелхиин считал меня слабее себя, но не все в этом мире меряется по его меркам.

Ло-Мелхиин улыбался.

– Расскажи мне о своей сестре, – велел он. – Слуги нашептали мне, что она красивей тебя, и удивлялись, что я не выбрал ее. Ты сделала это нарочно, и я хочу знать, почему.

В его улыбке было что-то, от чего у меня в душе зажглось пламя. В памяти тут же всплыли обрывки историй, в которых было что-то похожее на мою сестру и которые можно было подогнать под нее. Они крутились вихрем у меня в голове, и я вылавливала их по одному.

– В моей сестре горит пламя, – сказала я, – и я не хотела, чтобы оно досталось тебе.

– Это еще может случиться, – возразил он. – Ты можешь умереть очень скоро, как ты сама сказала.

– Закон не допустит этого, – ответила я. – Городские мужчины и

мужчины пустыни не допустят этого. Если ты нарушишь закон однажды и украдешь чью-то дочь, кто помешает тебе сделать это снова?

– Я терпелив, – сказал Ло-Мелхиин. – Быть может, я просто подожду.

– Она выйдет из возраста, – возразила я. – Мы с ней одногодки, и она успеет выйти замуж к тому моменту, как ты вернешься в нашу деревню.

– Те, в ком горит пламя, не спешат замуж, – сказал он. – Они ждут, пока не встретят пламя, равное своему. Я не видел такого в вашей деревне.

– Моя сестра умеет разжечь пламя в других, – продолжала я. – Ее муж может быть тишайшим человеком, пока не увидит ее. И тогда в нем загорится пламя, равное ее собственному.

– Ты так уверена в ней, – отметил он.

– Не меньше, чем в собственной душе, – подтвердила я.

Он засмеялся, откинув голову назад. Его зубы сверкнули в свете ламп.

Я вновь ощутила внутри себя какой-то трепет, и мое собственное пламя разгорелось еще ярче. Это чувство мне было знакомо. То же самое случилось, когда мы отъезжали от деревни, а моя сестра упала на колени в молитве. Возможно, сейчас она облачилась в жреческие одежды своей матери и собрала других женщин, чтобы помолиться за меня. Я склонилась к Ло-Мелхиину.

– В пустыне, где солнце печет жарче всего, бывают ветры, способные сорвать плоть с костей, – начала я. – Когда приходит пора этих ветров, мы оставляем старых верблюдов умирать на улице. Мы прячемся в шатрах, запасшись едой и водой, и ждем, пока ветер не успокоится.

Поначалу верблюды стонут, слыша, как поднимается ветер. Они знают, что он идет. Они чуют его. Но мы крепко привязываем их, и им не под силу разорвать свои путы. Но они все равно рвутся на волю. Рвутся, чтобы выжить. Они кричат, когда на них обрушивается первая струя горячего воздуха. Так мы понимаем, что выходить уже нельзя. Потому мы и не убиваем верблюдов, пока не придет ветер. Они – наша последняя защита.

Они все кричат и кричат. Если ветер достаточно горяч, все кончается быстро. Но иногда дело затягивается. И однажды моя сестра не выдержала. Она украла лук моего брата и приоткрыла клапан шатра, заслоняясь им от ветра. Ей повезло с направлением ветра, и она сумела застрелить верблюда, чтобы тот перестал кричать. Наш отец был так поражен, что даже не стал бранить ее.

– Так, значит, твоя сестра глупа, – сказал Ло-Мелхиин. – И к тому же мягкосердечна, раз не сумела вынести страданий верблюда.

– Нет, супруг мой, – возразила я. – Моя сестра умна. Она заслонилась от ветра, чтобы тот не обжег ее. И она убила верблюда прежде, чем он

испугался и попытался вырваться.

– Останься он на привязи, он переломал бы себе все кости. А нам они нужны были целыми, – объясняла я. Пламя во мне разгоралось все сильнее с каждым словом. – Мы делаем из верблюжьих костей шесты для шатров, чтобы у нас была крыша над головой. Мы делаем из них подпорки для клапана, через который выходит дым. Горячие ветры приходят не каждый год. Иногда старый верблюд умирает своей смертью, и его приходится свежевать, как антилопу, но тогда его кости уже ни на что не годны, потому что их не закалил ветер. Из них ничего не построишь. Их едва можно использовать для растопки.

Моя сестра не глупа и не мягкосердечна, – продолжала я. – Она готова бороться за свой дом и рисковать, если необходимо. Вот почему я хотела попасть сюда вместо нее, вот почему я никогда не позволю тебе заполучить ее. В моей сестре горит пламя, и горит оно не для тебя.

Ло-Мелхиин вдруг вскочил и схватил меня за руки прежде, чем я успела отпрянуть. Впрочем, он, разумеется, был вправе трогать меня, как пожелает, а значит, оно и к лучшему, что я не сдвинулась с места. Когда наши руки соприкоснулись, загорелось другое пламя. Мне казалось, я вижу его – золотые и голубые нити, словно песок и небо, переливающиеся из моего тела в его. Но я так долго была на солнце в тот день, что не решалась поверить собственным глазам. Он все держал мои руки. Один вздох, пять, десять. Язычок медного пламени скользнул от его пальцев к моим, столь слабый, что я удивилась, почему он мне привиделся. А потом он отпустил меня.

– Молодец, жена, – сказал он и поднялся с места. – Ты преуспеешь в моем доме.

А потом он ушел, и лишь вязкий воздух всколыхнулся, когда он растворился в ночи.

Я откинулась на подушки, чувствуя одновременно усталость и ликование. Я задумалась о том, ощущала ли моя сестра то пламя, что я разделяла с ней сегодня. Интересно, горел ли этот огонь внутри нее и знала ли она, что это такое. Она, должно быть, молилась весь день – или семейным божествам в пещерах, или у алтаря, который она обещала сделать для меня. Ведь я почувствовала в своей душе трепет, а когда Ло-Мелхиин дотронулся до меня, я видела сияние пламени. Я не знала, что это значит и даже что именно произошло, но мне было все равно. Я слышала, как поют птицы в саду, и, хоть я не умела читать время по водяным часам, я знала, что близится рассвет. Я провела первую ночь как жена Ло-Мелхиина.

И я выжила.

II

Ло-Мелхиин приехал в пустыню человеком, а покинул ее кем-то иным.

Он отправился охотиться на львов, ибо его мать любила делать пряжу из их косматых рыжих грив, а они нападали на деревни вдоль окраин пустыни. Он ехал один, как и подобало опытному охотнику, но Надаркви Зоркий наблюдал за ним с красных скал, а рядом стоял Сарейя Быстроногий, готовый в любой момент броситься на помощь Ло-Мелхиину.

Одни говорят, что в тот день Ло-Мелхиин встретил в дюнах злого бога. Другие говорят, что он заключил сделку с демоном. Скептики, оторвавшись на мгновение от своих мраморных табличек для письма, заключили, что он перегрелся на солнце. Бог ли, демон ли, хворь ли – значения не имеет. Истинной причиной был я.

Увидев его, я понял, что он должен стать моим. Он был выше большинства своих соплеменников, плечи его не были согбены тяжким трудом, ему никогда не приходилось самому молотить себе зерно. Одежды его были из лучшей ткани, а в глазах его горело нечто, говорившее о власти. Я возжелал получить это, как желал прежде красивых вещей. И я завладел им.

Разум его был крепче, чем я ожидал, и мне пришлось приложить немало усилий, чтобы найти в нем лазейку. Он любил своих подданных – а их у него было немало. Он чтил свой долг. Он умел чинить доспехи и печь хлеб, хотя в силу своего положения ему редко доводилось это делать. Но в самой глубине его души, под покровом гордости за свой труд и свой дом, крылась тревога, оставлявшая глубокую расселину в его помыслах.

Он был так молод. Отец его правил так дурно. А мать его была так больна.

Туда-то я и впился зубами и когтями. Я выволок его тайные сомнения наружу, подставив их жаркому солнцу. И там, где его сердце дрогнуло, я разбил свой лагерь.

Он сопротивлялся – лучшие из них всегда сопротивляются, – но было слишком поздно. Он стал моим. Я растоптал его чувство долга и похоронил его привязанности. Я оставил лишь то, что мне было нужно. Власть. Знания. Умение править.

Когда я впервые открыл его глаза, мир стал казаться меньше, но он был моим. Воздух наполнял его легкие, потому что я так решил. Я мог бы с

равной легкостью заставить его задохнуться. Стоило мне захотеть, и он снял бы с ног сапоги и обжег бы свои стопы о песок.

Я оставил частичку Ло-Мелхиина в уголке его разума, что не всегда делал с другими. Обычно люди, которых я покорял, сгорали быстро, оставляя во мне чувство голода. Но Ло-Мелхиин был другим. Он был сильнее. И мне доставляло удовольствие слышать его крики.

Я услышал рев и встал, опершись на его копые. Свое копые. Я держал копые его руками – своими руками – и ждал, пока лев подойдет ближе. Ло-Мелхиин умел убивать львов, не испортив шкуру. Он мог подарить им быструю и безболезненную смерть, чтобы затем отнести гриву своей матери, которая радовалась им даже в своей хвори.

Но неподалеку бродили гиены, и когда я метнул его копые – свое копые, – оно вонзилось в лапу льва, пригвоздив его к земле. Зверь снова взревел, на этот раз от боли. Гиены услышали его рев и рассмеялись в ответ, и хохот их раскатился по дюнам, пока они окружали раненного зверя.

Лев пытался отбиться, но гиен было слишком много, а челюсти их – слишком сильны. Они рвали златогривого зверя на куски. Шерсть, кровь и кости разлетались по песку, а они пожирали льва заживо, и ничто не могло помешать им.

Я заставил Ло-Мелхиина смотреть.

Глава 6

Я проснулась от дуновения ветерка – струйки свежего воздуха, не отягощенного благовониями. На мгновение я забыла, где спала, но тут служанка поставила у моей подушки поднос, и я все вспомнила. Я вдохнула свежий воздух, струившийся сквозь открытую дверь, которую я не успела разглядеть накануне, прежде чем тусклый свет свечей усыпил меня, и приподнялась на постели.

– Госпожа, – сказала служанка, – вы должны выпить чаю.

Должно быть, принося завтрак другим женам, она обнаруживала лишь их бездыханные тела, лежащие в шелках. Впрочем, увидев меня живой, она не выказала ни удивления, ни облегчения.

Она протянула мне чашку с такими тонкими стенками, что я удивилась, как в ней держится жидкость. Я взяла чашку обеими руками и отпила. Вкус был ужасный, и я узнала его по описанию своей матери. Это был чай, который пьют, чтобы не зачать ребенка. Ло-Мелхиин вчера дотронулся лишь до моих рук, но я все равно выпила чай до дна.

Прошлой ночью в этой комнате были силы, которых я не понимала. При мягком дневном свете было сложно все вспомнить, но проще было поверить. Я все еще чувствовала в своей груди слабый трепет и знала, что сомнений быть не может. Тот свет, что пробежал между нами, сперва от меня к нему, а потом обратно в другом цвете, не походил ни на что, виденное мною прежде. И здесь мне некого было расспросить об этом.

– Госпожа, – вновь обратилась ко мне служанка, – желаете ли вы поесть?

Интересно, ждала ли она от меня слез или жалоб? Но я лишь села, скрестив ноги, и потянулась за пиалой. Служанка поклонилась, подавая мне ее. Бронзовая посуда была прохладной на ощупь. Еда была простая, будто повар, готовивший ее, знал, что я родом из пустыни, и боялся, что от непривычной пищи мне станет плохо. Я зачерпнула хумус куском хлеба и стала медленно жевать, а служанка стояла рядом, наблюдая за мной.

Ей столько же лет, сколько и мне, подумала я, хотя кожа ее под покрывалом была бледнее моей. Она не знала столь сильного солнца и ветра, как я. Ногти ее были коротко острижены, как и у меня, а волосы уложены аккуратными кольцами на затылке. Такую сложную прическу я никогда не пробовала сделать, и я стала соображать, как бы ее повторить, но мне было не видно, как она закреплена под шелковым покрывалом.

Потом я вспомнила про купальню, где меня наряжали вчера, и поняла, что мне уже никогда больше не доведется причесываться самой. Прическа королевы должна быть изысканна и выполнена чужими руками.

Когда я доела, служанка поставила пиалу на поднос и потянула за шнур, висевший у изножья постели. Раздался нежный перезвон, по сигналу которого в комнату вошли другие служанки. Они принялись распахивать ставни и окна, впуская в комнату свежий воздух, а одна из них унесла посуду. Первая служанка протянула мне руки, и я позволила ей вытащить себя из постели. Я пошла вслед за ней по дорожке, где снова услышала журчание воды. Я остановилась, сомневаясь, позволено ли это, но не услышала возражений и стала смотреть на источник звука. Я пережила эту ночь, чтобы взглянуть на него, и не была разочарована.

Это была статуя женщины, которая гордо возвышалась, опершись ногами на спины двух львов. В руках она держала перевернутый кувшин, из которого тонкой струйкой лилась вода на разноцветную гальку. Женщина была красива, но в глазах ее я заметила нечто, что мне не понравилось, что не сочеталось с ее лицом.

– Госпожа, – сказала служанка, – это мать Ло-Мелхиина. Эту статую изваял Фирх Камнедар в честь ее выздоровления.

Мать Ло-Мелхиина долго и тяжело болела. Здоровье уходило из нее капля за каплей, оставляя ее бледной, хрупкой и лишенной жизненных сил, словно брошенные на солнце голые кости. Когда Ло-Мелхиин вернулся из пустыни после встречи с тем неведомым демоном, который завладел им, он излечил ее, но теперь она больше не выходила на солнце. Интересно, знакомилась ли она с женами своего сына или же не видела в этом смысла?

– Госпожа, – позвала служанка, и я последовала за ней в купальню.

Сегодня они одели меня проще и использовали куда меньше благовоний. Они расчесали мне волосы, свернули их в кольца и закололи под покрывалом. Я не знала, что сделали с пурпурной дишдашой моей сестры, в которой я приехала сюда. Она казалась мне такой изысканной, когда я ее надевала, а теперь я даже не помнила, когда ее с меня сняли. Интересно, ее просто выбросили или отдали кому-то? А может, сохранили ее для моих похорон?

Теперь меня облачили в платье куда более тонкой работы. Шелк был почти невесомым, а стежки – такими мелкими, что мне пришлось прищуриться, чтобы их разглядеть. Служанки накрасили меня, чего не делали прошлой ночью: подвели глаза черным, а потом синим, под цвет платья. Закрыв глаза, я увидела перед собой жителей своей деревни и стала наблюдать, как они просыпаются и готовятся к дневным трудам.

Наш отец по возвращении обнаружит, что его второй дочери больше нет. Возможно, он даже будет скорбеть по мне, вспоминая девочку, которая держалась за край его платья во время потопа, и женщину, которую он мог бы в паре с моей сестрой выменять на достойный выкуп. Нашим братьям, пожалуй, нечего будет сказать. С тех пор, как по наступлении нашего с сестрой десятого лета мы оставили пастушью работу и стали проводить свои дни в шатрах, обучаясь тому, что пригодится нам в замужней жизни, мы видели их нечасто. Мысленно шагая по деревне, я прошла мимо них и направилась в шатер, где теперь спали моя мать, сестра и ее мать.

Я откинула клапан и заглянула внутрь. Вот алтарь, который соорудила сестра в мою честь. Он меньше того, что стоит в пещере, но сделан с большой любовью. Он сложен из темных камней, а вокруг них лежит пурпурная ткань, оставшаяся от платья, которое мы шили вместе с сестрой и которое я забрала у нее, чтобы спасти ей жизнь. На алтаре вместо лампы стоит сальная свеча. Такие свечи стоят дороже и сгорают быстрее, но свет от них ярче, и говорят, что божества внимательнее к такому свету, потому что он больше похож на солнечный.

Сестра стояла на коленях перед алтарем и шептала молитвы на семейном наречии. Моя мать стояла на коленях подле нее, но молчала. Лицо ее было заплаканным, и я знала, что она не будет молиться за меня, пока не сможет вложить в свои молитвы лишь гнев и надежду. Слезные молитвы предназначались для умерших – как когда мы молились за брата моей сестры, которого унес потоп, и за детей, которых потеряла моя мать. Мать моей сестры делала узелки из черной нити и выкладывала их на пурпурный шелк, чтобы придать законченный вид алтарю. Я надеялась, они не забудут, что сестре нужно новое платье. Не стоит им посвящать этому алтарю всю свою жизнь.

– Госпожа, – окликнула меня одна из служанок, и я открыла глаза.

– На мне вчера была пурпурная дишдаша, – сказала я. Слова вырвались сами собой. Это были первые мои слова за много часов. Служанки встрепнулись, но тут же совладали с собой.

– Да, госпожа, – ответила девушка, которая принесла мне завтрак.

– Я бы хотела получить ее назад, – сказала я. – Мы сшили ее вместе с сестрой, и мне бы не хотелось, чтобы ее уничтожили.

– Конечно, госпожа, – ответила она.

Я не привыкла сидеть без дела, поэтому день тянулся бесконечно долго. В моих покоях не было никакого рукоделия, а служанка, сидевшая со мной, молчала. Я кое-как перетерпела утро, потом пообедала печеными перцами, а с наступлением вечера меня вновь повели в купальню.

Служанки умыли меня, распустили и расчесали мне волосы, втирая в них благовония. Меня снова облачили в шелка на столь тонких завязках, что я в любой момент могла остаться обнаженной, и отвели в мои покои.

Ло-Мелхиин, как и накануне, вошел и сразу сел, на этот раз на постель.

– Ты все еще не боишься меня, – отметил он.

– Мне все еще нечего бояться, – ответила я.

– Расскажи мне еще о своей сестре, – сказал он тогда. – Раз ты готова умереть за нее, должно быть, о ней есть что рассказать.

– Так и есть, – сказала я. – Мы вместе сшили платье, такое прекрасное, что сам король обманулся, выбрав синицу вместо журавля.

– Этого платья ей больше не видать, – сказал Ло-Мелхиин. – Если я пожелаю, его уничтожат. Я знаю, что ты просила вернуть его.

– Моя сестра сошьет себе другие платья, – сказала я. – Наш отец любит ее мать и привозит ей лучшие шелка. Мать ее не глупа, чтобы тратить их на себя, и она обучила мою сестру шить платья и покрывала, такие прекрасные, что, когда она идет на базар, никто не может отвести от нее глаз. Теперь она будет шить, вкладывая в стежки свои собственные секреты, и они станут еще могущественнее, потому что ей не придется делить их ни с кем, даже со мной.

– Быть может, я увижу ее на базаре и нарушу закон, – сказал Ло-Мелхиин.

– Не нарушишь, – возразила я. Я не боялась его, поэтому мне легко было говорить ему правду. – Купцы нужны тебе. Если ты нарушишь этот закон, они станут думать, какие еще законы ты готов обойти.

Ло-Мелхиин улыбнулся хищной улыбкой льва и вновь потянулся к моим рукам. Я снова не стала препятствовать ему, хотя на этот раз его пальцы крепче обхватили мои запястья. Я смотрела, как от моих рук к его тянется пламя, пурпурное и черное, как шелк, расшитый секретами. Кровь загудела у меня в ушах, а лампы как будто разгорелись ярче, но затем от его пальцев к моим заструилось медное пламя. На этот раз я была уверена: это не плод моего воображения. Холодное пламя было его силой, я была уверена в этом, а медное пламя было моим, и сегодня оно горело еще ярче. В глазах и в ушах у меня прояснилось, и я постаралась показать Ло-Мелхиину, что ему не удастся меня запугать. Он подался вперед и приложился губами к моему лбу. Я бы не назвала это поцелуем, но ему, похоже, этого было достаточно.

– Мы шили это платье много ночей подряд и плели свои секреты из нитей, которые не расплести, – говорила я напевным голосом, каким

рассказывала старинные предания. Его пальцы не ослабляли хватку. Я чувствовала, что он хочет знать больше, хочет вытянуть из меня мои тайны, но мое пламя придавало мне сил, и я не собиралась сдаваться.

Секреты наши по большей части касались мелочей. Каких овец надо постараться включить в ее приданое, какие горшки она возьмет с собой, когда выйдет замуж и покинет отцовские шатры, какие блюда будет готовить, когда обзаведется собственным хозяйством. Эти секреты не стоили ничего, но в то же время стоили целого мира. В них была моя сестра, и я никогда не расскажу ему, какое сокровище он упустил.

Наутро у моей постели лежала аккуратно сложенная дишдаша из пурпурного шелка, расшитого черной нитью. А я была все еще жива и увидела ее.

Глава 7

В последующие дни я стала понемногу изучать жизнь дворца. Служанки, которые каждое утро приносили мне чай и свежую одежду – и которые, вероятно, будут наряжать меня в саван и петь поминальные песни, когда Ло-Мелхиину наконец со мной надоеет, – были все как одна милостивы. Они носили сорочки, а поверх них – простые белые платья, того же цвета, что и жреческие одежды моей матери, но более строгого покроя. Волосы у служанок были темными, как у меня, но короче и заплетены в косу, свернутую кольцом на затылке. Я бы и сама хотела такую прическу, но каждое утро женщина, причесывавшая меня, ставила надо мной все новые опыты. Замысловатые прически давили в непривычных местах, и часто к полудню у меня начинала болеть голова. К тому же от них зудела кожа.

Служанки в купальне выглядели примерно так же, но за работой носили только сорочки. Они купали меня каждое утро, и, признаюсь, я находила немалое удовольствие уже в том, сколько воды они на меня тратили. Вода была такой горячей, что от нее шел пар, и мне казалось, что она не только омывает мое тело, но и окутывает легкие. Раз уж мне приходилось жить здесь, я решила наслаждаться всем, чем могла.

Вторая половина дня нравилась мне гораздо меньше. Я могла гулять по саду, пока солнце не припекало слишком сильно или же когда оно клонилось к закату и начинали распускаться ночные цветы, но вскоре мне надоело смотреть на одни и те же статуи с их жуткими глазами, и на одни и те же фонтаны, хоть мне и нравилось их пение. На четвертый день, когда одна из служанок собиралась было оставить меня, я ухватила ее за подол.

– Пожалуйста, – обратилась я к ней просительным тоном, будто к своей матери, – не найдется ли какого-нибудь рукоделия, за которым я могла бы скоротать время? Дни тянутся так долго, а я не привыкла сидеть без дела.

Она колебалась, и я понимала, почему. Как супруге Ло-Мелхиина мне полагалось заведовать мастерскими, где женщины ткали и вышивали. Но, в то же время, мне нельзя было доверять ни острых инструментов, ни струн для ткацкого станка, чтобы я не вздумала наложить на себя руки. Оставалось только прядение. Пожалуй, я могла бы причинить какой-то вред веретену, но если надломится острие, у меня в руках останется лишь глиняное пряслице. Тут я вспомнила, что здесь я не просто чья-то дочь, а

королева, пусть и ненадолго.

– Я буду прясть, – объявила я, избавив служанку от необходимости принимать решение. – Это мое любимое занятие, и я бы не хотела потревожить работу ваших мастериц.

– Да, госпожа, – покорно ответила служанка и повела меня вглубь по коридору.

Как только мы вошли в мастерскую, все головы обернулись на меня и все разговоры стихли. В комнате было десятка два женщин, сидевших группами за разным рукоделием, но если бы одна из них сейчас уронила иглу, раздалось бы эхо. Служанка выглядела так, будто мечтала провалиться сквозь землю, но я держалась горделиво. Я подошла вслед за ней к стопкам свежечесанной шерсти, и она протянула мне веретено, а потом села на свое место среди вышивальщиц.

Потребовалось какое-то время, чтобы мои пальцы вспомнили навык. Дома мне редко доводилось прясть – мне поручили вышивание, как только я стала соображать, насколько это ценная работа. К тому же наша шерсть была гораздо грубее. Моя мать могла получить нитки и потоньше, когда хотела, но их привозил отец, сами мы таких не делали. Руки у меня были обветренными и мозолистыми еще с тех времен, когда я пасла овец. Нитка цеплялась за мои грубые пальцы и путалась, так что мне снова и снова приходилось переделывать работу.

Мастерицы ничего не говорили, но я чувствовала, что они наблюдают за мной. Поначалу мне хотелось их внимания, хотелось, чтобы они помнили, кто я. Но они молча смотрели на меня и видели бедную деревенскую девчонку, которая и прясть-то толком не умеет, и мне захотелось, чтобы они перестали.

– Госпожа, – раздался голос у меня за плечом. Я обернулась и увидела пожилую женщину с узловатыми пальцами и доброй улыбкой. Она протянула мне пару мягких белых перчаток, и я взяла их, кивнув в знак благодарности.

– Пустыня рождает сильных, – сказала она. Это была старая присказка, которую отец любил повторять моим братьям, когда они жаловались на ветер, песок или непослушную скотину.

– И не нам роптать на шатры своего родителя, – закончила я, и она улыбнулась еще шире.

Она вернулась на свое место, а я снова взялась за веретено.

Теперь пряжа ровной нитью заструилась у меня под пальцами, кольцами ложась в корзину у моих ног. Я почувствовала, как остальные женщины вновь обратили взгляды к своей работе. Перестав на меня

смотреть, они позабыли о моем присутствии и возобновили свои разговоры.

Моя мать рассказывала мне, что, когда она только вышла за нашего отца и он еще не накопил достаточно, чтобы обосноваться в деревне своего отца, они с матерью моей сестры странствовали вместе с ним. Им такая жизнь давалась тяжело. Помимо тягот постоянных переездов, им приходилось каждую ночь полагаться на гостеприимство жен и матерей других торговцев. Мужчины уважали нашего отца, видя в нем торговца, который сумеет хорошо поставить дело, но женщины смотрели на вещи иначе. Зачем он женился, если не был достаточно богат, чтобы обеспечить своим женам спокойное житье? И зачем он женился дважды?

И все же каждую ночь моя мать и мать моей сестры отправлялись в шатры чужих женщин и доставали свое рукоделие. Всегда находилась одежда, нуждавшаяся в починке, а иногда им доставалась и более тонкая работа, если торговля у отца шла удачно. Женщины смотрели на их работу, наблюдали, как они трудятся вместе, и понимали, что отец наш все-таки не глуп, равно как и его жены. Тогда женщины начинали беседовать друг с другом. От них наши матери узнавали об обычаях хозяев больше, чем отец мог себе представить.

– Когда глаза сосредоточены на работе, – говорила моя мать, готовя меня к жизни жены торговца, – легко забыть, кто сидит рядом и может услышать твои слова. Вы с сестрой должны помнить об этом, когда выйдете замуж. Трудитесь как следует, и тогда те, кто сидит рядом, расскажут вам то, чего вы и не надеялись узнать.

Пусть этот совет предназначался для жены торговца, но мне он пригодится и в королевском дворце. Пока я пряла, женщины вокруг меня завели разговор. Поначалу он был тихим, словно шепот тростника на берегу вади. В тот день они ничего не сказали ни о Ло-Мелхиине, ни о касре, но они уже не замолкали в моем присутствии, и я знала, что, если проживу достаточно долго, то вскоре услышу что-нибудь такое, что может мне пригодиться.

Пока же я сосредоточилась на своем веретене. Этому приему научила меня мать. Прядение не требует большой работы ума, поэтому, когда привыкнешь к весу веретена и толщине пряжи, глаза уже больше не нужны. Мать моей матери последние десять лет своей жизни пряла вслепую, но нитки, которыми моя мать расшивала свою свадебную дишдашу, были несколько не хуже тех, что покупал для нее потом отец.

Прядение – дело для любителей помечтать, а мне хотелось мысленно перенестись к своей сестре – туда, где больше воли и меньше страха.

Дыхание мое стало медленным, в такт вращению веретена, а глаза двигались взад-вперед, следуя за нитью. Я пряла из сырой шерсти, которую будут красить позже, но вскоре в грязно-белой пряже мне стали видаться отблески черных волос моей сестры.

Она была в пещерах внутри холма, где мы хоронили умерших и где я впервые увидела дождь. Моя мать и ее мать стояли рядом, и все они были облачены в белые жреческие одежды, которые женщины моей семьи надевали, приходя в это место. Моя сестра разучивала поминальные песни, хотя никого не хоронили, и наши матери обучали ее своему мастерству. Меня это озадачило. Если ей и придется петь поминальные песни, то лишь те, что приняты в семье ее мужа. Ей нужно будет придерживаться их обычаев. Но я была уверена, что видение не лжет. Сестра разучивала поминальные песни нашей семьи, а это значило, что она решила остаться в шатрах нашего отца навсегда – чтобы всегда быть рядом с моим алтарем.

Интересно, знает ли о ее замыслах отец. Я не могла представить, чтобы он дал на это свое согласие. Конечно, он с почтением относился к божествам, и не в последнюю очередь потому, что именно духу отца отца своего отца он был обязан своей удачей в торговле. Этот алтарь был самым ухоженным в наших пещерах.

Даже во время засухи у него всегда стояли пресноводные цветы и маринованные коренья. Но моя сестра стояла не у этого алтаря.

Алтарь был новым, из камней, выбеленных жарким пустынным солнцем, а не потемневших за долгие годы в пещере. На нем лежали лоскуты пурпурной ткани, которую я сразу узнала. Когда кроили дишдашу для свадьбы моей сестры, ее мать сохранила обрезки, чтобы потом пустить их на талисманы. Делать их мы еще не начали, поэтому обрезки лежали в ее коробе с рукоделием. Но теперь они были на алтаре, разложенные так, чтобы их увидели духи.

Чтобы их увидела я.

Значит, это мой алтарь ее обучали хранить. Алтарь, который сделает меня божеством, когда я умру, и который она обещала построить для меня, пока я еще жива. Я видела, как сестра и ее мать молились у другого алтаря, поменьше, в своем шатре, и думала, что этим все и ограничится. Но, должно быть, она рассказала о своей задумке моей матери – возможно, чтобы утешить ее скорбь, – и они решили вместе молиться за меня в самом священном для нас месте. Теперь она никогда не уйдет. Она будет моей навсегда.

– Госпожа? – окликнула меня добрая женщина, подходившая ко мне раньше. – Госпожа, вам пора идти.

Я встрепенулась, очнувшись от своего транса. У ног моих лежал большой аккуратный клубок грязно-белой пряжи. В зале зажгли лампы. Прошло несколько часов.

– Благодарю вас, – сказала я, обращаясь ко всем. – Увидимся завтра.

Они молча кивнули. Это было смелое заявление.

В ту ночь Ло-Мелхиин снова пришел в мои покои и попросил меня рассказать ему о моей сестре.

– Мой отец уже должен был вернуться с караваном, – сказала я. Он еще не взял меня за руки, но я уже чувствовала, как внутри меня разгорается пламя. Оно пылало и вертелось, как веретено. – Он привез им вести о предстоящем замужестве моей сестры.

– О замужестве? – удивился он. – Ты лжешь.

– Не лгу, – сказала я, хотя его слова были правдой. – В последние годы отец подыскивал мужа для моей сестры, и теперь он нашел того, кто пришелся по нраву и ему, и ей.

– Его так заботит ее мнение?

– Моя сестра должна любить того, за кого выйдет, – сказала я, и пламя во мне разгорелось ярче. – И в нем она зажжет все огни вселенной.

Я солгала, но наутро все равно проснулась живой.

Глава 8

Утром седьмого дня чай мне принесла пожилая женщина. Она была не такой старой, как старшие ткачихи с их узловатыми пальцами и сгорбленными плечами, с их седыми волосами, уложенными в ту простую изящную прическу, о которой я так мечтала. Она была старой, как скала в пустыне, выбеленная и закаленная солнцем, которое сгладило все ее несовершенства. А распущенные волосы, обрамлявшие ее лицо, были золотисто-рыжего цвета, какого я раньше никогда не видела.

Именно волосы ее и выдали. Я поняла, что это мать Ло-Мелхиина, которая была так сильно больна и которую он излечил, вернувшись из пустыни. После болезни волосы ее так и не отрасли, поэтому она сделала себе парик из львиных грив, столь полюбившихся ей. Их невозможно было расчесать или уложить – они поддавались приручению не лучше, чем сами львы. Сияющая в рассветных лучах золотистая грива выглядела причудливо, но красиво.

Я села и взяла из ее рук чашку. Я задумалась, не нужно ли мне встать с постели и поклониться, но не успела я пошевелиться, как она уселась на подушки в изножье кровати, подобрав под себя ноги, словно сама была дочерью пастуха.

– Семь ночей, – сказала она. – Полагаю, я не могу дальше избегать встречи с тобой.

Быть может, поначалу она пыталась проявлять интерес к женам своего сына, а уже потом приучилась не обращать на них внимания, как остальные обитатели касра? Женщины в мастерской все еще избегали говорить со мной, хотя между собой стали беседовать громче и уже не столь осторожно. По крайней мере, теперь они не выглядели столь удивленными, когда я приходила к ним каждое утро, и уже не отводили глаза, когда я прощалась с ними до завтра.

– Для меня большая честь познакомиться с вами, – сказала я. Я не знала, как себя вести и даже как обращаться к ней, поэтому просто пила свой чай, молясь про себя, что ничем не оскорбила ее.

– Мой сын говорит, что ты не боишься его, – сказала она. А я и не знала, что они общаются между собой. Не знала, одобряет ли она его браки. Не знала, боится ли она его.

– Я боюсь его, – ответила я, что было близко к истине. – Я боюсь его, как обжигающего солнца пустыни и ядовитых змей. Все это – часть жизни.

Но солнце дает нам свет, а змеи способны накормить караван, если их поймать и приготовить.

– А благодаря моему сыну в стране мир и процветание, – сказала она, и в словах ее звучала горечь. Ее супруг был плохим правителем.

– И мне не скрыться от него, – согласилась я.

Она посмотрела на меня долгим взглядом, и я поспешила допить свой чай.

– Я расскажу тебе о своем сыне, – сказала она. – Не о том человеке, каким он стал, поскольку его ты знаешь не хуже меня, но о том, каким он был в детстве и когда только учился охотиться.

Я задумалась, не пытается ли она вызвать у меня жалость к нему, но потом вспомнила обо всех тех, кто жил в этих покоях до меня, и сердце мое не дрогнуло. Однако других дел у меня все равно не было, а наш отец всегда поучал моих братьев, что лучшая дорога – та, которую лучше знаешь.

– Я выслушаю вас, – согласилась я.

– Выходи в сад, когда оденешься, и мы поговорим, – сказала она и вышла из комнаты, прикрыв за собой раздвижные двери.

Вошли служанки, лица которых были исполнены волнения, хоть они изо всех сил пытались его скрыть. Сегодня мои волосы наконец уложили в простую прическу, только со скрученными прядями вместо кос, что смотрелось лучше, но хуже держалось на голове. Мне казалось, что у меня в волосах больше шпилек, чем кольев в шатрах нашего отца. Потом меня отвели в сад с фонтаном, который я видела в свой первый вечер в касре, и я села подле матери Ло-Мелхиина. Возле нас стояли корзина с инжиром и кувшин подслащенной воды.

– Я родом с юга, – начала она, – где пустыня синяя и выглядит, как вода, но убивает того, кто попытается пить из нее.

Отец рассказывал мне об этом, и братья тоже видели те места. Это была их любимая история, которую они часто рассказывали нам с сестрой.

Бескрайняя синяя пустыня колышется от дуновения ветра и то убывает, то прибывает в размере, следуя фазам луны. Под поверхностью ее живут какие-то создания, подобные нашим землеройным змеям и насекомым, но если отпить из нее, можно сойти с ума и умереть, как если попытаешься выпить песок.

– В тех краях водятся другие животные, – продолжала она. Я опомнилась и стала внимательно слушать. – Поэтому, когда мой господин пришел, чтобы взять меня в жены, и привез мне мою первую львиную шкуру, я поняла, что должна последовать за ним, чтобы своими глазами

увидеть создание со столь роскошным мехом.

Интересно, каково это – не бояться львов. Когда мы с сестрой начали пасти скот, нас научили убивать шакалов и гиен, но мои братья всегда настаивали: если придет львица, пусть берет что захочет. Самцы, как я узнала позже, были другими, но все равно очень опасными, особенно если бродили по пустыне в одиночку.

– Я любила его, хоть он и был в какой-то мере глуп, – рассказывала мать Ло-Мелхиина. – Он был добр и справедлив. В более спокойные времена из него получился бы прекрасный правитель. Но судьба распорядилась иначе. Я заболела, а вода, которая приходит к нам из дальних краев, по какой-то причине не приходила. Наместники, которым он доверял, предали его, набивая собственные карманы вместо того, чтобы заботиться о жителях вверенных им земель. А потом родился мой сын.

Значит, Ло-Мелхиин был на десять лет старше меня. Когда родилась я, люди уже привыкли к тяжелым временам. Моему отцу приходилось странствовать в более дальних краях и реже бывать дома. Моя мать и мать моей сестры научились беречь каждую лишнюю нитку, каждую буханку хлеба, каждый кусок мяса. Мы не голодали, равно как и остальные обитатели нашей деревни, но в городах дела шли не так гладко.

– Мой сын рос человеком суровой закалки, под стать времени, но в его улыбке я замечала отцовскую доброту, – говорила она. – Я знала, что он будет лучшим правителем, чем отец, и супруг мой тоже знал это. Он тратил много часов на то, чтобы найти Ло-Мелхиину лучших учителей и наставников. В каком бы ремесле ни пожелал он попробовать свои силы, отец находил ему учителя.

Но больше всего он любил охоту, – продолжала она. – Он обучался секретам пустыни с той же легкостью, с какой ястреб учится летать. К своему двенадцатому лету он уже приносил домой больше мяса, чем лучшие охотники касра, хотя в те времена с дичью еще было туго. Он объездил пустыню вдоль и поперек и узнал свои земли лучше, чем когда-либо знал его отец. Куда бы он ни направлялся, его сопровождали верные стражники.

Я много слышала об этих стражниках. Их имена теперь стали легендой, равно как и имя самого Ло-Мелхиина. Быстроногий и Зоркий не спасли своего господина от того неведомого зла, которое повстречалось ему в последней поездке в пустыню. Но его мать говорила о них с такой теплотой, что я изо всех сил старалась сдерживать чувства, которые могло выдать мое лицо.

– Первого льва он убил в свое шестнадцатое лето, – сказала она. –

Зверь таскал овец из деревни неподалеку от города, и люди боялись, что он может пристраститься воровать детей. Мой супруг запретил Ло-Мелхиину охотиться на того льва, но он все равно уговорил стражников ехать и три дня спустя вернулся с доброй шкурой.

С тех пор стало казаться, что львы нарочно дразнят его. Хотя им, должно быть, доставалось не больше дичи, чем нам, поэтому они вынуждены были охотиться на овец, служивших легкой добычей. Уезжая в пустыню, он каждый раз возвращался с львиной шкурой. Мне они нравились безмерно. Они были такими мягкими и так приятно пахли дикой природой. Силы тогда уже покидали меня, неуклонно истаивая под палящим солнцем, и шкуры, которые привозил мне сын, были одной из немногих радостей, какие у меня остались.

Говоря это, она провела пальцами по своему парикю, улыбаясь приятному воспоминанию.

– А потом он отправился за последней шкурой, – улыбка исчезла с ее лица. – А что было дальше, тебе известно.

Мы сидели, слушая журчание фонтана, а солнце над нами поднималось все выше.

– Госпожа матушка, – медленно проговорила я, и мне вовсе не показалось странным обратиться к ней так же, как к матери моей сестры. – Зачем вы рассказываете мне все это?

– Я хочу, чтобы ты знала, что за человек твой муж, – ответила она. – Нехорошо, чтобы ты видела в нем только чудовище. Придворные сказали бы тебе, что он сделал для нас много хорошего и что твоя жизнь и жизни остальных девушек – это цена, которую мы должны заплатить. Я же хотела рассказать тебе, что когда-то он был хорошим человеком, каким мы с мужем надеялись вырастить его. Он больше не тот человек. Но каждый день, пока ты жива, я буду молиться божествам своей семьи, чтобы он снова стал тем человеком.

С этими словами она оставила меня, а я сидела в саду, пока солнце не распалось настолько, что я была вынуждена искать тень. Для меня по-прежнему не имело значения, что Ло-Мелхиин когда-то любил свою мать и своих подданных. Он проливал кровь и поддерживал мир, но люди помнили только про мир. Меня же это не устраивало, хоть я и не хотела бы, чтобы вместо меня жизнь отдала какая-то другая девушка. Проведя в касре семь дней, я твердо решила продержаться еще семь, а потом еще. Теперь у меня была карта торгового пути – во всяком случае, я знала дорогу лучше, чем до того, как мать Ло-Мелхиина рассказала мне о своем сыне. Быть может, у него есть какое-то слабое место, которым я смогу воспользоваться.

Но думала я и о том, что она сказала под конец и о чем говорилось во всех историях, – что он уже не тот человек.

Глава 9

В тот день я не пошла в мастерскую. Вместо этого я стала гулять по саду, рассматривая великолепные статуи, сделанные скульпторами Ло-Мелхиина. Вновь увидев изваяние его матери, стоящей на спинах пары львов, я остановилась. Когда я увидела статую впервые, она показалась мне поразительной и прекрасной. Теперь, повидав эту женщину вживую, я уже была не столь уверена в своем мнении. Статуя казалась жестче и холоднее, и не потому, что была сделана из камня. Черты лица были острее, линия губ – жестче, а плечи – шире, чем в жизни.

Но хуже всего были глаза.

Такие же были и у остальных статуй в садах касра. Все изваяния – неважно, мужчины, женщины или дети, – отличались неестественной красотой, с которой не могло сравниться ни одно живое существо. И у всех в глазах было что-то не то: они неподвижно взирали перед собой, будто ожидая увидеть неведомые ужасы. Смотреть на них слишком долго было чревато безумием.

– Вам нравится статуя? – раздался голос у меня за спиной. Я обернулась и увидела стражника, который угостил меня солью в пустыне. На этот раз он был одет не в кожаные доспехи, которые отражали удары клинков и стрел – и в которых, должно быть, было невыносимо жарко на солнце, – а в льняные штаны и тунику, перехваченную поясом. На поясе, рядом с ножом для еды, висела деревянная шкатулка.

– Она поразительна, – сказала я. – Но повстречавшись с той, кого она изображает, я уже не уверена, что она мне нравится.

– Мне она тоже не нравится, – признался он, подойдя ближе ко мне. – Полагаю, мне позволительно так говорить, ведь это я ее сделал.

Я опешила. Мне никогда еще не доводилось встречать скульптора, тем более столь прославленного, как Фирх Камнедар.

– Прощу прощения, господин, – извинилась я. – Я не хотела вас обидеть.

– Я никакой не господин, – ответил он. – И я не солгал, сказав, что статуя мне не нравится. Мне не нравятся многие из статуй, что я сделал для Ло-Мелхиина, хоть он и оказывает мне великую честь, выставляя их в столь дивном окружении в собственных садах.

– Но я думала, вы стражник, – сказала я. Не в первый раз за свою жизнь я пожалела, что не обладаю словесным даром сестры. Я умела

интересно рассказывать истории, которые как следует выучила, но не была одарена способностью находить нужные слова, когда говорила от себя.

– Я и есть стражник, – подтвердил он. – Я пришел сюда, чтобы служить отцу Ло-Мелхиина незадолго до его смерти, а потом стал служить самому Ло-Мелхиину.

– Так, значит, резьбой вы занимаетесь для развлечения? – спросила я. Моя мать не одобряла праздности, а поскольку мои братья не желали опускаться до шитья, многие из них, сидя по вечерам у огня, высекали из камня разные полезные вещицы.

– Поначалу так и было, – ответил он. – Я вырезал древки стрел, колья для шатров – ничего сложного. Это помогало скоротать время, когда приходилось сидеть в карауле холодными ночами.

Я взглянула на статую. От стрел и колышков, вырезанных от скуки у костра, несказанно далеко до каменных изваяний, украшающих сады Ло-Мелхиина.

– Что же заставило вас обратиться к камню? – спросила я. По лицу его пробежала тень.

– Однажды я поехал с Ло-Мелхиином за невестой, – сказал он, забыв на мгновение, с кем говорит. Спohватившись, он резко дернул головой и с тревогой глянул на меня.

– Все в порядке, – успокоила я его. – Пожалуйста, продолжайте.

– Что ж, как скажете, – не стал спорить он. – В эти поездки Ло-Мелхиин берет с собой мало людей, и сам, чередуясь с остальными, стоит в карауле и седлает лошадей, будто обычный стражник. Он беседовал с нами и наблюдал, как я вырезаю по дереву. Он сказал, что у меня хорошо бы вышло работать с камнем, если бы я попробовал. А когда мы вернулись, для меня была приготовлена огромная каменная глыба.

Я долго не брался за нее. За это время сменилось, должно быть, шесть жен. Или даже восемь. Прошу прощения, госпожа. Иногда я стараюсь не вести счет.

Мне не в чем было винить обитателей касра. Жены Ло-Мелхиина исчислялись сотнями, а некоторые из них едва ли прожили здесь достаточно, чтобы оставить след в жизни касра. Было бы жестоко ждать, что они станут оплакивать каждую.

– Каждый раз, как мы отправлялись в путь, Ло-Мелхиин смотрел, как я работаю, и говорил, что у меня есть дар резьбы по камню. И каждый раз я не внимал его словам, – рассказывал он. – А потом однажды ночью мне приснился сон – яркий, как никогда прежде. Мне приснилась статуя, заточенная в огромной каменной глыбе – статуя матери Ло-Мелхиина,

стоящей на спинах двух львов.

Когда я проснулся, инструменты оказались у меня в руках, и я принялся за работу, не успев сообразить, в чем дело. Я никогда раньше не вырезал по камню, а статуя, что явилась мне во сне, была прекрасна. Я понимал, что глупо надеяться сделать что-то столь прекрасное с первой попытки. Даже вырезание стрел требует навыка.

Я не прерывался ни на еду, ни на питье, даже когда солнце надо мной разгорелось в полную силу. Руки у меня потрескались и кровоточили, меня мучала жажда, но я не останавливался. Солнце жарило меня живьем, но мне было все равно. Я думал только о статуе, которую надо освободить из ее каменного плена.

Если отлучить барана от овец в течке, он обезумеет, стараясь добраться до них. Неважно, как крепко его привязали. Почувяв их запах, он переломает кости и себе, и всем вокруг в попытках вырваться. Похоже, скульптором овладело безумие того же рода.

– Наконец статуя была готова. Когда я пришел в себя, Ло-Мелхиин стоял рядом со мной. Мне показалось, что он давно наблюдал за мной, хотя я был столь увлечен работой, что не заметил его, – продолжал стражник. – Он осмотрел статую сверху донизу и объявил, что она совершенна. Он поблагодарил меня за великолепную работу во имя своей матери и нарек меня Фирх Камнедар, ибо когда я коснулся камня, у меня открылся дар. Он спросил, каких почестей я желаю в награду, но я сказал, что счастлив быть стражником. Больше всего я люблю не камень, а солнце и песок. Мне не хотелось разлучаться с ними.

– А как же другие статуи? – спросила я. – Откуда они?

– Их я изваял, когда на меня снова находило безумие, – объяснил он. – Иногда я отправляюсь в путь с Ло-Мелхиином, а потом он дает мне камень. И я всегда делаю из него статуи, хоть мне это и не нравится, а потом плоды моего труда преследуют меня в каждом углу этого сада.

Я взглянула на его руки. Они были смуглыми от солнца и ветра, загрубевшими от поводьев и копья, которое он носил, стоя в карауле на крепостной стене. Но никаких ран и порезов на ладонях не было. С тех пор, как я приехала сюда, минуло семь дней, и раны не успели бы затянуться, если бы в тот день с ним вновь случился припадок.

– А когда приехала я, вы ничего не вырезали? – спросила я.

Он улыбнулся. Это была его первая искренняя улыбка с тех пор, как заговорил со мной.

– Я вырезал стрелы, госпожа, – ответил он, – как делал отец отца моего отца. Но, в отличие от него, я не вымениваю их на золото и скот.

Вместо этого я даю их другим стражникам, чтобы они выполняли за меня работы в казармах, к которым у меня не лежит душа. Тогда у меня появляется свободное время, чтобы приходить сюда, в сад.

– Я не понимаю, – призналась я. – Вы говорили, что стараетесь держаться подальше от своих статуй.

– Вы правы, госпожа, – ответил он. – Но цветы прекрасны даже в окружении камня, а фонтаны по-прежнему чаруют меня, как в первый день. Ради этих двух чудес я готов забыть о своей неприязни к статуям и к их глазам. Глаза никак у меня не выходят.

– Фонтаны и впрямь чудесны, – согласилась я, но мне вдруг стало не по себе.

Казалось, мужчины всегда готовы закрыть глаза на неприятное ради приятного. На жуткие статуи – ради мелодичного пения фонтанов. На смерть своих дочерей – ради выгодной торговли.

В касре было много красоты, но много и уродства. Я не стану уподобляться этим мужчинам, которые отводят глаза от одного, чтобы увидеть другое. Я буду помнить о том, какова цена этого всего. Сам того не замечая, скульптор принялся водить руками по спинам львов, будто вновь высекая их из камня. Будь у него при себе инструменты, не сомневаюсь, что он нашел бы новую каменную глыбу и принялся превращать ее в очередное жуткое подобие жизни. Но, несмотря на это, я не могла ненавидеть его. Он угостил меня солью в пустыне и смотрел на меня, когда все прочие стражники отводили взгляд. Возможно, он, пришедший сюда служить человеку, которого любил, был таким же пленником, как и я, только его удерживали обещания иного рода. Меня уже не спасти от гибели, поджидающей меня в этих каменных стенах, но он еще может обрести свободу в объятиях солнца и песка. Я наблюдала за ним, растворившимся в тихой изменчивой музыке льющейся воды.

– Пусть твои руки найдут то, что ты любишь, – прошептала я, так тихо, чтобы не услышал никто, кроме моих божеств. – Пусть твой труд не пугает тебя, но приносит радость тебе и другим. Твори для себя, а не для Ло-Мелхиина.

Когда я оставила его, он по-прежнему гладил руками каменных львов, которых так не любил, прикованный взглядом к струящейся воде. Подойдя к садовой арке, я услышала шорох в кустарнике и поняла, что одна из служанок наблюдала за нашим разговором. Пусть мой брак был далек от традиций и пока даже не скреплен на супружеском ложе, слуги мои, похоже, не собирались забывать о приличиях. Меня не оставят наедине с мужчиной, даже со столь уважаемым, как Фирх Камнедар.

Он сказал, что так нарек его Ло-Мелхиин. Интересно, какое имя было у него прежде, и было ли вообще. Или же солнце выжгло его из памяти скульптора в тот день, когда он изваял свою первую статую?

Глава 10

На десятое утро, проснувшись одна в своих покоях и осознав, что все еще жива, я уже не удивилась. Холодок пробежал по моим жилам, и стены дворца сомкнулись вокруг меня теснее.

Я видела, как странный свет струится от моих рук к рукам Ло-Мелхиина и обратно. Я подозревала, что моя неминуемая смерть наступит не от яда, не от лезвия ножа и не от его пальцев, сомкнувшихся на моей шее. Здесь действовали какие-то силы, которых я не понимала. Какой-то злой дух семьи Ло-Мелхиина или демон, владевший им, играл на наших сомкнутых пальцах. Он и принесет мне погибель. Я не могла молиться божеству, которое сестра сделала из меня. Слова застревали у меня в горле. Но я могла бы помолиться, как делала всю свою жизнь, останкам отца отца нашего отца, хоть они и были далеко от меня.

Я сделала глубокий вдох, как учила меня мать, и представила себе ясное голубое небо и золотистый песок. Раньше, когда мы с сестрой делали это вместе, мы держались за руки и щипали друг друга, чтобы не рассмеяться. Не то чтобы нам не хватало набожности, но мы были детьми, а дети найдут причину для смеха в чем угодно. Моя мать хмурилась, но мать моей сестры улыбалась вместе с нами.

– Божества выслушивают столько печалей, столько отчаянных надежд и желаний, – говорила она. – Пусть иногда слышат и смех.

Сейчас я не смеялась, а в небе над пустыней в моем воображении клубились тучи. И сколько я ни старалась увидеть ясное небо, оно оставалось хмурым, а гладкую поверхность песка тут и там нарушали острые камни и кустарники с колючками, такими длинными, что они могли бы пронзить сердце ягненка. Я открыла глаза, сокрушаясь, что у меня не получалась молитва. Возможно, я и впрямь была слишком далеко от могил своих предков, чтобы молиться их духам.

На крышке деревянного сундука в углу комнаты лежала сложенная дишдаша, которую сшили мы с сестрой. Кто-то принес ее по моей просьбе. Я встала с постели и пошла за ней, впервые ступая по застеленному коврами мраморному полу босыми ногами. Прижимая к себе дишдашу, я вернулась в постель и снова закрыла глаза.

На этот раз я не пыталась увидеть пустыню. Я увидела руки своей сестры, которая вместе со мной расшивала тонкую материю. Я слышала ее голос, шепчущий мне что-то на ухо. Но было там и что-то еще, где-то

глубже. Я перестала следить за ритмом своего дыхания и полностью погрузилась в видение.

Это был обыденный звук, ритмичный и успокаивающий. Это был ткацкий станок, на котором сделали эту ткань. Я не знала, кто ее соткал, – отец привез нам ее, вернувшись с караваном, – но я чувствовала руки ткачихи на челноке, ее пальцы, переплетающие основу и уток. Ткань нашей дишдаши была глубокого пурпурного цвета, в знак богатства нашего отца. На сей же раз из-под челнока выходила другая материя – ярко-оранжевая, с вкраплениями золотой нити. Хотя цвет ткани был и не такой глубокий, изысканный рисунок и тончайшая работа делали ее бесценной. Такая материя достойна стать платьем королевы.

Я почувствовала натяжение нити и мысленно поманила ее к себе. Я увидела, как из ткани мне в руки заструилось оранжевое пламя. Цвет ткани не поблек, но я почувствовала прилив силы и спокойствия. Теперь я, пожалуй, смогла бы вообразить ясное небо, но оно мне больше не требовалось.

Когда я открыла глаза, на коленях у моей постели стояла служанка, которую я прежде не видела. Хотелось бы, чтобы женщины, приходившие в мои покои, не сменялись так часто. Она не прервала меня, и я была этому рада. Она смотрела на меня широко распахнутыми глазами, и я не понимала, почему, пока не взглянула на свои руки, все еще державшие дишдашу. В ярком солнечном свете она казалось бледнее прежнего, но сомнений быть не могло: мои руки и пурпурный шелк платья окутывало сияние, отливавшее медным цветом. Встревожившись, я разжала руки, и дишдаша упала на пол, забрав странное сияние с собой.

– Госпожа! – ахнула служанка, и я подумала, что она сейчас падет ниц. Хорошо, что она хотя бы не убежала в страхе.

– Не обращай внимания, – сказала я. – Божества порой выказывают свое благоволение способами, которые нам не дано понять.

– Да, госпожа, – ответила она, хотя было ясно, что она не больше меня верит в то, что сияние было делом рук божества. Она глубоко вздохнула и встала. – Господин сегодня устраивает большой прием, – сообщила она как ни в чем не бывало. – Начинается звездопад, и он пригласил Скептиков и Жрецов, чтобы обсудить это явление. Он зовет и вас, а сам он сегодня не сможет навестить вас.

Интересно, означало ли это, что на сегодняшний вечер я в безопасности. Если я не пойду, Ло-Мелхиин не увидит меня сегодня и не сможет убить. Но если и пойду, он наверняка не убьет меня на глазах у всех. Я снова почувствовала холод в своих жилах, как после пробуждения,

но теперь он был слабее из-за горевшего во мне медного пламени.

Ло-Мелхиин не станет убивать меня своими руками, в этом я была уверена. В нем была какая-то странная сила, равно как и во мне, и я не смогу разобраться в этом, сидя в своей комнате или беседуя с женщинами в мастерской.

– Я пойду, – решила я, и служанка улыбнулась мне.

Она помогла мне надеть легкую утреннюю сорочку, потому что позже мне предстояло готовиться к приему.

Я позавтракала лепешкой с оливковым маслом, а затем меня повели в купальню. Сборы были еще более тщательными, чем в мою первую брачную ночь, – возможно потому, что столь торжественный повод требовал более сложной прически. Несколько часов служанки мыли, терли и скребли меня, разрисовывали хной, заплетали и укладывали мне волосы. В купальне было тепло, и я могла бы вновь погрузиться в видение о ткачихе или даже о голубом небе пустыни, но я боялась, что тогда снова появится странный свет. Я не хотела пугать служанок. Так что я просто сидела, слушая их разговоры.

– В прошлом году господин позвал только Скептиков, – рассказывала мастерица, чьи потемневшие от хны руки наносили рисунки на мою кожу. – Жрецы разозлились, но, конечно же, ничего не сказали.

– Скептики говорят, что звезды на небе – это не божества, а огненные камни, – сказала девушка, которая отвечала за соли для ванны.

– Кто же способен разжечь столь сильный огонь, чтобы загорелся камень? – возразила мастерица по хне. – И как же они не гаснут, коли на небе некому следить за огнем?

– Уверена, у Скептиков есть ответ и на это, – сказала девушка.

– Да уж наверняка, – рисовальщица закончила расписывать мои руки и принялась втирать мне в волосы хну – для запаха, не для цвета. – Но выслушав и их ответы, и ответы Жрецов, мы лучше пойдем небеса.

Они продолжали спорить, занимаясь моей прической, а я вопреки собственной воле вновь погрузилась в размышления. В шатрах нашего отца Скептиков не было. Они жили только в городе или в деревнях покрупнее. В отличие от Жрецов, которые могут работать в одиночку, Скептикам нужно общество товарищей, чтобы вести споры по разным сложным вопросам, которые они перед собой ставят. Небольшие деревни готовы освободить от работы людей, которые будут ухаживать за могилами предков и чтить алтари, но редко где найдется человек, которому позволят целыми днями лишь размышлять, какими бы умными ни были его мысли. Я еще не встречала ни одного Скептика, а сегодня мне представится такая

возможность.

Я не знала, какие именно полномочия предполагало мое положение во дворце. Слуги считались с моим мнением, и Фирх Камнедар отнесся ко мне уважительно, но я была не уверена, что могу отдавать приказания. Если я заговорю со Скептиком, он может и не удостоить вниманием простую деревенскую девчонку, которой предстоит умереть от рук Ло-Мелхиина, как умерли сотни других до нее. С другой стороны, то, что я до сих пор жива, может показаться ему достаточно интересным, чтобы заговорить со мной. Мне хотелось спросить Скептиков о силе божеств – возможно, им известно, насколько далеко простираются ее границы. Я уже знала ответ Жрецов, но теперь мне хотелось услышать другую точку зрения.

Когда служанки наконец остались довольны моей прической, они принесли мне фруктов, а сами присели отдохнуть, прежде чем внести последние штрихи в мой наряд. Я пыталась привыкнуть к нагромождению тяжелых кос у себя на голове и училась держать чашку, не испортив рисунки хной на руках.

Мастерица по хне внимательно наблюдала за мной, а потом кивнула в знак одобрения.

– Сегодня вы можете особо не волноваться о придворных манерах, госпожа, – тихо сказала она мне на ухо. – На пиру будет лишь свет факелов, а есть будут стоя. Если повезет, все глаза будут обращены к звездам.

– Если повезет, – повторила я и улыбнулась. Она улыбнулась мне в ответ – сперва неуверенно, но потом настоящей искренней улыбкой, когда она поняла, что я не испугана.

Наконец на улице стемнело и настало время одеваться к ужину. Мастерица по платьям распоролла сорочку прямо на мне, чтобы не снимать ее через голову и не испортить прическу. Служанки принесли новую сорочку с кружевной спинкой и закрепили ее на мне с помощью тесемок.

– В этой дишдаше можно только стоять, – объяснила мастерица по платьям. – Вы не должны садиться, если рядом нет служанки, которая поможет вам подняться. Пока вы стоите, платье будет держаться, но если сесть, тесемки ослабнут и могут развязаться, когда вы снова пошевелитесь.

Они принесли дишдашу. Я не смогла скрыть свое удивление. Свет от масляных ламп был неровным, но более ярким, чем от сальных свечей, которыми мы пользовались у себя в шатрах. Из-за того, что свет отражался от блестящей плитки на полу, в купальне было светло, как днем. Ошибки быть не могло, но я все же моргнула несколько раз, чтобы убедиться, что ненароком не провалилась в очередное видение.

Ткань была огненно-рыжего цвета с вкраплением золотой нити,

которая, как и плитка, сверкала в свете ламп. Тяжелый шелк нежно шуршал, пока мастерица оборачивала его вокруг меня, то и дело останавливаясь, чтобы закрепить застёжки, пока ее помощница придерживала остальную ткань. Даже узор на ткани был точно таким, как в моем видении.

– Эту ткань сделали специально под цвет вашего лица, госпожа, – сказала мастерица, очевидно, неправильно истолковавшая мое потрясение. – Но про золотую нить мы ничего не знали. Это сюрприз для всех нас.

– Это точно, – сказала я, осторожно проведя пальцем по ткани. От прикосновения цвета переливались, напоминая легкую рябь в облаках в жаркий летний день, только еще прекраснее.

– Вы будете выделяться даже в темноте, – сказала мастерица по хне. – Похоже, все-таки не все глаза сегодня будут обращены к звездам.

Я молча стояла, ожидая, пока они закончат приготовления. Похоже, восторг по поводу дишдаши окончательно развеял их страхи, что я сегодня умру. Этого страха уже не было и во мне, зато его сменил новый. Мне все еще хотелось поговорить со Скептиком, но теперь придется быть еще осторожнее в своих словах. Я никогда не слышала, чтобы кто-то при жизни видел будущее. Иногда божества давали людям намеки, но всегда очень туманные. Мое же видение было поразительно точным. Я закрыла глаза и вновь попыталась представить себе ясное небо пустыни, как делала уже столько раз с тех пор, как попала сюда. Оно появилось передо мной по первому зову, но на сей раз все было иначе.

Небо было по-прежнему синим, а песок – золотистым, но теперь я различала в них четкий узор. Никогда прежде я не видала, как соткано небо, как песок вплетается в общий орнамент и как они сшиты в одно целое по линии горизонта. Мое сердце забило чаще, и сперва мне показалось, что это от страха. Но, открыв глаза, я увидела, как смотрят на меня служанки – будто я и впрямь настоящая королева. И тогда я поняла, что чувство, разливающееся по моим жилам, – это вовсе не страх.

III

Ло-Мелхиин хорошо знал ту, самую первую. Он знал, как она выглядит. Знал ее запах. Изгиб ее улыбки. Он запомнил ее надолго, ибо любил ее. Я же запомнил ее, потому что похитил ее.

Она была ниже его ростом, а лицо ее светилось радостью на протяжении всей свадебной церемонии и пиршества. Люди тогда еще не знали, что ее ждет. Они даже не подозревали. Они знали лишь, что Ло-Мелхиин счастлив жениться, а земли их наконец избавлены от дурного правления его отца. Они не понимали, что за это придется заплатить. Ло-Мелхиин, разумеется, знал. Он кричал и неистовствовал, но не мог остановить меня.

Когда все угощение было съедено и все песни спеты, Ло-Мелхиина и его невесту отвели в нарядные покои, убранные шелками и залитые лунным светом. Ло-Мелхиин стоял в центре бледного пятна на полу, и когда она подошла к нему, ее темные волосы сочлились ярким цветом на фоне серебристого сияния. Ночной воздух был прохладным, а прикосновение ее губ – горячим. На мгновение чувства завладели Ло-Мелхиинном. Он прекратил свои беззвучные крики, целиком отдавшись ее прикосновению и поцелую. Но когда я крепко сжал его руки на ее тонкой талии, он опомнился и снова закричал.

В ту первую ночь я действовал неумело. Мое холодное пламя разгоралось слишком быстро, а она была слишком влюблена в человека, которого считала своим мужем. Мне потребовалось время и еще несколько жен, чтобы отточить мастерство. Пожалуй, если бы тогда я лучше умел контролировать свои силы, она бы пережила ту ночь. А быть может, и еще десять. Потом я узнал, что страх горит быстрее, а любовь – ярче. Первый пригодился мне больше, ибо вскоре никто уже не был способен полюбить Ло-Мелхиина.

Но в ту ночь все это не имело значения. Я взял у нее что хотел и заставил Ло-Мелхиина смотреть, как она увядает под его руками. Волосы ее стали серыми, затем серебристыми, а затем белыми.

Ее глаза утратили живой блеск, превратившись в тусклые впадины на черепе. Ее кожа усохла, а потом, когда кости под ней одряхли, обвисла. Я лишь жалел, что она не кричала, но Ло-Мелхиин справлялся с этим за двоих.

Наутро, когда служанки пришли будить Ло-Мелхиина, он проснулся

от криков ужаса и отчаяния при виде существа, с которым я делил его брачное ложе. Я тоже притворился, что разбит горем, да так убедительно, что мне поверили. Ее похоронили, а я изображал траур, хотя земли мои процветали. Но правитель не должен оставаться неженатым, и очень скоро советники убедили Ло-Мелхиина забыть о своем горе и жениться вновь. Слишком долго упрашивать им не пришлось.

Вторая свадьба была похожа на первую и на все последующие. Если и ходили разговоры о том, что Ло-Мелхиину не следует жениться вновь, они были тише, чем шаги дикой собаки, вышедшей на охоту в пустыне. Время шло, девушки умирали, и в конце концов накопилось слишком много такого, что не под силу было объяснить даже Скептикам. Но земли процветали, в стране царил мир, а Ло-Мелхиин снова и снова объявлял, что желает жениться.

Тогда в совете решили, какими девушками можно пожертвовать, и был составлен закон.

Законы и правила королевского совета меня нисколько не заботили. Меня интересовала лишь сила, которую я забирал у жен Ло-Мелхиина, когда те всходили на его ложе, и боль, которую я причинял их телам. Постепенно он свыкся с происходящим, и мука его притупилась настолько, что я едва ощущал ее. Но сила моя не убывала, и я обнаружил, что беспомощность наших жертв все еще терзает его. Итак, мы продолжали. Вместе.

Глава 11

Когда мастерица по хне и остальные служанки закончили свою работу, за мной пришел один из слуг и отвел меня в сад, где я прежде не бывала. Он располагался у самого основания крепостной стены, а вход в него был замаскирован под часть стены. Я не раз проходила мимо этой двери, но никогда не замечала ее. Мать Ло-Мелхиина ждала меня возле обветшалой статуи, глаза которой были не столь жуткими, как у изваяний, которые я привыкла видеть в садах касра. Отчего-то это меня успокоило, хотя я по-прежнему понятия не имела, что ждет меня этой ночью.

В темноте мать Ло-Мелхиина казалась еще бледнее, а ее кожа не была разрисована хной. Голову ее, по обыкновению, венчал парик из львиных грив, золотистый цвет которого под звездным светом поблек, точно пустыня под ночным небом. Ее дишдаша была темнее моей – синего или пурпурного цвета, при таком слабом освещении было не различить, – и, в отличие от моей, простого кроя, без вышивки и золотой нити. Я подумала, не слишком ли нарядно меня одели, но взглянув на меня, она лишь кивнула и протянула руку, чтобы поправить выбившийся из моей прически локон.

– Твои служанки пропустили шпильку, – сказала она, и я ощутила прикосновение ее руки, заправившей локон за одну шпильку с соседним. Она слегка подтянула мое покрывало, чтобы прикрыть недочет. – Не забывай держать голову ровно.

– Не забуду, госпожа матушка, – пообещала я.

Она снова кивнула и взяла меня за руку. Мы пошли прочь от статуи с успокоительным взглядом и направились в сторону лаза в крепостной стене. Теперь я поняла, почему сад был спрятан. Должно быть, лаз замаскирован и с наружной стороны, чтобы враги не знали его точного местоположения. Интересно, сколько людей во дворце знали, где он находится? Возможно, и мать Ло-Мелхиина сейчас показала его мне лишь потому, что я могу скоро умереть. Да даже если бы я и выжила, мне едва ли было кому об этом рассказать.

Стены касра оказались такими толстыми, что проход больше напоминал туннель. Мать Ло-Мелхиина уверенно шла в темноте без лампы, а я следовала за ней, не имея иного выбора. Мы не дошли до выхода, который вывел бы нас за пределы касра, а повернули в сторону. Там, к моему удивлению, обнаружилась еще одна дверь, а за ней – узкая лестница. По ней мы вышли на вершину стены, и впервые с тех пор, как меня забрали

из дома вместо сестры, я вдохнула свежий ночной воздух без примеси дворцовых благовоний.

– Идем, – позвала мать Ло-Мелхиина после того, как я трижды вдохнула полной грудью ночную прохладу.

Мы шли по стене, и у наших ног простирались знакомые сады по одну сторону и незнакомый город – по другую. В садах было темно – ради наблюдения за звездопадом потушили все лампы. Город же, широко раскинувшийся под сулящей безопасностью крепостной стеной, был освещен сотнями маленьких огоньков. Похоже, Ло-Мелхиин не был тираном – во всяком случае, не из тех, кто потребовал бы погрузить в темноту весь город ради собственной прихоти.

Я изо всех сил старалась не вглядываться в пустыню и не думать о своей сестре. Знала ли она, что сегодня будет звездопад? За всю нашу жизнь такого еще не случилось. Если предсказать звездопад могли только Скептики, то сестре о нем узнать было неоткуда. Я не знала, достанет ли жреческого мастерства моей матери и матери моей сестры, чтобы предвидеть такое событие. Встревожились ли овцы? В этом я сомневалась. Они скорее проспят весь звездопад и останутся в полном неведении, если только небо не упадет им на голову. Быть может, караульный увидит, как падают звезды, и поднимет тревогу, не понимая, что это значит?

За всей подготовкой я не успела задуматься о самом событии. Я не знала, будут ли звезды падать прямо на песок. Мать Ло-Мелхиина не боялась, что придавало храбрости и мне, но меня тревожила мысль о том, что часть неба вдруг перестанет ею быть. Я постаралась отбросить свой страх. Раз уж я не боюсь хозяина касра, нечего бояться и всего остального, решила я.

Наконец мы подошли к расширению, где плоские камни образовали балкон, растянувшийся от затейливо украшенной двери до самого края стены. Размером он был как все пространство между шатрами нашего отца – там была общая территория, где женщины собирались, чтобы пряхать и чесать шерсть, и где по вечерам при свете огня, на котором жарилась баранина, рассказывали истории. Здесь, правда, никакого огня не было.

А люди, стоявшие вокруг, были мне незнакомы и нарядно разодеты.

Мать Ло-Мелхиина положила руку мне на плечо и, проведя меня через весь балкон, остановилась у двери. Там мы ждали, пока собирались другие гости. Там были Жрецы в белых одеждах и мужчины в одеждах разных цветов – должно быть, Скептики. Там был Фирх Камнедар в шароварах и тунике с каким-то узором, которого я в тусклом свете не могла разглядеть. Там были придворные Ло-Мелхиина со своими женами, в одеждах из

дорогих тканей, которые пропадали зря, потому что без факелов и ламп никто все равно не мог их оценить. Лишь моя дишдаша с золотой нитью блистала во всей красе. Никто не смотрел на меня подолгу, но многие не могли удержаться от короткого взгляда, тут же поспешно отводя глаза.

В шатрах нашего отца бывало немало веселых сборищ. Мы отмечали самый длинный день, самую длинную ночь и те два дня, когда свет и тьма задерживались в небе на равное время. Бывали танцы в честь окота и в честь стрижки овец. Когда отец и братья возвращались с караваном, выменяв шерсть и пряжу на другие товары, мы встречали их с огнями, песнями и угощением.

Моя мать и мать моей сестры танцевали, чтобы ублажить духов и чтобы вызвать дождь, уединившись в священных пещерах. Даже когда умер брат моей сестры, мы пели о радостях его жизни и желали ему блага, где бы ни нашли приют его кости.

Прием Ло-Мелхиина нисколько не походил на эти сборища. Тут было темно и холодно, и не только из-за того, что наступила ночь.

В шатрах нашего отца день был временем труда, а ночь – временем песен и сказаний, но нам всегда было тепло от огня и наших простеньких ламп. Насколько я успела разглядеть, пока мы шли по стене вокруг касра, весь свет там был потушен. Небо же из-за городских огней было не таким ярким, как в пустыне, но казалось ближе.

Гости вдруг встрепенулись, и я взглянула на резную дверь. Там стоял Ло-Мелхиин, а подле него пожилой мужчина. Я догадалась, что это Скептик, потому что он был в темных одеждах, цвет которых скрадывала ночь. Возможно, именно он предсказал звездопад и тем заслужил честь стоять рядом с Ло-Мелхиином? Ло-Мелхиин окинул нас взглядом, точно пастух, пересчитывающий овец перед тем, как перейти на новое пастбище. Глаза его горели ярко, хоть вокруг и не было света, который бы в них отражался, и мало кто осмеливался встретить его взгляд. Его мать смотрела ему в глаза дольше всех, и он улыбнулся ей. Улыбка казалась почти доброй.

– Я благодарен всем вам за то, что вы пришли, – сказал Ло-Мелхиин. Это был голос человека, который сам поит свою лошадь, но я не доверяла ему. – Я знаю, что вы изрядно утомляетесь за день, служа мне и нашему государству. Благодарю вас за то, что вы пожертвовали своим отдыхом, чтобы посмотреть на это чудо вместе со мной.

Они, разумеется, пробормотали в ответ, что их это вовсе не затруднило. А что им еще оставалось делать?

– Прежде, чем небеса начнут свое представление, – продолжал Ло-Мелхиин, – послушаем Скептика Соката Ясноокого, ибо он заслужил право

выступить перед нами сегодня.

Скептик, стоявший подле Ло-Мелхиина, поклонился ему, а потом остальным Скептикам и Жрецам, после чего вышел на середину балкона.

– А как он заслужил право выступить? – спросила я у матери Ло-Мелхиина, стараясь говорить как можно тише. Таким голосом я говорила с сестрой, когда мы не хотели, чтобы другие женщины услышали нас. Сейчас я решила воспользоваться им, чтобы не показать свое невежество в столь торжественной обстановке.

– Они бросали кости, – ответила она таким же голосом. Интересно, с кем она училась так говорить? – Так они показывают, что уважают и волю случая, и богов.

Скептик принял позу, которую я сразу узнала. Так держался наш отец, когда проводил свадьбу в деревне или объявлял новый торговый путь. Так держались мои братья, подражая ему, когда давали нам с сестрой мелкие поручения, которые мы неизменно отказывались выполнять. Ло-Мелхиин держался иначе. Ему не было нужды привлекать к себе взгляды, чтобы заслужить внимание или уважение. Он уже обладал и тем, и другим, и никто не мог ему в этом отказать.

– Подходите же, подходите, – произнес нараспев Скептик. Я инстинктивно подалась вперед, как и остальные. Сокат Ясноокий посмотрел прямо на меня. – Слушайте же, и я поведаю вам тайны небес.

Останься я в шатрах нашего отца, я бы не узнала никаких тайн, кроме того, как вести хозяйство, когда мы с сестрой выйдем замуж. У мужчин, за которых мы бы вышли, были бы свои матери, исполняющие жреческие обряды, а – у тех свои ученицы, кому передать мастерство. Я узнала бы секреты зерна и овец, очага и постели, кухни и ткацкого станка, но больше ничего. Но я не осталась в шатрах нашего отца. Моя сестра теперь учится петь гимны, которые ее мать пела духам, а я могу познать тайны небес. Если я умру, знать их я буду недолго, но все же буду. Соката Ясноокого, похоже, нисколько не тревожило, что та, кому он их рассказывает, может и не прожить достаточно, чтобы обдумать его слова. Я тоже стала смотреть на него, хоть и не была уверена, что он увидит мой взгляд в темноте, да еще сквозь покрывало.

– На небесах живет скиталец, – рассказывал Сокат Ясноокий всем нам, а прежде всего мне. – Он кружит вокруг нас, как мы кружим вокруг солнца, но путь его намного длиннее нашего. На своем пути он собирает за собой караван из звезд, и когда он проходит над нами, мы видим этот караван в небесах.

– И как долго он странствует, достопочтенный Скептик? – спросил Ло-

Мелхиин.

– На каждую ночь, что он пробудет в нашем небе, придется десять лет вдали от нас, – отвечал Скептик. – А он будет освещать наше небо семь ночей, начиная с сегодняшней.

Значит, я больше никогда не увижу каравана из звезд. Неважно, сколько еще ночей я проживу в браке с Ло-Мелхиином. Ни одно дитя, которое может когда-нибудь родиться у меня, не увидит его, даже если проживет дольше, чем большинство обитателей пустыни. Раньше эта мысль могла бы напугать меня, но теперь я сознавала опасности этого мира яснее, чем когда жила в шатрах своего отца. Я могла умереть сегодня или завтра, но в любом случае скоро.

– Господа и дамы, – сказал Сокат Ясноокий. – Взываю к вам: взгляните на небо и станьте свидетелями его чудес.

Все началось с малого. Среди неподвижных огней появилась одна движущаяся вспышка. Она стремительно неслась по небу, переливаясь синим и золотым, а потом утонула в небесной черноте. Не все успели разглядеть ее, так быстро она сгорела, но вскоре появились целые мириады летящих огоньков, на которые можно было любоваться вдоволь.

Я надеялась, что сестра сейчас тоже смотрит на небо. Надеялась, что она не испугалась, но смело стоит посреди пустыни и вникает этой красоте. Отец и братья уже, должно быть, уже вернулись и стоят рядом с моей матерью и матерью моей сестры, глядя, как небеса пляшут над ними.

А потом я позабыла про звезды, потому что Ло-Мелхиин вдруг сдвинулся со своего места. Все остальные – Скептики и Жрецы, вельможи и их жены – стояли, неотрывно глядя на танцующие небеса, но я увидела его. Он пересек балкон, ступая своей бесшумной походкой охотника, будто лев по песку, и остановился возле меня. Его мать взглянула на нас, но ничего не сказала. Я не видела ни ее лица, ни его и порадовалась, что мое собственное лицо скрыто от него покрывалом. Он схватил меня за плечо, едва не порвав тонкую материю платья, и увлек меня за собой в темноту, куда не доставали звезды.

Глава 12

Насколько я могла судить, это была небольшая комната. Я упиралась спиной в жесткие камни. Дул слабый ветерок, но ни шороха шелков, ни запаха благовоний его дуновение не приносило. Похоже, этой комнатой пользовались редко. Ло-Мелхиин нависал надо мной, и от него исходил густой запах пряностей, которыми был приправлен его ужин. Одна его рука лежала у меня на талии, вторая давила на мою грудную клетку. Ему достаточно было чуть сдвинуть руку, чтобы придушить меня.

– Я рад, что ты смогла присоединиться к нам сегодня, жена, – сказал он мне. В словах его не было угрозы, лишь холод и безразличие.

Слова человека, у которого было все и которому нет дела до того, сколько чужого труда для этого понадобилось.

– У меня не было особого выбора, – ответила я. Наверняка он не станет убивать меня здесь, когда на балконе столько людей. Пусть сейчас все они смотрят на небо, но ведь они уже видели меня. Интересно, до какой степени они были готовы закрывать глаза на зверства Ло-Мелхиина? Нет, мы оба выйдем обратно на балкон, как только он получит свое. Я досадовала, что тесемки на моем платье вряд ли выдержат его натиск.

– Полагаю, твоя сестра сегодня тоже смотрит на небо? – спросил он светским тоном. Рука, лежащая на моей груди, не ослабляла хватку. Завтра на этом месте будет синяк. И я была твердо намерена его увидеть. – Она, должно быть, трясется от страха, воображая, что небо вот-вот упадет ей на голову?

– Мой народ знает жреческие обычаи не хуже городских жителей, – сказала я. Наш отец странствовал по пустыне, а сестра моя не была ни глупой, ни трусливой. Она стояла десяти таких, как Ло-Мелхиин. – Моя мать и сестра моей матери знают гимны. Они знают о сегодняшнем событии не меньше, чем твои жрецы, хоть у них и нет Скептика, который бы рассказал им красивую сказочку перед тем, как все начнется.

– Полагаю, даже простая девчонка из пустыни вроде тебя способна это понять, – сказал он и отодвинулся от меня, но я не расслаблялась. Если он отойдет, я не двинусь с места. – У тебя красивое платье. Когда я покупал эту ткань для тебя, она была просто оранжевой. Как это тебе удалось влести туда золото?

Я не стала отвечать. Я не собиралась рассказывать ему, что соткала эту ткань в своем видении, даже если так оно и было.

В его глазах вдруг блеснул огонек, который мне не понравился. Он мерцал, словно лампа на ветру. От такой вспышки в один миг может загореться все вокруг.

– А впрочем, неважно, – продолжил он. – Пора исполнить наш ежевечерний обряд.

До сих пор я не считала это обрядом. У нас не было никаких особых слов или песен. Мы не зажигали свечи, и вряд ли кому-то из нас это приносило умиротворение. Но все же каждую ночь мы сходились снова. Это не было похоже на брак, к которому меня готовили, но это было нечто особое, и теперь он дал этому название.

– Моя сестра тоже исполняет свои обряды – настоящие, вдалеке от городских стен, – сказала я, хоть и сама не знала, как мне удалось это увидеть. – Она готовится к свадьбе и оставляет подношения духам наших предков.

Я знала, что теперь там, где покоились наши предки, цветет мой алтарь, но не собиралась рассказывать Ло-Мелхиину, каких почестей меня удостоили. Другие девушки и их матери приносили туда подношения. А в своих шатрах они соорудили алтари поменьше, сложив небольшие реликвии в память обо мне и обращаясь к ним запросто, без торжественных песнопений. Они поверяли мне свои секреты, свои влюбленности, свои надежды и мечты, а когда я стану божеством, я смогу отвечать на их молитвы. Уезжая торговать, наш отец положит в поясную сумку талисман в память обо мне, и так же поступят мои братья. Лоскуты пурпурной дишдаши отправятся в пустыню, и солнце напитает их силой.

Стоя в этой маленькой холодной комнате, я чувствовала жар пустынного ветра на своем лице. Я протянула руки к Ло-Мелхиину, и он взял их в свои. На лице его, которое мои глаза, свыкшись с темнотой, теперь могли различить, было победоносное выражение. Интересно, было ли оно и на моем? Я чувствовала какую-то победу, но не знала, как могли победить мы оба. Как я вообще могла победить.

Его пальцы сомкнулись вокруг моих, и между нами снова заструился странный свет. Раньше мы всегда делали это при свете ламп в моей спальне. Теперь же, в темноте, я не могла не заметить, что холодный свет не освещал комнату. Он был достаточно ярким, но увидеть при нем ничего было нельзя. Я никогда не видела ничего подобного – это была будто фантазия о свете, а не сам свет. Когда ко мне в ответ заструилось медное пламя, произошло то же самое: этот огонь не давал ни тепла, ни света, ни дыма, но от него мне казалось, будто я становлюсь выше.

Ло-Мелхиин резко отпустил меня, и я пошатнулась. Он протянул мне

руку, изображая заботливого мужа, но я не взялась за нее и лишь оперлась о стену и поспешно проверила, не развязались ли тесемки на моем платье. Каким-то чудом они были целы. Вернувшись к гостям, я буду выглядеть прилично. Ло-Мелхиин рассмеялся и повернулся к двери. Я пошла за ним, потому что больше мне ничего не оставалось. У меня кружилась голова, а кровь в моих жилах бурлила. Но это не было похоже на болезнь. Ребенком я редко болела, но знала, как это бывает. Сейчас не было того иссушающего чувства, будто я одинокое дерево, из которого ветер высасывает все жизненные соки. В прежние ночи, когда мы проделывали этот обряд, я сидела, и после мне не приходилось никуда идти.

– Матушка, – позвал Ло-Мелхиин, когда мы вышли на балкон. Она повернулась к нам. – Я должен переговорить со своими советниками. Присмотрите за моей женой. Боюсь, столь поздний час лишил ее бодрости. Быть может, фруктовый сок поможет ей прийти в себя?

Свет звезд казался особенно ярким после темной комнаты. По лицу матери Ло-Мелхиина я поняла, что она не совсем поверила его словам, но она все же поманила служанку и попросила ту поднести две чаши. Ло-Мелхиин пошел прочь, не оглядываясь и выдав тем самым притворность своего беспокойства.

Я отпила из своей чаши. Мне ничего не стоило послушаться его совета, к тому же меня и впрямь мучила жажда. Сок почему-то оказался холоднее, чем мог его остудить ночной воздух, и это помогло мне вернуться в реальность. Вкус был мне знаком, и в нем не было ничего потустороннего – мы с сестрой не раз ели гранаты в отцовских шатрах. Мать Ло-Мелхиина не стала спрашивать, чем занимались мы с ее сыном. Возможно, она и не хотела знать. Я заметила, как она окинула взглядом мое платье и нахмурилась, увидев, что тесемки не тронуты. Должно быть, она не любила загадок.

Я смотрела не на небо, а на Ло-Мелхиина. Он переходил от одной группы к другой, беседуя со своими советниками, слушая Жрецов и Скептиков, пожимая им руки, будто они были его товарищами, а не придворными. Как только он отходил от одной группы к следующей, первые начинали переговариваться приглушенными голосами, возбужденно размахивая руками. Вскоре мне стало казаться, будто я стою в ночном саду и слушаю, как ветер колышет листья деревьев.

Фирх Камнедар стоял отдельно от всех, все еще прикованный взглядом к небу. Когда к нему подошел Ло-Мелхиин, он вздрогнул, но быстро взял себя в руки. Они говорили совсем недолго, а потом Ло-Мелхиин положил руку на плечо скульптора. И тогда я увидела то, чего не было, когда он

говорил с другими, – от руки моего мужа к Фирху скользнула вспышка света, который ничего не освещал. А потом Ло-Мелхиин отошел от него.

Я подошла к скульптору. Мать Ло-Мелхиина не пыталась меня остановить и не пошла за мной. Больше всего мне сейчас хотелось увидеть пустыню и вообразить, что, глядя в нужном направлении, я смогу увидеть огни, горящие у шатров нашего отца. Вообразить путь домой, к сестре. Но вместо всего этого я увидела Фирха Камнедара и успела заметить, как дрожат его руки, прежде чем он обхватил ими зубцы, венчавшие стену, стиснув их так крепко, что я на мгновение подумала, будто они вот-вот треснут.

– Вы, должно быть, скучаете по шатрам своего отца, госпожа? – спросил он.

– Скучаю, – призналась я. Я не думала, что мне придется пробыть здесь достаточно долго, чтобы заскучать по дому. Я ожидала, что вскоре умру и вернусь туда, где покоятся кости отца отца нашего отца.

– Я тоже скучаю по дому, – сказал он. – Особенно в такие ночи.

– Но ведь Скептик сказал, что таких ночей не бывало прежде ни на моей, ни на вашей жизни, – осторожно напомнила я.

– Нет, – сказал он. – Я имел в виду ночи, когда придворные собираются вместе. Когда...

Голос его стих, но я услышала конец этой фразы так ясно, будто он сказал ее прямо мне на ухо. Ему не нравились ночи, когда Ло-Мелхиин подходил к нему и клал руки ему на плечо.

– Теперь вам придется сделать еще одну статую? – спросила я.

– Полагаю, что так, – ответил он. – Я пока не знаю, что именно это будет, но знаю, что буду снова высекать из камня.

Я положила свои руки на его, все еще стискивавшие каменные зубцы. На мгновение зажглось медное пламя, но он его не увидел.

– Я попрошу служанок приносить вам воды, – пообещала я.

Он убрал свои руки из-под моих, беспокойно оглядываясь, чтобы посмотреть, не видел ли кто, но никто на нас не смотрел.

– Я не смогу остановиться и выпить ее, госпожа, – сказал он.

– Тогда я велю кому-нибудь из слуг заставить вас пить, – возразила я. – При условии, что он не сделает вам больно.

Фирх Камнедар рассмеялся. Смех его был невеселым. Я знала, что ему все равно будет больно, станет ли он пить или нет.

– Мне жаль, – сказала я. – Но это единственное, чем я могу помочь.

– Я понимаю, госпожа, – сказал он. Он торжественно поклонился, а я вернулась к матери Ло-Мелхиина и оставалась подле нее до тех пор, пока

нам всем не позволили идти.

Наутро с Фирхом Камнедаром снова случился припадок, и он никому не позволял прервать свою работу. Весь день напролет он стоял под палящим солнцем, вонзая свой инструмент в глыбу камня. Но все же каждый раз, как в сад выходила служанка с кувшином воды, он подходил к ней и пил. Постепенно под его руками камень обретал черты статуи. Стражники и слуги уверяли, что это будет лев, но мастерица по хне сказала, что форма головы другая. Она была права: к заходу солнца в саду гордо возвышалась львица.

Когда Ло-Мелхиин пришел ко мне в ту ночь, прежде чем отправиться снова наблюдать за звездопадом, он долго смотрел на меня перед тем, как взять меня за руки. На сей раз – не так, как лев смотрит на газель, но, скорее, как баран окидывает взглядом своих овец.

– Я приказал убрать статую, – сказал он мне, когда огонь, сочившийся из наших пальцев, потух. Он все еще не отпустил мои руки. – Я не стану уничтожать то, что потребовало столько труда, но эта статуя не такая, как остальные.

– Разве? – спросила я, и мой интерес не был притворным.

– Да, – ответил он. – Что-то не так с ее глазами.

А потом он ушел, оставив меня смотреть сны о пустыне.

Глава 13

Семь ночей звездопада прошли, а я все еще была жива. Я провела во дворце Ло-Мелхиина почти три недели. Теперь мало кто из слуг отводил взгляд, если я окликала их, но они всегда избегали смотреть мне в глаза подолгу. Поскольку это подобало положению королевы, я запретила себе тревожиться об этом. Каждый день я скучала по сестре – потому что она была моей сестрой, а еще потому, что, хоть я и могла беседовать с женщинами в мастерской или с садовниками, никто из них не был мне другом. Фирха Камнедара я не видела с той самой ночи, когда начался звездопад. Служанка, приносившая мне чай, рассказала, что его послали в патруль. Не сумела я найти и львицу, которую он высек из камня. Где бы ни спрятал ее Ло-Мелхиин, спрятана она была надежно.

Утром восемнадцатого дня я отправилась на поиски Соката Ясноокого. Во время звездопада я не искала встречи с ним. Каждую ночь он проводил на стене, глядя в небо вместе с другими Скептиками и Жрецами и дискутируя с ними. Ло-Мелхиин зачем-то сказал мне об этом, но не приглашал меня присоединиться к ним. Мне не нравилось видеться с Ло-Мелхиином и в своей спальне, где я могла видеть его лицо при свете ламп. А видеться с ним в темноте мне нравилось еще меньше.

Вместо этого дни, пока шел звездопад, я посвятила исследованию всех садов касра, куда мне удавалось попасть. Когда мы шли по стене с матерью Ло-Мелхиина, я успела разглядеть, что та часть касра, где я жила, была на самом деле очень мала и изолирована от остальных. Я не знала точно, сколько еще мне осталось жить во дворце, но решила изучить его. К тому же, мне было скучно.

Никто не пытался помешать моим прогулкам, поэтому в то утро, когда я отправилась на поиски Соката Ясноокого, я не ожидала, что меня остановят. На пути мне попадались те же служанки и слуги, что и всегда. Они кланялись, когда я проходила мимо, и отходили в сторону, пропуская меня, если мы встречались в узких коридорах. Я старалась избегать этого: мне было неловко видеть, как они уступают мне дорогу, особенно если они несли что-то тяжелое, – но я понимала, что они не перестанут, если я попрошу. Да, теперь они не избегали смотреть на меня, решив, что я могу и выжить. Но по той же причине они стали обращаться со мной, как с королевой. Если небольшая неловкость была ценой моей жизни, я готова была с этим смириться. Гораздо сложнее было смириться с одиночеством,

но я старалась как могла.

Я пересекла сад, где стояла статуя матери Ло-Мелхиина, и зашла в небольшое помещение, которым пользовались служанки, приносившие ламповое масло из подвалов касра. Я немало узнала о жизни касра, тихонько следуя за ними по пятам и слушая их разговоры. Они заходили в большинство комнат и садов, ежедневно наполняя лампы и подрезая фитили, чтобы к вечеру лампы были готовы отразить наступавшую темноту. Это напоминало мне, как мы с сестрой ходили за козами в поисках нового пастбища: мы не всегда знали, куда идти, но козы знали и вели за собой нас, а заодно и овец, которые не отличались подобной мудростью.

Я пока довольствовалась ролью овцы, следуя за служанками, когда они были слишком заняты, чтобы заметить меня, а если вдруг они замечали, притворялась, что внимательно разглядываю какой-нибудь гобелен или статую. Так я изучила все помещения поблизости от своих покоев, а из подслушанных разговоров узнала, кто где бывает в какое время дня.

Со слов служанок я теперь знала, что менять масло в мастерских Скептиков лучше всего по утрам. Каждый день они выходили на улицу, чтобы посмотреть на восход солнца и позавтракать, и часто часами не возвращались в помещение, особенно если обсуждали нечто, казавшееся им особенно важным. Говоря это, служанки смеялись. Скептики приносили много пользы – они подарили нам водяные часы и научили писать на бумаге, но подчас они сами загоняли себя в дебри и, подобно нашему барану, пытались прорваться сквозь них напролом, вместо того чтобы просто уйти тем же путем, каким пришли.

Я знала, что по утрам Скептики бывают на восточной стене. Она была не самой высокой, но все же достаточно, чтобы увидеть восход, и на ней был довольно вместительный балкон – правда, не такой просторный, как тот, с которого мы наблюдали за звездами, но с навесом, чтобы солнце не выжгло все мысли раньше, чем Скептики их додумают. Сокат Ясноокий не всегда ходил туда с остальными. По словам служанок, он уставал от болтовни и предпочитал оставаться наедине со своими мыслями, пока день не разгорится в полную силу. Он отправлялся в одиночестве на южную стену, откуда открывался не столь великолепный вид, но где можно было рассчитывать на тишину.

Я поднималась по ступеням как можно тише, не желая потревожить его мысли. Мне всегда было легко разговаривать с матерью и матерью моей сестры, даже когда они облачались в свои жреческие одежды. Но говорить со Жрецом и тем более со Скептиком мне еще не доводилось никогда, и я смущалась, как если бы мне предстояло обратиться к нашему отцу. Я

сделала глубокий вдох, прежде чем ступить на узкий проход на вершине стены, а затем встала рядом с Сокатом, дыша как можно тише, пока солнце выползло из-за горизонта, начиная свой ежедневный путь по небу.

– Знаете ли, – обратился ко мне Сокат Ясноокий спустя какое-то время, – я думаю, что мир круглый. И я полагаю, что мы ближе к его боку, нежели к вершине.

Я никогда не задумывалась о том, какой формы мир. Долгое время моим миром были шатры нашего отца. Стада нашего отца. Моя сестра.

– Почему? – спросила я. Я не хотела досаждать ему расспросами, но мне показалось, что он этого ждет.

– Я наблюдал за тенями с этого места многие годы, – сказал он. – Видите, какие они длинные?

Я посмотрела на каменные плиты у его ног. Тени растянулись на два целых камня от стены, но еще дальше на камнях я увидела несколько засечек, а еще несколько – чуть ближе к нам.

– Вижу, – ответила я.

– Они почти не двигаются, – пояснил он, показывая на засечки. – Вот здесь они бывают в самый длинный день, а здесь – в самую длинную ночь.

Расстояние от одной отметки до другой я могла бы покрыть, расставив пальцы обеих рук. Недалекий путь, особенно для чего-то столь огромного, как солнце. Я высказала это Скептику.

– Если бы мы были ближе к вершине мира, расстояние было бы больше, – сказал он мне. – Возможно, на самой вершине мира бывают дни совсем без солнца.

Я посмотрела на отметки на полу и вспомнила, как мы показывали тени животных на стенах шатра.

– Нельзя ли это проверить? – спросила я. – Я имею в виду, досточтимый Скептик, если взять шар и лампу, нельзя ли проверить, верна ли ваша мысль?

Тут он рассмеялся и подмигнул мне.

– Можно, – сказал он. – Более того, я уже пробовал. Но не говорите об этом другим Скептикам, они сочтут это кощунством. Они бы предпочли спорить об этом бесконечно.

– Но как же тогда они узнают ответ? – спросила я.

– Они уже знают, – ответил он. – Более или менее. Но в споре рождается десяток других вопросов.

– Тогда, полагаю, оно того стоит, – заметила я. Не удивительно, что он приходит сюда, избегая болтовни. Я бы тоже предпочла знать, а не рассуждать.

Он повернулся ко мне и поклонился, а я поклонилась в ответ, забыв, кто я для него.

– Моя королева, – обратился он ко мне. – Была ли у вас какая-то особая причина искать встречи со мной?

– Была, – ответила я. – У меня есть вопросы о божествах.

– Это вопросы для Жрецов, – возразил он.

– Возможно, – согласилась я. – Но я решила сперва задать их Скептику.

– Что ж, я заинтригован, – сказал он. – Уйдем с солнца.

Мы спустились по лестнице в сад. Там был фонтан, как и в саду у моих покоев. В углу тихо журчала вода, а по стенам взбирались ползучие растения. Под навесом лежали две подушки и стоял поднос с маслами и лепешками. Кто-то, следивший за мной от моей спальни, накрыл завтрак для нас обоих. Поскольку при виде подноса в животе у меня заурчало, я мысленно поблагодарила этого неведомого человека.

– Я постараюсь по мере своих сил ответить на ваши вопросы, – сказал Сокат Ясноокий. – В обмен я хотел бы услышать какую-нибудь историю о вашей деревне.

– Это справедливо, – сказала я и задумалась, какую бы историю ему рассказать. – Но я сомневаюсь, что у нас найдется для вас великая мудрость.

– Мудрость – это приманка для молодых, – сказал он. – Они ищут ее, думая, что смогут найти. Вы молоды, и к тому же женщина, а все-таки оказались достаточно умны, чтобы найти меня здесь сегодня. Подобной мудростью могут похвастаться не многие из моих учеников.

Он сел и взял маслину из пиалы. Он положил ее в рот, пока я усаживалась рядом, а потом плюнул косточкой через весь сад. Я, не удержавшись, рассмеялась.

– Разве это расстояние, – посетовал он. – Когда я был молод, я мог переплюнуть и через стену.

Я поняла, что он шутит, но прошло уже столько времени с тех пор, как кто-нибудь говорил мне что-то столь же беспечное! Тут я поймала себя на том, что времени прошло не так уж много. Всего лишь столько, сколько я пробыла в касре, а это время я все еще могла сосчитать по дням.

Я тоже взяла маслину и выдавила из нее косточку ногтем, как меня учили. Сокат Ясноокий посмотрел на меня почти с разочарованием, поэтому, съев маслину, я положила косточку в рот и плюнула изо всей силы. Косточка едва долетела до края подушки, и Скептик снова рассмеялся.

– Вы освоите этот трюк, если потренируетесь, – сказал он мне. –

Жизнь слишком коротка, чтобы вынимать косточки из маслин: плевать же намного веселее.

Он сказал это дружелюбным тоном, но я заметила в его глазах печаль. Он был старше нашего отца, а мне повезет, если я доживу хотя бы до завтра. Я взяла еще одну маслину, на этот раз завернув ее в лепешку. Она колом встала у меня в горле, но я заставила себя проглотить, а потом выплюнула косточку.

Она улетела не дальше первой, но я, кажется, поняла, почему: это было как-то связано с положением языка.

– Ну а теперь, – сказал Сокат Ясноокий, – задавайте свои вопросы. Посмотрим, сумеем ли мы найти ответы.

Глава 14

В пылу нашего двенадцатого лета – до того, как мы с сестрой научились достаточно искусно обращаться с иголками, чтобы расшивать пурпурную материю, но уже после того, как мы перестали пасти скот, – моя мать и мать моей сестры поведали нам об отце отца нашего отца и о том, как он стал божеством. Мы слышали эту историю и раньше, когда ее распевали у костра или нашептывали у алтаря, пока отец странствовал с караваном. Но на этот раз они обещали поведать нам тайную часть истории. Наш отец знал ее, имея на то право, но братья не знали, и, конечно, именно это заставило нас сидеть смиренно и слушать вместо того, чтобы носиться наперегонки по пустыне, чем в иное время мы занялись бы куда охотнее.

Отец отца нашего отца родился на берегах другого вади – оно было ближе к городу, чем наше. Вади пролегало через пустыню не по прямой, как летит песчаный ворон, но идти вдоль него было безопаснее. Верблюды могли найти там воду и достаточно зелени, чтобы поесть. Хороший охотник мог подстеречь дичь на водопое, а львы приходили только по ночам и громко рычали, оповещая о своем приближении. Отец отца нашего отца не охотился, кроме как по крайней нужде, и, хотя был достаточно метким стрелком, чтобы отгонять от скота гиен и диких собак, его умений не хватало, чтобы прокормить таким образом всю деревню. Но он был доволен и пастушьим трудом, а к своему двадцатому лету стал старшим пастухом.

Обязанностью старшего пастуха было решать, каких животных есть, а каких спаривать, а также выбирать, каким путем вести стадо. Говорят, мудрый человек следует за козами, глупец – за овцами. Но истинный мастер пастушьего дела выбирает путь сам. Так поступал и отец отца нашего отца. У него не было ни Скептика, который сказал бы, как движется вода относительно солнца, ни Жреца, который посоветовал бы, какому божеству молиться и какие подношения скорее привлекут его благосклонность. Он мог рассчитывать только на себя и на умения, приобретенные за годы жизни под жарким солнцем пустыни.

На берегу вади скопилось слишком много людей. Множество семей разбили свои шатры вдоль него и черпали из него воду для полива и для питья. Деревня отца отца нашего отца была невелика, и жители страдали, потому что им не хватало места у колодцев. У вади толпилось и множество

купцов, которые торговали по кругу одними и теми же товарами до тех пор, пока цены не поднялись так высоко, что отец отца нашего отца уже не мог ничего у них купить. У одного из купцов, назначавших самые высокие цены, был верблюд. Он был стар и хорошо знал пустыню. Купец всегда оставлял своего верблюда привязанным к шесту посреди рынка, пока ходил беседовать с другими мужчинами. Даже в самую жару верблюд послушно стоял на солнце, ожидая своего хозяина.

Однажды, когда пасти коз и овец пошли другие, отец отца нашего отца отправился на рынок. Ему нужно было купить дойную козу, потому что ни одна из его коз в ту пору не давала молока, а в деревне умерла родами женщина, и некому было кормить ее новорожденную дочку. Дойная коза была лишь у того купца, которому принадлежал верблюд, и узнав это, отец отца нашего отца впал в отчаяние. Конечно, цена окажется для него слишком высока, и в его деревне станет меньше еще на одного человека, пусть даже совсем крошечного.

Отец отца нашего отца подошел к верблюду, который по обыкновению стоял под палящим солнцем, и ласково погладил его по носу.

– Где же твой хозяин? – в задумчивости спросил он у верблюда.

– Он пошел к шатрам у самого вади, где прохладней, – ответил верблюд.

Тут отец отца нашего отца не на шутку удивился. Он не ожидал, что верблюд ответит. Но он понимал, что удивление не повод быть невежливым, поэтому продолжал, обращаясь к верблюду почтительно, будто к старикам, игравшим в нарды в тенике.

– Спасибо, почтенный старец, – поблагодарил он.

– А зачем тебе мой хозяин? – спросил верблюд.

– Мне нужна дойная коза для осиротевшего младенца из моей деревни, – объяснил отец отца нашего отца. – А твой хозяин – единственный на всем берегу вади, у кого она есть.

– Купи лучше меня, – предложил верблюд. – Я старый, и хозяин отдаст меня дешевле, чем дойную козу.

– Но ведь ты не сможешь выкормить ребенка, – возразил отец отца нашего отца.

– Купи меня, – настаивал верблюд. – Купи меня, и не пожалеешь.

Отец отца нашего отца чувствовал себя глупо, слушая советы верблюда. Он ведь не следовал за козами, как менее опытные пастухи. С другой стороны, козы не умели говорить, а верблюд умел. Он вздохнул и направился к шатрам возле вади. Он поторговался с купцом, который был удивлен, что ему предлагают за верблюда хоть что-то, и ушел с хорошей

ценой и старым верблюдом.

Они пошли назад вместе, медленно шагая вдоль вади. Отец отца нашего отца был опечален. Малышку уже почти целый день не кормили ничем, кроме жидкой похлебки, а женщины заверили его, что этого будет мало. А теперь он явится домой ни с чем, если не считать старого верблюда. Он был так расстроен, что не заметил, как верблюд остановился, пока его веревка не дернулась, размотавшись до конца.

– Хозяин, – сказал старый верблюд. – Нужно идти в пустыню.

– Верблюд, – отвечал отец отца нашего отца, – если мы пойдем в пустыню, мы умрем.

– Не умрем, хозяин, – настаивал верблюд.

Верблюд повернул в сторону от вади и потянул отца отца нашего отца за собой. Он мог бы ударить верблюда и заставить его повернуть назад, но не сделал этого. В конце концов, верблюд был говорящий. Должно быть, у него были на то причины.

И вот они вместе отправились в пустыню. Отец отца нашего отца считал шаги, как его учили, чтобы знать, как далеко он может зайти, пока не кончится вода. Поняв, что пора поворачивать назад, он мягко потянул верблюда за повод.

– Верблюд, – сказал он. – Я должен повернуть, иначе у меня кончится вода.

– Хозяин, посмотри вперед, – попросил верблюд.

Отец отца нашего отца глянул перед собой и увидел вдали знакомое зрелище: низкая зеленая полоса, образованная кустами олеандра. Он знал, что, подойдя ближе, увидит розовые цветы. Такие росли только там, где есть вода. Только там, где есть вади.

– Верблюд! – воскликнул отец отца нашего отца. – Откуда ты знал, что здесь есть вади?

– Я ведь верблюд, – отвечал тот. – Мы умеем находить воду.

– А почему ты показал это мне? – спросил он.

– Мой прежний хозяин никогда меня не слушал. А ты послушал.

Они вместе дошли до вади. У отца отца нашего отца голова шла кругом от планов. Можно было перевезти туда всю деревню. Да, это дальше от городских стен, но это не важно, если будет больше места и больше воды. Можно расширить стада и не тревожиться, что на всех не хватит воды и еды. Тут он вспомнил про малышку и вновь опечалился. Он знал, что за все хорошее надо платить, но такая цена казалась ему уж слишком высокой.

– Хозяин, – окликнул его верблюд. – Взгляни-как туда еще раз.

Отец отца нашего отца еще не успел разглядеть, на что показывал верблюд, как вдруг услышал знакомый звук. В тени олеандра лежала коза, устроившаяся там, чтобы родить своих детенышей. Отец отца нашего отца опустился на колени возле нее и понял, что она дикая и не принадлежит ничьему стаду. Он помог ей разродиться и взял козлят на руки. Козу он положил на спину верблюду, где она улеглась так спокойно, будто всю жизнь только того и ждала. Козлят он сам понес на руках в свою деревню.

В деревне в ту ночь все ликовали. Отец отца нашего отца пошел на рынок за дойной козой, а вернулся с козой, тремя козлятами и верблюдом в придачу. Еще больше радости было, когда он рассказал им про второе вади. Наутро они собрали вещи и ушли. Они проделали долгий путь по обжигающему песку, нашли тень в зарослях олеандра и разбили там свои шатры. А вскоре они нашли и пещеру, где хоронить своих мертвых.

Как и надеялся отец отца нашего отца, стада процветали на новом месте. Он стал странствовать с караваном и заботился о благополучии своей деревни. Когда он умер, его облачили в лучшую материю и похоронили внутри холма, рядом с тем местом, где он похоронил своего старого верблюда. Там соорудили и алтарь в его честь.

– Ваш отец и ваши братья, – рассказывала моя мать, – молятся отцу отца вашего отца, потому что при нем скотина плодилась, а торговля процветала. Мы с вами молимся ему и поэтому тоже, но это не единственная причина.

– Это и есть тайна, – объяснила мать моей сестры. Глаза ее горели, как в те минуты, когда она облачалась в жреческие одежды и пела вместе с моей матерью у шатров нашего отца, хотя сейчас мы всего лишь сидели в тени олеандров и пряли. – Это та самая часть истории, которую вы должны хранить в своем сердце до конца своих дней.

Моя сестра пообещала хранить тайну – слова выплеснулись у нее изо рта, словно масло из кувшина. Я же была так очарована обещанием секрета, о котором ничего не знали мои братья, что смогла лишь кивнуть.

– Малышка, выжившая благодаря молоку той козы, была матерью матери моей матери, – сказала моя мать. – Если бы она умерла, я бы не вышла за твоего отца, и тебя, дочь моя, не было бы на свете.

– А у меня бы не было моего самого дорогого друга, – сказала мать моей сестры. – А у тебя, дочь моя, не было бы сестры.

Мы с сестрой схватились за руки. Оказывается, мы были так близки к тому, чтобы никогда не узнать друг друга, и даже не подозревали об этом. Наши узы вдруг стали еще крепче. Мы и раньше молились нашему семейному божеству, но отныне мы вкладывали всю душу в каждое слово и

каждое подношение, оставленное у его алтаря. Мы благодарили столь же горячо, как и просили, и никогда не забывали полить прохладной воды на то место, где покоились кости верблюда. А если мы приносили масло и лепешки туда, где была похоронена мать матери моей матери, то так делали не только мы, но это тоже была тайна.

До того дня, когда я сидела в саду с Сокатом Ясноокиим и училась плевать косточками от маслин, мои знания о божествах этим исчерпывались.

Глава 15

– Вы верите в богов? – спросила я Соката Ясноокого.

– Не могу сказать, что я в них не верю, – уклончиво ответил он. – Не забывайте, такова природа Скептиков – нам приятнее спорить, чем знать наверняка.

– А вы понимаете, откуда божества получают свою силу? – спросила я. Я решила пойти извилистым путем, как течет вади. Идти напрямую, как летит песчаный ворон, было нельзя.

– Понимаю, – ответил он. – Но мы, Скептики, в своих беседах часто объясняем вещи, которые нам уже известны. За разговором в памяти всплывают полузабытые факты или открываются новые. Так что расскажите мне, как рождаются божества.

– Когда умирает человек, который сделал что-то великое, его сыновья и внуки строят алтарь, – начала я. – Они молятся ему и оставляют подношения. Они берут талисманы в память о нем в свои странствия, и он помогает им, чем сможет.

Сокат Ясноокий кивал.

– А чем больше молитв и подношений, тем больше сила божества, – добавил он. – И так будет до тех пор, пока дети детей его детей не забудут его и от него не останется лишь груды костей, зарытых в песок.

– Так говорят Жрецы, – сказала я.

– А что скажете вы? – спросил он.

Задумавшись над этим вопросом, я жевала кусок лепешки дольше необходимого, пока, наконец, не проглотила его.

– Я скажу, что наш отец и мои братья всегда возвращались домой целыми и невредимыми, – наконец произнесла я. – Наши стада разрастаются, и никто в нашей деревне не голодает даже в те годы, когда вади не разливается.

– Но божество ли тому причиной? – спросил он. – Или же дело в том, что ваш отец – хороший торговец?

– Разве одно исключает другое? – ответила я вопросом на вопрос. – Разве не может наш отец быть одновременно и набожным, и умным? Человеком, который трудится сам и которому помогает божество?

– Нет способа это проверить, – сказал он. – А чтобы доказать, надо проверить.

Я задумалась над его словами. Мне никогда не приходило в голову

искать доказательств тому, что божества и впрямь существуют. Я просто знала это.

– А как вы докажете, что завтра взойдет солнце? – спросила я, и он улыбнулся мне, будто я выиграла приз.

– Я наблюдал это множество раз, – ответил он. – Но само по себе это еще не гарантирует, что солнце снова взойдет и завтра.

– Точно так же и я наблюдала, как отец возвращается домой с лучшими шелками, но это не значит, что ему помогает божество.

– Именно, – подтвердил он. – Однако, – продолжал он, – мой товарищ Сокат Звездочет установил, что наш мир не только кругл, как мы говорили, но еще и вращается, подобно веретену. Вот почему сменяются день и ночь. У него есть модель, которая показывает, что солнце будет всходить по утрам, пока мир продолжает вращаться.

– Вы же сказали, что Скептики предпочитают рассуждать, а не знать, – заметила я. Он улыбнулся. Говорить с ним мне нравилось больше, чем с отцом.

– У всех бывают мгновения слабости, – пояснил он. В его голосе звучал искренний смех, но потом лицо его омрачилось. – Честно говоря, госпожа, Скептики изменились с тех пор, как на трон взошел Ло-Мелхиин. Молодым уже недостаточно рассуждений. Они хотят лишь знать, а не думать.

– Мне не кажется, что это так уж плохо, – призналась я. – Есть множество вещей, которые я хотела бы знать.

– Это верно, но знающий ум – это закрытый ум, – сказал он. – Хотя бы в этом Скептики и Жрецы согласны.

– У нас есть водяные часы, потому что кому-то понадобилось узнавать время по ночам, – сказала я.

– Это верно, – согласился он. – А кому-то нужно было знать, что в цистернах касра всегда будет вода, и для этого построили дамбу, из-за которой вади вниз по течению пересохло. Как и все на свете, знание имеет свою цену.

– В этом Жрецы тоже с вами согласны, – сказала я, вспомнив брата своей сестры.

Он некоторое время молчал, по одной беря в рот маслины, но косточками больше не плевался. На лепешки он внимания не обращал, к тому же они все равно начали черстветь на жаре.

– Я думаю, нельзя доказать, что у божеств есть сила, потому что они мертвы и мы не можем спросить у них напрямую, – сказала я.

– Это правда, – согласился он. – Мертвые говорить не умеют.

– А что будет, если сделать алтарь в честь того, кто еще жив? – спросила я. – Что будет, если молиться ему и оставлять подношения?

Он принялся катать косточку от маслины между пальцами.

– Думаю, этот человек стал бы удачлив, – сказал он. – Но вряд ли это можно будет заметить.

– А что если бы молилась вся деревня? – спросила я. – Если бы купцы в своих странствиях рассказывали другим про это живое божество? Если бы они раздавали талисманы и строили новые алтари, у которых молилось бы еще больше людей?

Теперь он выглядел встревоженным. Быть может, невзирая на все свои умные речи, в глубине души он верил, что божества могут влиять на человеческую жизнь?

– Такой человек стал бы действительно особенным, – произнес он так тихо, что за журчанием фонтана я едва расслышала его слова. – Он сумел бы совершить великий подвиг и выжить. Но я не знаю, что это был бы за человек и как бы он нам понравился.

Он имел в виду Ло-Мелхиина – я прочла это по его глазам. Об этом я не подумала. Вполне вероятно, что мужчины, которым хорошо жилось при правлении Ло-Мелхиина, строили алтари в его честь, но я видела, как работает его сила, и это было совсем не похоже на силы божества.

– Мужчины молятся по утрам и вечерам, – сказала я. – А в жаркие полуденные часы они беседуют друг с другом, торгуют и пьют прохладную воду.

Он взглянул на меня, и на долю секунды я увидела страх в его глазах. Но страх тут же сменился любопытством и надеждой, столь отчаянной, что мое сердце содрогнулось. Нет, у Ло-Мелхиина не могло быть алтарей.

– Женщины же молятся, когда просыпаются, когда работают, когда ходят, – продолжала я. – Они молятся с каждым поворотом веретена и с каждым движением челнока на ткацком станке. Они вкладывают свои молитвы в переплетение нитей материи, а потом эта материя путешествует по всему миру и все восторгаются ее красотой.

– От такого проснется и мертвый, – зачарованно произнес Сокат Ясноокий. – Невозможно и представить, что стало бы с живым.

– С живой, – поправила я.

– С женщиной, спасшей сестру, которая ее любила, – подхватил он. – И всех остальных девушек своей деревни. С женщиной, которая пришла в каср. И не умерла ночью.

– Пока не умерла, – уточнила я.

– Когда я беседую с Ло-Мелхином, мои мысли мчатся быстрее, чем

когда-либо, – сказал он. – Я вижу все как никогда ясно, и это не стоит мне ни малейших усилий. Я скучаю по дням, когда мне приходилось трудиться, чтобы видеть все с такой ясностью. Другие же радуются, что им приходится прикладывать меньше усилий.

– Это все равно что ткать из широкой нити, – заметила я. – Ткань будет готова быстрее, но между нитями останутся просветы, где могут появиться дырки, да и узор выйдет не такой красивый.

– Да, – согласился он. – Все именно так.

– Со мной Ло-Мелхиин не беседует, – сказала я. – Точнее, он лишь насмехается над моим домом, даже когда просит рассказать о нем.

– Он сам не знает, что ему досталось на этот раз, – сказал он.

– Думаю, знает, – возразила я. Я вспомнила взгляд своего мужа, напомнивший мне нашего барана. – Каждую ночь он берет меня за руки, и от моей кожи к его струится холодное пламя. Я видела вспышки такого же пламени в первую ночь звездопада, когда он ходил от одного гостя к другому, только тогда вспышки шли от него к ним.

– Было ли такое с Фирхом Камнедаром? – впервые в его голосе зазвучало волнение, и он склонился ко мне.

– Да, – ответила я. – Так было со всеми. Так было и с вами.

Тогда я поняла, что этот спор он вел уже много месяцев, но ни с кем его не делил. Спор шел лишь в его голове, круг за кругом, будто овцы, подгоняемые собакой, пока он не получил от меня необходимое подтверждение, задавшее его мыслям нужное направление.

– Происходит ли что-то еще, когда Ло-Мелхиин приходит навестить вас? – спросил он.

Вопрос можно было счесть неприличным, если неверно истолковать его смысл, но я поняла, что он имеет виду, и решила сказать правду.

– Да, – ответила я. – Ло-Мелхиин всегда берет меня за руки, и от него ко мне струится холодное пламя. Иногда в нем появляются образы: моя деревня, моя сестра – все то, что он хотел бы забрать у меня и разрушить. Но потом тонкие медные нити начинают тянуться от кончиков его пальцев к моим, и я чувствую, как мое сердце в груди разрастается. Не знаю, видит ли он холодное пламя, как вижу его я, но я точно знаю, что медное пламя он не видит вовсе – как если бы мы между нами происходил обмен, но против его воли.

И снова Сокат Ясноокий затих. Маслины были съедены, а лепешки стали слишком черствы даже для моих зубов, закаленных пустыней. Я сидела молча и ждала, как вдруг меня осенило. Да, сейчас еще было утро, но день все равно когда-нибудь кончится, а ночью я могу умереть. Я же

зачем-то сижу здесь, пока старик, который даже не верит в богов, тратит время на пустые размышления.

– Моя королева, – сказал он наконец. Голос его звучал церемонно, и мне стало жаль, что непринужденность нашей беседы исчезла. Он больше не говорил со мной так, будто я была одним из его учеников. – Мне жаль, что у меня нет для вас лучшего ответа, который бы сумел направить ваши мысли. Я понимаю, что вы не знаете, сколько времени у вас осталось, но мне нужно время, чтобы подумать.

– Досточтимый Скептик, – обратилась я к нему столь же церемонно, хоть мне это было и не по душе. Я встала, приготовившись покинуть сад. – Я поняла вас. Если вы захотите сказать мне что-то еще, я выслушаю вас снова.

– Госпожа, – он снова превратился в старика, плюющего косточками от маслин, и вопреки формальному обращению казалось, что он говорит с простой девчонкой, а не с королевой. – У меня нет ответов на ваши вопросы, но есть совет.

– Я приму его с радостью, – сказала я, и в мой голос вернулась былая теплота. В то же время я решила покончить с разговорами. Ни с того ни с сего я разозлилась на свое бездействие. Я знала, что все тщетно. Я узница этих стен, и хотя для меня открыта мастерская, мне не хотелось провести остаток дней за прядением. Я скучала по вышиванию и тканью. Я скучала по толчению зерна и замешиванию теста. Я скучала по временам, когда я приносила пользу и была частью семьи. Я скучала по своей сестре, по ее живым глазам и доброму сердцу, по тому, как наши пальцы случайно соприкасались за работой. Гнев пылал в моей груди, хотя я и старалась обуздать его и не подать виду. Сокат Ясноокий был со мной учтив и внимателен. Не его вина, что я стала пленницей в этом кошмаре, сотворенном Ло-Мелхиинном.

– Я полагаю, – сказал он мне, – что вам понадобится шар. И лампа.

IV

Когда люди дают тебе свой страх, легко направить их тем путем, который тебе угоден. Когда люди показывают тебе, чего они стоят, легко понять, что можно у них взять.

Когда они делают и то, и другое, легко играть на их сердцах, словно на свирели.

Одна мертвая девушка не значила ничего. Две – немногим больше. Десять уже давали повод задуматься, но лишь когда я убил руками Ло-Мелхиина пятнадцать жен, их отцы и братья призадумались как следует. Они приняли свой ничтожный закон: по одной девушке из каждой деревни и из каждого городского квартала. На это у них ушел целый лунный цикл, а к тому моменту на моем счету было уже двадцать пять жертв.

Тогда в ход уже пошли вторые и третьи дочери или служанки, которых выдавали за дочерей. Разумеется, никто не мог отказать Ло-Мелхиину, даже если он приходил за новой невестой, когда семья еще не завершила траур по ее сестре. Мужчины с радостью хватались за возможность породниться со своим господином. Жены их были умнее.

Их страх имел дивный вкус – животный и такой мощный, что не поддавался управлению. Его можно было лишь поглощать. Их ужас придавал мне сил, пока я не стал достаточно могущественным, чтобы подчинить себе волю придворных советников. К тому часу, как был принят закон, девушки были мне уже не так нужны – запасов силы мне хватило бы надолго. Но я не остановился. Незачем было, раз уж они подавали мне своих дочерей по первому требованию.

Ло-Мелхиин, конечно, ненавидел все это. Ненавидел, как я использую его руки для убийства, причем совершенно беспричинного. Ненавидел, как я отдаю приказания его голосом. Как я использую его тело, чтобы сидеть на троне, издавая собственные указы. Ему было все равно, что я правил мудро и что людям, которых я не убивал, жилось хорошо. Он заходился криком в уголке собственного разума, и порой мне хотелось истребить его до конца, как было принято у моих соплеменников, но его страдания доставляли мне удовольствие, и я не стал этого делать.

Мы восстановили порядок после бездумного правления его отца, и потому мужчины позволяли нам делать что угодно, соглашаясь на любую цену. Наши Скептики находили ответы, не успев задать вопрос, и создавали вещи в равной степени диковинные и прекрасные. У наших

Жрецов были деньги на храмы, алтари и лучшие подношения для своих мертвых, которых они называли божествами. Наш народ не голодал. Наша армия была сильна, а наши стены неприступны.

Мужчинам нужно было лишь это. Мне же требовалось кое-что еще.

Я нашел искусного резчика, который без меня мог бы до конца своих дней строгать стрелы, и сделал из него одного из величайших мастеров эпохи. Я нашел Скептика, который возился с песком и стеклом, чтобы определять время, и дал ему воду и колесики, глядя на которые любой мог узнать, который час. Мой повар некогда был простым мельником, моловшим зерно для других. Когда я привел его в свою кухню, он постиг поварское ремесло и вскоре научился делать лепешки, сохранявшие свежесть много дней.

Кузнец, математик, архитектор, объездчик лошадей – список тянулся бесконечно.

Они сгорали дотла, даже не зная, что охвачены огнем.

Я сделал правильный выбор, завладев Ло-Мелхином. В мире были другие короли и другие земли, но его народ стоял на грани величия. Два, быть может, три поколения отделяли его от совершенства ремесел и наук. И я дал им все это, подсказав обходные пути и подстегнув их, где мог. Я мог бы завоевывать новые земли, если бы хотел, но я был доволен тем, что имел.

Никто из них не задумывался, почему все происходит так быстро. Они были слишком довольны результатами и неслись вперед, словно резвящиеся жеребята. Они творили, мастерили и изобретали, будто ничто не могло их остановить. Если они и оставляли брешь в чересчур поспешно построенном мосту или ненароком иссушали колодец, меня это не тревожило. Когда я накоплю достаточно сил, чтобы хватило навсегда, я уйду от них. Какое мне дело, если все они вымрут.

Никто из них не задавался вопросом о том, как умирали мои жены, – разве что в самых жутких снах и самых потаенных мыслях. Они принимали их смерть так же безропотно, как и свои небывалые достижения. Мужчины перестали вести счет, как и я. Никому не было дела до череды чернявых девиц, приезжавших в мой каср и встречавших там свою погибель. Они были безмянными и безликими под своими покрывалами. Иногда я смотрел на них, иногда прикасался к ним. А иногда просто уничтожал и отправлялся за следующей.

До тех пор, пока мне не попалась та, что не умирала. В первую ночь, когда она стала моей, я не стал разжигать свое пламя в полную силу. Мне было любопытно. У нее был норов. Она намеренно привлекла мое

внимание, и я не знал почему, пока ее не усадили в седло и мы не поехали прочь. Она подставилась мне, чтобы спасти сестру, а такого прежде не случилось.

На вторую ночь я стал насмехаться над ней и заставил ее говорить со мной. На третью ночь я обрушил на нее всю мощь своего пламени, но она все равно выжила.

Она была не из моего племени, но в ней таилась какая-то сила не вполне человеческой природы. Она все не умирала, и я задумался – быть может, я наконец обрел королеву, ради которой можно предать пустыню огню?

Глава 16

На тридцатую ночь с того дня, как я стала женой Ло-Мелхиина, он пришел в мои покои и не ушел после того, как отпустил мои руки.

Вместо этого он откинулся на мягкие шелковые подушки у изголовья моей постели. Я все еще сидела в изножье кровати, одетая ко сну. Служанки потушили все огни, кроме той лампы, что стояла возле нас, и часовой свечи в углу. Воздух в комнате был густо наполнен благовониями, запах которых мне не нравился и сдавливал мне грудь. На мне не было покрывала, за которым я могла бы спрятать от него свое лицо, поэтому я сидела без движения, постаравшись обратиться в камень. Он улыбнулся своей хищной улыбкой охотника.

– Ты прожила со мной дольше, чем все прочие, жена моя, – сказал он. – Как ты думаешь, почему?

Я не была уверена, знает ли он причину и ждет ли, что ее знаю я. Он больше не насмехался надо мной, но был суров и жесток, как ураган в пустыне, который видно за много часов до его прихода, но которого невозможно избежать. Его прежняя холодная насмешливость нравилась мне больше. Тогда он хотя бы не уделял мне столь пристального внимания.

– Я не знаю, мой господин, – ответила я. – Быть может, мое божество улыбается мне с небес, и его сила больше твоей.

Теперь он улыбался, словно гадюка, которую ткнули палкой.

– У остальных тоже были божества, – сказал он. – Но они не спасли их.

Такие слова мог бы произнести Сокат Ясноокий, но в устах Ло-Мелхиина они звучали жестоко. Слова Скептика наталкивали собеседника на размышления. Слова Ло-Мелхиина были призваны уничтожить его страхом.

– Отец отца нашего отца был очень хорошим человеком, – сказала я. – Мы молились ему на протяжении многих лет, оставляя у его алтаря щедрые подношения.

– Как думаешь, что случится с твоим божеством, если я прикажу сжечь ваши захоронения? – он произнес эти кощунственные слова, будто они ничего не значили. Впрочем, для него так и было. – Видала ли ты, как горят останки, жена? Поначалу это похоже на то, как жарится козлятина, но потом плоть сходит с костей, подпитывая пламя, пока не останутся только голые кости. Они корчатся и дробятся, изливая костный мозг, пока не

превратятся в пыль.

– Так будет с чем угодно, господин, – отвечала я. – Если разжечь достаточно сильный огонь.

– Хотела бы ты увидеть это? – спросил он.

– Нет, – сказала я. – Я видела такое, когда мы собирали костный мозг для хозяйственных нужд. Мне незачем смотреть, как кости сгорают впустую.

– И тебе не любопытно? – спросил он. – Разве тебе не хочется знать, как устроен мир?

– Любопытно и хочется, – ответила я. – Но лучше я буду терпелива и узнаю все в положенное время, чем стану искать знание ценой разрушений.

– Это овцы научили тебя такой мудрости? – спросил он.

– Нет, мой господин, – впервые с тех пор, как он отпустил мои руки, я посмотрела ему в лицо. – Этому я научилась от коз.

Он залился искренним смехом, откинув назад голову и широко открыв рот, и я не сумела скрыть удивления. Жестокость куда-то пропала – никакое чудовище не могло издавать такой звук, – и я вспомнила, что сказала мне мать Ло-Мелхиина в ночь, когда мы смотрели на звездопад. Если где-то внутри Ло-Мелхиина оставался хороший человек, сейчас я впервые увидела его.

Хотя нет, не впервые. Был еще тот раз в пустыне, когда он поил коня из собственных рук и пожалел животных, позволив им передохнуть.

– Почему ты исцелил свою мать? – спросила я. Он приподнялся на подушках, удивленный моим вопросом, и в его глазах не осталось и тени смеха.

– Так поступил бы любой хороший сын, – сказал он. – Разве нет?

– Это так, – признала я. – Но ты не хороший сын.

Он внимательно посмотрел меня. Прежде он испытывал меня, как козы испытывают нового пастуха, а теперь я испытывала его. Я даже не знала толком, что означал мой вопрос. Знала лишь, что слова сами пришли ко мне, подсказанные Сокатом Яснооким и матерью Ло-Мелхиина. Но было ясно, что для него эти слова значат очень много, и теперь передо мной стояла еще одна загадка, что бы он ни ответил.

– Я исцелил свою мать, потому что это было в моей власти, потому что она была больна и потому что мне так было удобно, – сказал он. – Такой ответ тебя устроит?

– Да, мой господин, – отвечала я, воплощение кротости. Так моя мать говорила с нашим отцом, когда одерживала верх в споре, но позволяла ему сохранить достоинство.

Ло-Мелхиин улыбнулся мне, на этот раз не как охотник или гадюка, но и не совсем как человек – по крайней мере, не как человек, которого я хотела бы видеть в своей постели.

– Я думаю, у нас все сложится очень хорошо, жена моя, – сказал он.

– Если я не умру, – уточнила я.

– Если ты не умрешь, – подтвердил он и склонился ко мне, потянув одной рукой за ткань моей ночной сорочки. – А теперь иди сюда и ложись спать на своих подушках. Если служанки найдут тебя утром в изножье постели, они решат, что ты прогневила меня. Я же нахожу в тебе истинную отраду.

Подвинуться можно было только ползком, что казалось мне отвратительным. Если бы он отпустил меня, я могла бы встать и обойти постель, но он этого не сделал, поэтому я вынуждена была ползти на коленях, как младенец. Я опустила голову на подушку, устроившись как можно дальше от него, а он поправил мою сорочку, оголившую колени, и улегся рядом. Хотя я была от него на расстоянии вытянутой руки, он не прикасался ко мне. Вместо этого он склонился к лампе и потушил ее. Прежде чем нас обоих поглотила темнота, я успела заметить, как от него ко мне скользнул медный огонь, хотя мы и не касались друг друга.

Я не удержалась от мысли о том, была ли это моя последняя ночь. Есть множество способов убить человека, пока он спит. У Ло-Мелхиина не было при себе ножа, в этом я была уверена, но его платье лежало недалеко от постели, и если там был спрятан нож, он мог убить меня, как только я усну. Он мог сдавить мне шею своими длинными пальцами или придушить меня свисавшими над постелью драпировками. Он мог зажать мне нос и рот одной из подушек.

Ничего из этого он делать не стал. Он улегся на бок, отвернувшись от меня, и я считала ритм его дыхания, пока оно не стало ровным. Несмотря на мое твердое намерение бодрствовать, его мерное дыхание постепенно убаюкало меня, и мои веки то и дело смыкались. С открытыми глазами я видела смутный силуэт его плеч в свете часовой свечи, а с закрытыми – сильные руки своей сестры, сжимавшие камень для толчения зерна. Мне так не хватало сестры, с ее сильным духом и острым умом. Я жаждала того спокойствия, которое всегда ощущала в ее присутствии. Я стала моргать все реже, пока наконец не перестала видеть Ло-Мелхиина.

Я поняла, что вижу сон, потому что там была моя сестра, а я была одновременно и с ней, и не с ней. Держа в руках тяжелый базальтовый камень, она растирала ракушки в мелкую пыль. Ее губы шевелились, но я не слышала слов. Должно быть, она пела. Или молилась. Я никогда не

делала такой работы, хотя видела, как делает ее сестра. Это была жреческая работа. Похоже на толчение зерна, только камень был длинный, плоский и изогнутый по краям, слишком тяжелый, чтобы держать его на коленях, как тот, которым мы растирали пряности.

Наши матери сидели рядом с сестрой и ткали сукно, передавая челнок из рук в руки. Работа была не слишком тонкая, но качественная – такая, какой я надеялась научиться, когда была ребенком. Пока я наблюдала за ними, мать моей сестры взглянула на толченые ракушки и покачала головой. Крошка выходила недостаточно мелкой, поняла я, хоть и не слышала ее слов.

Ракушки нужно было растолочь так мелко, чтобы они забыли существ, которым принадлежали прежде, и место, где обитали. В них не должно остаться ни капли бывшего духа. Лишь тогда их можно будет использовать для жреческих обрядов.

Сестра вновь принялась толочь ракушки. Я положила свои невидимые руки ей на плечи и почувствовала, что они скованы усталостью. Толочь было тяжело, даже если делать это понемногу. Моя мать и мать моей сестры всегда следили, чтобы толчением зерна занимались несколько человек по очереди, потому что если делать это в одиночку, скрючится все тело. Нам повезло, что все мы были здоровы и у нас в деревне хватало мужчин и женщин, способных разделить этот труд. Мои братья рассказывали, что в поселениях победнее людям приходилось так много толочь, что потом они не могли ни растянуться на спине, ни разогнуть пальцы, ни даже ходить прямо.

Кто делал эту работу в касре, я не знала. До кухонь я еще не дошла. Быть может, Ло-Мелхиин покупал готовую муку. Уж он-то мог себе это позволить. Сама я не касалась ни камня для толчения, ни какой-либо другой работы тяжелее прядения с тех самых пор, как покинула шатры нашего отца. Я превратилась в городскую неженку. Возможно, солнце пустыни сломит меня, если я когда-нибудь снова выйду за пределы городских стен. От этих сомнений в себе глаза мои заволокло дымкой, и видение начало меркнуть. Я не хотела расставаться с ним, но не знала, как его удержать.

Сокат Ясноокий назвал меня сильной. Я до сих пор не умерла, так что, возможно, он был прав. Я крепче сжала плечи сестры, как плечи Фирха Камнедара в первую ночь звездопада, и видение снова стало четче. Я чувствовала движения ее мышц и жар ее тела под сорочкой. Поскольку в шатре не было никого, кроме сестры и наших матерей, они скинули покрывала и туники. Так было прохладней и работалось легче.

Я принялась разминать плечи сестры, как моя мать месила тесто для хлеба, и почувствовала, как ее боль отступает. Она стала дышать глубже и толочь решительнее. Мы работали вместе, как в те дни, когда расшивали дишдашу, только сейчас мы не шептали друг другу никаких секретов. Думаю, она бы не услышала меня, даже если я бы попыталась что-то сказать. Но когда я решила было попробовать, мать моей сестры взяла камень из ее рук и кивнула, одобрительно улыбаясь. В следующем видении надо будет проверить – вдруг я могу не только прикасаться, но и говорить?

Сестра потянулась рукой к своему плечу, чтобы размять его, и ее пальцы прошли сквозь мои, но я ощутила их прикосновение. На мгновение мне показалось, что и она почувствует мое, но она лишь встряхнула головой, и от этого я проснулась, вновь оказавшись в своей постели во дворце Ло-Мелхиина, вдали от нее.

Солнце уже встало, когда я открыла глаза, все еще пытаюсь дотянуться до сестры. Ло-Мелхиина рядом не было. На столе горела часовая свеча, а рядом с ней дымился мой чай. Лампа была не зажжена – днем в ней не было нужды, – но отполирована до блеска. А возле нее лежал выкрашенный золотой краской деревянный шар.

Глава 17

Я вновь пришла в рукодельную мастерскую и обнаружила, что мне там рады. Я начала замечать, до чего странно ведут себя люди, стремясь защитить себя от горя. Раньше женщины не хотели привязываться ко мне, полагая, что я скоро умру. Но я все не умирала, и они стали расслабляться. Интересно, что будет, если я все же умру, и как много времени пройдет, прежде чем их сердца снова смягчатся. Будь во мне больше благородства духа, я бы избегала их дружбы, чтобы защитить их от будущих страданий, но я была одинока, а благородством не превосходила коз нашего отца.

Раньше они беседовали при мне, а я слушала их, стараясь побольше узнать. Теперь же они старались втянуть меня в свои разговоры, хотя некоторые вещи мы, конечно, не обсуждали. Все они родились в городе и жаждали услышать о том, каково было расти в пустыне.

– Вы не станете еще сильнее тосковать по дому, если расскажете нам о нем? – спросила одна из ткачих.

– Не думаю, – ответила я. – Мне приятно вспоминать о доме.

Я не стала рассказывать им секретные истории, которые моя мать и мать моей сестры нашептывали нам у костра, когда отец с братьями уезжали торговать. Не рассказывала я и тех историй, которые плела для Ло-Мелхиина. Вместо этого я стала говорить об огромных птицах с серебристым оперением, которые похищали коз и даже овец из нашего стада, когда мы с сестрой пасли его в детстве.

– Моя сестра более меткая, чем я, – рассказывала я. – Но я могу кинуть камень дальше. Когда прилетали эти птицы, мы кричали, размахивали руками и швыряли в них камни. Птицы эти столь огромны, что даже если попасть в них камнем, это не причинит им особого вреда. Тогда они улетали и оставляли наши стада в покое.

– Госпожа, как это, должно быть, страшно! – воскликнула одна из прях. – Птицы такие огромные, что могут унести вас прочь, а у вас в руках только камни!

– Они не едят детей, – объяснила я. – В пустыне для детей опасны только львы и змеи: они охотятся на все подряд. Но птицы прилетали только за скотом, и мы отпугивали их.

– А где они живут? – спросила мастерица, отвечавшая за вышивание цветов на подолах платьев для городских женщин. Я понятия не имела, где обитали эти птицы, но ритм сказания уже захватил меня, и я чувствовала,

как нити слов сами сплетаются в ответ.

– Далеко на севере, за песчаной пустыней и за кустарниковой пустыней, высятся горы, такие огромные, что вы не можете себе и представить.

Несколько дней назад один из Скептиков рассказывал за ужином про горы и показывал их изображения на глиняных табличках. Но те горы были возле синей пустыни, где родилась мать Ло-Мелхиина.

– И они летят в такую даль ради добычи? – спросила вышивальщица.

– Иногда в горах их становится слишком много, – объяснила я. – Тогда они выбирают самых юных и смелых и отправляют их через всю пустыню в поисках пищи.

– Бедные создания – так далеко лететь, и все впустую, – пожалела птиц пряха. Я улыбнулась ей.

– Наш отец отдает им самых старых овец, мясо которых будет для нас слишком жестким или шерсть которых негодна для прядения, – сказала я. – Он знает, каково это – отправляться в дальние края, чтобы добывать пропитание своей семье.

– А почему они такие большие? – спросила ткачиха. – У нас водятся крупные песчаные вороны, но они далеко не так велики.

И снова я не знала ответа, но почувствовала, как нити повествования сами сбегаются мне в руки.

– В тех горах есть металл, которого нет у нас в пустыне, – объяснила я. – Он таится внутри скал, и когда вода из горных вад стекает по ним, частицы металла попадают в воду. Птицы пьют эту воду и набираются сил.

– Это похоже на речи Скептиков, – заметила одна из старых ткачих. – Госпожа, вы ведь не Скептик.

– Это верно, – согласилась я. – Но я слышала истории своей деревни, а наш отец много странствовал и привозил нам истории со всей пустыни. Быть может, это и не правда, но так говорят.

– Вы мудры, госпожа, – сказала старая ткачиха. – И закалены пустыней.

– Может быть, поэтому она и... – пряха, начавшая говорить это, умолкла на полуслове. Ее веретено упало на пол, будто кто-то вышиб его у нее из рук. Вся пряжа размоталась. Ей придется начинать заново.

Я в тот день занималась вышиванием. Мои руки наконец стали достаточно нежными, чтобы шить шелковой нитью, не спутывая ее при каждом стежке. Начав говорить, я перестала обращать внимание на работу, но руки мои продолжали шить.

Всякое рукоделие, будь то прядение, тканье или вышивание, – это

работа для глаз. Беседовать за работой легко, потому что можно говорить, не отрывая глаз от рукоделия. Пока не зазвенело упавшее веретено, все мы смотрели только на свои руки и колени, где держали пяльцы, пряжу или маленькие ткацкие станки. Даже те женщины, что трудились за большими напольными станками в углу комнаты, могли разговаривать с нами, не отрывая глаз от работы. Теперь же все глаза обратились на меня, полные страха. Неужто они считали меня способной наказать девушку, сказавшую то, о чем все и так знали?

И тут я заметила, что смотрят они не на мое лицо, а на мои руки.

Я взглянула на свои пяльцы. Я собиралась вышить караван: верблюдов и мужчин в ярких одеждах, на фоне золотистого песка и бескрайнего синего неба. Небо и песок вышли как надо, потому что их я закончила до того, как стала рассказывать. Но на месте верблюдов оказались овцы, разбегающиеся в стороны. Пастух – нет, охотник, сопровождавший их, направил лук в небо, но было ясно, что он не успеет пустить стрелу.

С синего неба стремглав неслась вниз огромная птица, размах крыльев которой был больше самого охотника, и тянула к добыче свои страшные когти. Сказать наверняка было сложно – вышивка не позволяет изобразить человеческие лица в подробностях, – но в глубине души я понимала, что охотником был Ло-Мелхиин.

– Госпожа, – начала было пряха.

– Да замолчи уже, – оборвала ее старая ткачиха. Она с трепетом смотрела на меня. – Госпожа, ваша работа прекрасна, но, быть может, вам не стоит больше утруждаться сегодня?

Она была до смерти напугана. Я слышала ужас в ее вежливых словах и видела его отражение в искажившихся лицах остальных женщин. Они напомнили мне овец перед той бурей, что унесла брата моей сестры. Они никогда не видели ничего подобного, но откуда-то знали, что грядет буря.

– Пожалуй, вы правы, – ответила я. – Я не привыкла проводить так много времени за одним делом. В шатрах нашего отца было слишком много забот, чтобы уделять столько времени чему-то одному.

Это было не лучшее оправдание, но оно позволило мне выйти из комнаты. Я прижимала пяльцы с вышивкой к груди, пряча рисунок от тех, кого встречала на своем пути. Дойдя до стоявших во дворе огромных чанов, где варили красители для пряжи и ткани, я бросила свое рукоделие в огонь, и оно сгорело, как любая обычная материя.

Я поспешно вернулась в свои покои, боясь встретить кого-то в саду – вдруг они уже слышали о том, что я сделала. В шатрах нашего отца сплетни распространялись быстрее огня, и я знала, что здесь будет точно

так же. Женщины наверняка узнают все к заходу солнца, а мужчины если и не узнают, то лишь потому, что им это безразлично, или потому, что не поверят рассказам женщин. Узнает ли об этом Ло-Мелхиин и поверит ли он в услышанное, я не знала. Не знала я и как он поступит, если поверит.

Я неотрывно смотрела на часовую свечу в своей спальне и молилась своим божествам. Я просила отца отца нашего отца поделиться со мной своей силой и удачей. Мать матери своей матери я просила помочь мне выжить. Она ведь выжила, когда не должна была, благодаря говорящему верблюду. Я не считала себя достойной подобного чуда, но все равно молилась о нем. Ведь в конце концов ни один из них не спас себя сам. Обоих спасли иные силы. Быть может, достаточно сделать все от тебя зависящее и знать, когда попросить о помощи?

В саду у моих покоев раздался шум. По другую сторону сада располагалась купальня. Она была не единственной в касре, но самой уединенной. Я никогда не видела, чтобы ею пользовался кто-то еще, и знала, что сейчас там мог быть только один человек.

Я натянула на себя самое темное покрывало. Конечно, меня все равно увидят, но я не хотела показывать свое лицо. Я стояла в дверях и смотрела, как стражники, среди которых был Фирх Камнедар, тащат в купальню носилки.

На носилках лежал Ло-Мелхиин. Его смуглая кожа была бледна, а роскошные одежды запачканы кровью. Когда они зашли в купальню, я убежала к себе и не видела больше ни души до тех пор, пока служанка не принесла мне ужин.

– Что происходит? – спросила я. – Что случилось?

Она тоже была бледна, хотя ее темные волосы были по-прежнему убраны в аккуратную прическу, а платье гладкими складками обрамляло ее тело. Когда служанка ставила поднос, стоявшая на нем пиала стучала о чашу для омовения пальцев, и я поняла, что у девушки дрожат руки, хотя она тут же спрятала их в складках своего платья.

– Госпожа, – начала она. – Говорят, на Ло-Мелхиина напало чудище, когда он охотился в пустыне.

– Как же такое возможно? – спросила я, хотя, возможно, знала ответ. Если служанка и слышала про мою вышивку, она не подавала виду.

– Огромный демон в виде птицы, – добавила она. – Говорят, госпожа, что она обрушилась на него с небес так стремительно, что даже Быстроногий не смог ее опередить. У Ло-Мелхиина был в руках лук, но он не успел выстрелить, и чудище впилось в него когтями.

– Но ведь он, должно быть, и раньше получал ранения на охоте, –

сказала я.

– Нет, госпожа, – возразила она. – Разве что пару ссадин, но бывало и такое, что львы задирали четверых его стражников, а Ло-Мелхиин возвращался домой без единой царапины.

– Можешь идти, – сказала я ей, выпрямив спину. – Если муж пошлет за мной, я, разумеется, приду, но за исключением этого я не желаю, чтобы меня беспокоили сегодня, ясно?

Она пробормотала слова согласия и поспешила укрыться в кухне.

Я медленно ела свой ужин, заворачивая куски пряной козлятины в лепешку и макая их в масло, прежде чем положить в рот, а потом пережевывала их тщательнее, чем было необходимо.

Случилось то же, что с платьем, поняла я. Только на этот раз я сотворила людей и птиц, а не золотую нить. Я не просто увидела все это, я стала тому причиной. Я посмотрела на золотой шар, который нашла у своей постели, проснувшись сегодня утром. Его тоже сотворила я. Я затаила дыхание.

Мало действовать наугад и пускать свою силу на самотек, надеясь, что она сама найдет цель, как козы находят пастбище, а потом вернется по моему зову. Нужно, чтобы она превратилась в бурю, которую я смогу увидеть издали и подготовиться. Придется попробовать снова и проверить, смогу ли я сделать это намеренно.

Ло-Мелхиин в ту ночь не смог подняться с постели, так что я спала одна. А наутро рядом с золотым шаром стояла новенькая лампа.

Глава 18

Я не сказала женщинам в рукодельной мастерской всей правды о гигантских птицах с гор. Мы с сестрой впервые увидели их, когда пламя нашего шестого лета превратилось в угли. Они прилетели огромной стаей, не по двое и не по одной, и кружили над нами, когда мы вывели овец и коз на пастбище. Они напомнили мне караван нашего отца – длинная вереница целеустремленных мужчин, которые порой уставали и грустили вдали от дома.

Моя сестра уже схватила пращу и камень, приготовившись стрелять, если одна из птиц метнется за овцой. У меня в руках ничего не было.

– Сестра, – окликнула она меня, – где твоя праща? Ты должна помочь мне, если птицы голодны.

– Я не стану этого делать, – сказала я. – Разве ты не видишь, что это караван? Если мы прогоним их прочь, мы нарушим законы гостеприимства.

Сестра посмотрела на меня так, будто я перегрелась на солнце и предложила ей полакомиться песком вместо сладостей. Тут птицы начали голосить, издавая протяжные печальные звуки, и одна из них камнем бросилась вниз.

– Сестра! – закричала моя сестра, но не подняла пращу.

Овцы испугались и кинулись было бежать, но птица была быстрее. Я думала, она вопьется когтями в шерсть и унесет овцу прочь, но она приземлилась скотине на спину и перерезала ей глотку своим огромным когтем. Овца завалилась на бок, и птица принялась есть.

Мы глянули в небо. Если песчаный ворон найдет добычу в пустыне, вскоре прилетят другие и станут драться с ним за еду. Если у этих птиц заведено так же, мы с сестрой и наши овцы попали в беду. Собаки все лаяли, пытаясь обуздать встревоженных овец, пока птица утоляла голод, а козы разбежались. Оставалось надеяться, что они вернуться.

Нам повезло – другие птицы с неба не спускались. Они кружили над нами, наблюдая, будто ждали чего-то.

Наконец птица, севшая на землю, издала еще один жуткий крик и взмыла ввысь, прихватив с собой тушу овцы, за которой тянулся кровавый след. На месте, где сидела птица, осталось яйцо. Оно было больше головы моей сестры, и мы зачарованно уставились на него.

– Сестра, – сказала она, – ты была права. Они и впрямь как гости.

– Пойдем, – позвала я. – Отнесем яйцо нашим матерям. Козы сами

найдут дорогу домой, а овцы сегодня уже больше не будут пастись.

Нам пришлось тащить тяжелое яйцо по очереди. Оно было такой формы, что мы не могли ухватиться за него вместе, как делали с кувшином для воды. Одна из нас обхватывала яйцо руками, не слишком крепко, чтобы не раздавить, пока вторая следила за собаками и овцами. Когда первая уставала нести яйцо, мы менялись.

– Дочери мои, вы захворали? – воскликнула мать моей сестры, когда увидела, как мы приближаемся к шатрам. – Почему вы вернулись, когда солнце еще так высоко?

Мы так устали, что поначалу не могли ничего сказать, и просто положили яйцо к ее ногам. Она попросила позвать мою мать и принести воды, а когда оба поручения были выполнены, мы наконец собрались с силами, чтобы рассказать, что случилось.

– Мы видели птиц отсюда, – сказала моя мать, – и понадеялись, что они оставят стадо в покое. Они летели так высоко, что мы не были уверены, увидят ли они его вообще.

– Правильно ли мы поступили, матушка? – спросила я. – Ведь нужно было проявить гостеприимство?

– Я думаю, вы были правы, – сказала она. – И поглядите, что они оставили нам в знак благодарности!

Яйцо не помещалось даже в самые большие из наших горшков, даже в огромный котел, который отец привез издалека и который мы использовали только по большим праздникам. Наконец наши матери решили положить яйцо в огонь, прямо на угли, и переворачивали его длинным бронзовым кинжалом, пока не сочли, что оно готово.

К тому времени вернулись отец и братья, и им рассказали, что произошло. Отец поблагодарил нас за мудрое решение, и глаза его светились. Мы поняли, что его насмешило наше решение принять птиц как гостей, но в то же время он гордился нами.

– Смотрите-ка, какую добычу принесли ваши сестры! – сказал он моим братьям, отвернувшись от нас. – И добыли они ее не копьем и не стрелами, а умом.

Моя мать разрешила яйцо пополам в длину и выскребла из скорлупы белок и желток. Яйцо было такое большое, что мы смогли угостить всех жителей деревни, да еще осталось на подношения духам предков. Когда половинки скорлупы опустели, мать поставила их к огню, чтобы просушить.

Наутро моя мать и мать моей сестры отправились в пещеры, чтобы отнести нашим предкам запеченного яйца. Они захватили с собой и

половинки скорлупы. Потом они рассказали нам, что поставили в них лампы, горевшие у алтаря отца отца нашего отца.

Духи не против делиться друг с другом, если им оказывают должное уважение. Когда моя мать рассказала нам историю матери матери ее матери, мы с сестрой переставили одну из скорлупок с лампой к ее небольшому алтарю. Я знала, что старинные предметы сильнее новых, но, поскольку я еще не умерла, неизвестно, сумеет ли она ими воспользоваться.

В моих покоях был шнур, с помощью которого можно было вызвать служанку. Раньше я никогда не пользовалась им, потому что мне не требовалось ничего, чего у меня бы не было. Теперь же я дернула за шнур, и если прибежавшая служанка и удивилась, то виду не подала. Быть может, теперь она боялась меня и старалась обратить свое лицо в камень, как делала я с Ло-Мелхиином. Впрочем, когда я попросила веретено и что-нибудь, из чего можно прясть, она ничего не сказала, но лишь кивнула и отправилась выполнять мое поручение.

Когда она ушла, я зажгла остальные лампы, включая и ту, которую обнаружила утром. Она была украшена узором из коз, кружков, которые, по видимости, изображали шары, и маленьких солнц. Лампа была сделана очень искусно – если бы ее изготовили вручную, на работу ушло бы много часов. Она была не столь драгоценной, как предыдущая моя утренняя находка, – дерева в пустыне было мало, особенно такого, из которого можно вытесать целый шар, – но все же это было великолепное произведение.

Я накинула легкое платье и заколола волосы, как делали пряжи, чтобы длинные косы не мешали им работать. Служанка принесла веретено и корзинку с некрашеной шерстью, и я поблагодарила ее со всей добротой, на какую была способна. Мне не хотелось, чтобы люди боялись меня. Рядом со столиком была подушка, и я уселась на нее, поставив подле себя корзинку и откинув в сторону подол платья, чтобы за него не цеплялось веретено. Лампа горела ярко, и свет ее был ясно различим, хотя комната была залита солнцем. Шар никуда не катился, а стоял смирно возле лампы, отбрасывая тени на столешницу.

Я закрепила кудель на основной нити и отмерила моток достаточной длины, чтобы начать работу. Придерживая пряслице, чтобы пряжа не размоталась, я сделала глубокий вдох и принялась прясть.

Поначалу не происходило ничего необычного, только нарастал моток пряжи под моими пальцами. Я невольно начала подстраивать дыхание под ритм вращения веретена, и мое сердце стало биться в такт. Не успела я

моргнуть глазом, как уже летела над пустыней, быстрее лошади или песчаного ворона, устремившись к шатрам нашего отца. К своей сестре.

Отцовских верблюдов не было на месте, и я поняла, что вижу минувшие дни, как и задумала. Это было уже после того, как я уехала с Ло-Мелхиинном, но до того, как отец вернулся с караваном. Над шатром моей матери реяло пурпурное знамя – не такого цвета, как для траура. У входа в шатер не были разложены маринованные корни, напоминающие о том, что мертвые не знают нужды. Они не оплакивали меня как умершую, хоть и горевали о разлуке со мной. Сестра знала, что я еще жива, и весть об этом распространялась вниз по течению вади, словно потоп.

Я нашла сестру в шатре, где раньше мы жили вместе и где теперь она спала одна. Ее постель и ковры были сдвинуты в сторону, обнажая хорошо утрамбованный песок. Сестра ходила по кругу, рассыпая за собой ракушечный порошок, пока, наконец, круг не сомкнулся. Потом она развернулась и опустилась на колени перед предметами, которые поставила в центре круга. Там было мое первое пряслице, моя любимая расписная пиала и бронзовый нож, которым я резала мясо. Сестра достала небольшой сверток, в котором я узнала свой набор для вышивания, и положила его с остальными вещами. Затем она запела.

Я не слышала слов, но видела, как внутри круга возникает сила. Раньше порошок был еле виден, почти сливаясь с грязно-коричневым цветом песка. Потом белая линия стала ярче и от нее побежали лучики к каждому из предметов и к моей сестре, окутывая их своей силой.

Когда круг засиял так ярко, что на него стало больно смотреть, сестра потянулась к стоявшей рядом сумке и достала две лампы из половинок скорлупы, поставив их рядом с остальными предметами. Они уже сияли ярким светом от бесчисленных молитв, которые произносили перед ними. Свет ослепил меня, и я отшатнулась.

Стоило мне пошевелиться, как я снова взлетела и устремилась через пустыню к касру Ло-Мелхиина, оказавшись в своей комнате за прялкой. Я моргнула, все еще ослепленная сиянием от обряда, который проводила сестра. Моя лампа горела белым светом, а шар сиял в его лучах. На коленях у меня была целая гора готовой пряжи. Хотя я пряла из некрашеной шерсти, пряжа вышла такой белой, будто ее отбеливали несколько дней. Я поспешно закрепила кончик нити, чтобы она не распустилась, и плотно намотала ее на клубок, который нашла на дне корзинки.

Я захотела увидеть видение, поработала, и оно пришло ко мне. Солнце дошло до другого окна, а часовая свеча догорела до полудня, но тело мое не затекло от долгой неподвижной работы. Однако я была утомлена и

пошатнулась, встав на ноги. Я подошла к своей постели и улеглась на нее. Даже сам Ло-Мелхиин сейчас не смог бы заставить меня подняться.

Я провалилась в темноту, но она была мягкой и приятной, а по краям горел знакомый белый свет.

Глава 19

Я проспала самую жаркую часть дня, а когда проснулась, тоскуя по пустыне, отправилась в сад с фонтаном. Звук журчащей воды был совсем не похож на звуки дома, но почему-то он меня успокаивал. В нем был ритм, отзывавшийся в моих пальцах так же, как ритм вращения веретена. Ночные цветы только начали распускаться, и их нежный аромат помог мне снять усталость.

В саду я была не одна. Мать Ло-Мелхиина сидела рядом с одной из финиковых пальм на широкой подушке, у ее локтя стоял кувшин с вином, разбавленным водой. Встретившись со мной взглядом, она показала мне на место рядом с собой, и я прошла через сад, чтобы сесть подле нее. Мое место было не совсем в тени, но свет вечернего солнца уже не казался столь ярким после моего видения.

– Когда мой сын только начал ездить на охоту, я боялась за него, – сказала она, когда я уселась. Вина она мне не предложила.

– Пустыня жестока и полна опасностей, – заметила я.

– Ты права, – признала она. – И все же мой сын не пал жертвой ни одной из них. Даже когда он отправился в пустыню в самый первый раз, она приняла его и не причинила ему вреда.

– Должно быть, он хорошо знает ее обычаи, – сказала я. – Таков наш отец. Он всегда возвращается из своих странствий невредимым, и лишь дорожная пыль оставляет на нем свой след.

– Мой сын хорошо изучил пустыню, – согласилась она. – Но когда его душа изменилась, он стал выставлять свою мудрость напоказ.

Я вспомнила, что говорили женщины в мастерской. Пусть Ло-Мелхиин возвращался из пустыни невредимым, но его спутники – нет. Наш отец гордился не только собственной стойкостью, но силой всего каравана, до последней овцы.

– Пустыня не терпит насмешек, – сказала я. – В конце концов она всегда возьмет свое.

– И вот мой сын наконец заплатил сполна, – вздохнула она. – Гигантская птица напала на него, изрезав его тело своими серебристыми когтями, сиявшими столь ярко, что остальные охотники не могли смотреть на них, и теперь он лежит без движения в постели, не отличая небо от песка, чего с ним не случилось многие месяцы.

Вспомнив, с какой легкостью гигантская птица рассекла горло нашей

овцы, я нисколько не усомнилась в ее словах.

– Не началась ли у него лихорадка? – спросила я.

– У него нет жара, – ответила она. – И целители не видят никаких следов заражения. Порезы неглубоки и едва кровоточат с тех пор, как на них наложили повязки, но все же он не приходит в себя.

Наконец она налила вина в чашу и подала ее мне. Я взяла ее со словами благодарности и стала медленно пить. Вино было горьковатым на вкус, а все вокруг приобрело более четкие очертания. Белый свет моего видения исчез, а с ним и ритм, хотя я все еще слышала его отзвуки в журчании фонтана.

– Женщины говорят, что ты выжила все случившееся до того, как могла об этом узнать, – сказала мать Ло-Мелхиина.

Я не отвечала. Раньше слова приходили ко мне сами, но сейчас, когда я не была сосредоточена на работе, мне было нечего сказать.

– Когда умирает король, всегда возникает смута, даже если он оставил наследника, – сказала она. – Если же наследника нет, воцаряется безумие, которое может погубить город и все королевство.

В мою восьмую зиму умер наш баран-вожак.

Овцы не отходили от него ни на миг, а остальные бараны несколько дней сражались между собой, пока не погиб еще один, самый молодой из них – его рога еще не окрепли настолько, чтобы защитить череп, но он все же ввязался в бой. Должно быть, у мужчин все бывает еще страшнее.

– Мой сын больше не хороший человек, – сказала она. – Но он хороший король. Если все это сотворили твои пустынные чары, умоляю тебя, помоги все исправить. Помоги ему, если можешь.

– Если он умрет, я смогу вернуться в шатры нашего отца, – сказала я. Я не хотела, чтобы мои слова прозвучали жестоко, но ее лицо передернулось. – Я стала бы вдовой, и по закону меня полагалось бы отпустить домой. Мне бы не пришлось больше бояться умереть от рук Ло-Мелхиина. Я смогла бы отправиться домой и взяться за жреческие обряды вместо сестры, чтобы она смогла выйти замуж.

– Ты могла бы сделать это, – произнесла она так медленно, будто слова причиняли ей боль. – Но город будет охвачен хаосом, а хаос разлетается по пустыне быстрее песчаных воронов. Твоей семье не укрыться от него, как бы хорошо ни шла торговля у твоего отца.

Когда умер отец Ло-Мелхиина, наш отец не ездил торговать целый год. На дорогах было небезопасно, говорил он нашим матерям, когда думал, что мы с сестрой не слышим. Он не хотел рисковать своим караваном, а у нас хватало запасов, чтобы продержаться какое-то время. Умерли трое ягнят и

один верблюд, но мы выжили. Если на трон не взойдет новый король, некому будет следить за порядком на дорогах и за соблюдением законов. Отцу придется оставаться дома, пока нас не настигнет крайняя нужда, а в этом случае торговля может стоить ему жизни.

– Но что я могу поделать? – спросила я.

– Ты вышила это, будто видела, как все случилось, – сказала мать Ло-Мелхиина. – Не знаю, была ли ты просто свидетелем или причиной, но пойдй взгляни на моего сына, и, быть может, ты придумаешь, как исцелить его.

Я хотела отказаться. Я видела свой дом с такой ясностью, что почти чувствовала запах овечьей шкуры и мяса, жарившегося на огне. Я слышала, как дерутся мои братья, чтобы определить, кому достанется самая скучная работа. Я чувствовала руку сестры в своей, пока мы наблюдали за ними, хихикая над их ребяческими выходками. Я не стану исцелять Ло-Мелхиина ради него самого.

– Хорошо, я пойду, – сказала я.

Она встала, потрянув львиной гривой, оттенявшей ее смуглое лицо, и помогла мне подняться. Я зашла в свои покои за покрывалом и накидкой и заколола пряди, выбившиеся из прически, пока я спала. Потом она повела меня в купальню. Мы прошли мимо ванн, где меня купали, минуя помещение, где меня одевали, и зашли в комнату, где лежал Ло-Мелхиин.

Он лежал не на подушках, а на высоком столе, и беспокойно метался во сне. Стол был накрыт белым полотном, которое, казалось, передало часть своего цвета его коже. Мертвенная бледность разливалась от висков до кончиков пальцев. Лицо его выражало боль, хотя глаза были закрыты.

Если бы он был в сознании, он бы кричал от боли, подумала я и почти пожалела, что он спит.

– Госпожа, – сказал целитель, стоявший во главе стола. Он поклонился мне, но показалось, что обращался он к матери Ло-Мелхиина.

– Могу ли я задать вам несколько вопросов? – спросила я. – Мне бы не хотелось вас отвлекать.

– Госпожа, я сделал все, что мог, – сказал он. – Пока он был в сознании, он метался в муках, но мне казалось, что я могу найти способ помочь ему. Однако теперь, когда он спит, я не знаю, что делать, кроме как ждать.

Я подошла к Ло-Мелхиину и взяла его за руку. Впервые я увидела холодное пламя без усилий с его стороны и почувствовала трепет внутри себя. Медное пламя было тут как тут – опутывало его пальцы.

– Я знаю, что вы пытались ему помочь, – обратилась я к целителю. –

Расскажите, что вы делали?

– Я промыл раны водой и перевязал их, чтобы прекратить кровотечение, – объяснил он. – Травы в повязках должны помочь ранам быстрее затянуться, хотя могут остаться шрамы.

– Мой сын – охотник, – сказала мать Ло-Мелхиина. – Он не расстроится из-за шрамов. – Целитель поклонился ей.

– Я не потревожу раны, если взгляну на них без повязок? – спросила я. Целитель колебался, и я положила ладонь на его руку. Зажглось медное пламя. – Я видела подобные раны в пустыне.

Это была не совсем ложь. Я действительно видела такие раны, только тогда овца была уже мертва. Впрочем, целитель настолько отчаялся, что согласился и принялся аккуратно снимать повязки. Раны под ними выглядели устрашающе.

– Они с самого начала так выглядели? – спросила я.

– Нет, госпожа, – целитель показал на угольную отметку на руке Ло-Мелхиина. – Два часа назад краснота доходила только до этого места. С тех пор она распространилась дальше.

Он дал мне чистое масло, чтобы я могла дотронуться до ран, не занеся в них заразу. Когда я коснулась Ло-Мелхиина, между нами не пробежало пламя, но я почувствовала ритм его крови. Это было как журчание фонтана, как вращение веретена, как биение моего сердца. Я закрыла глаза, стараясь попасть в такт его дыхания, но оно было слишком слабым. Тогда я стала делать один вдох на каждые три его, и это помогло мне погрузиться в его кровь.

С прядением было иначе. То был упорядоченный и плодотворный процесс. Теперь же я погрузилась в месиво из крови, костного мозга, костей и искры, которая соединяла их воедино и которой я не хотела касаться. Кровь была вязкой, и телу слишком тяжело было нести ее. Она медленно текла по венам, волоча эту тяжесть к его сердцу. Мне не хотелось думать о том, что случится, когда тяжесть достигнет цели. Чуть сдвинувшись, я оказалась внутри артерии, по которой кровь неслась много быстрее, устремляясь к его мозгу. Там будто бушевала гроза, от которой укрылся лишь один уголок, темный и дружелюбный. Я попробовала взглянуть на собственный мозг и не обнаружила там никаких темных уголков, но это движение вывело меня из транса, и я очнулась стоящей возле Ло-Мелхиина.

Я могу ничего не говорить, и тогда он умрет. Я смогу вернуться в шатры нашего отца, и мы переждем, пока городские мужчины будут сражаться за трон. Я могу ничего не говорить, но тогда пострадают люди:

другие торговцы, женщины и дети в деревнях, которые ближе к границе, чем к касру. Я могу ничего не говорить, а могу сделать так, чтобы, очнувшись, Ло-Мелхиин был обязан мне жизнью.

– Его кровь отравлена, – сказала я целителю. – Должно быть, на когтях у птицы было что-то ядовитое.

– Но его конь не болен, – возразил целитель. – Как и стражник, которого оцарапала птица.

– Возможно, этот яд опасен только для Ло-Мелхиина, но я точно знаю, что его кровь отравлена, – сказала я. Было бы полезно узнать, что это за яд.

– Пустите ему кровь, – велела мать Ло-Мелхиина. – Я знаю, что это опасно, но, возможно, это единственный выход.

Целитель беспомощно посмотрел на нас обеих и стал закатывать рукава. Я видела, как по его рукам струится медное пламя, устремляясь к его сердцу и разуму. Он сделает это.

– Прошу вас обеих, уходите, – сказал он. – Зрелище будет не из приятных.

Я увела мать Ло-Мелхиина из комнаты, а целитель позвал своего помощника, и они стали накалять лезвия на огне. Однако и не видя их я поняла, когда они начали резать, потому что в этот момент Ло-Мелхиин очнулся и наконец закричал.

Глава 20

Ло-Мелхиин не умер ни в ту ночь, ни в следующую. Целых три дня кровь лилась из его ран, пока, наконец, весь яд не вышел из его тела и он не пришел в себя, вновь научившись отличать солнце от песка. В тот день я обнаружила в своих покоях горшок с пустынными цветами и поняла, что это знак благодарности от матери Ло-Мелхиина. Я выставила их на солнце, чтобы они поскорей завяли и умерли. Мне не хотелось ничего, что напоминало бы о моем поступке.

Служанки, которые пришли причесывать и купать меня, низко кланялись и избегали смотреть мне в глаза. Не слышно было прежней пустой болтовни. Перестали они и обращаться ко мне напрямую, кроме как спрашивая, не мешает ли мне заколка и нравится ли мне прическа. Они боялись меня или же считали глупой. Ведь я спасла Ло-Мелхиина ради блага мужчин, а женщинам, жившим в касре, придется страдать за это. Мне же, вполне вероятно, придется поплатиться собственной жизнью. Я злилась и не скрывала своего раздражения, отвечая им. К тому моменту, как я была одета и причесана, все мы были расстроены. Что ж, они хотя бы могли убежать прочь.

Я пошла в сад с фонтаном, надеясь, что журчание воды снова успокоит меня, и снова оказалась там не одна. На этот раз меня подждал Сокат Ясноокий, а перед ним в тени был разложен завтрак на двоих. Я молча села напротив.

– В былые времена, – начал Сокат Ясноокий, – человека, который спас жизнь короля или королевы, щедро награждали. Любое желание его сердца было бы исполнено. Вы же, госпожа, сидите здесь с тяжелым сердцем.

– Что же мне, радоваться? – спросила я. – Разве я не глупая овечка, которая лучше добровольно пойдет в загон, чем рискнет стать добычей шакалов?

– Полагаю, вас скорее можно сравнить с козой, – сказал Сокат Ясноокий. – Вы пойдете в загон, потому что там ваш дом, но вы способны придумать, как оттуда выбраться, если понадобится. – Я издала неучтивый звук, который возмутил бы мать моей сестры до глубины души.

– Расскажите, что вы видели, когда исцелили его, – сказал Сокат Ясноокий. – Я буду солнцем, а вы шаром, и вместе мы рассудим, о чем говорят тени.

Я рассказала ему о тяжести в крови Ло-Мелхиина и о темном уголке

его мозга, который был так не похож на остальную его часть.

– Чем же он отличается? – спросил Скептик.

Я попыталась найти слова, которые бы могли описать то, что я увидела. Оказалось, их нити уже поджидают меня в ритме журчащей воды.

– Когда мы режем животных в дни празднеств, головы их мы оставляем для подношений предкам, – начала я. – Моя мать и мать моей сестры ждут, пока черепа не просохнут, а потом раскалывают их. Потому-то я и знаю, как выглядит мозг. Я видела овечьи мозги и козы, а однажды и верблюжий. Мозг Ло-Мелхиина будто принадлежит змее, но один его уголок похож на верблюжий.

Сокаат Ясноокий в задумчивости катал между пальцев маслину.

– В этом верблюжьем уголке было темно, будто он спит, – продолжала я. – А в змеиной части сверкают молнии.

– Молнии – это то, что Жрецы называли бы душой, – объяснил он. – Скептики же считают, что душа скорее подобна солнцу, питающему растения.

– Это значит, что у темного уголка нет души? – спросила я.

– Или же ее что-то сдерживает, – предположил Сокаат Ясноокий. – Известно ли вам, как Ло-Мелхиин стал таким?

– Известно, – ответила я. – Он отправился в пустыню и вернулся иным.

– Ни в коем случае не говорите этого моим товарищам, – сказал он, – но я думаю, что они не правы. Солнце может временно помрачить разум, но если оно не убивает человека, разум рано или поздно к нему вернется. Я думаю, правы Жрецы. В тот день в дюнах был демон, и вместо Ло-Мелхиина домой вернулся он.

– Не вместо него, – поправила я, – а вместе с ним. Если бы он занял его место, весь мозг был бы однородным.

– Полагаю, вы правы, – признал он. – Впрочем, это не имеет значения. Демон слишком силен.

– Не настолько силен, чтобы убить меня, – напомнила я.

– Это и дает мне надежду, – сказал он. – Ло-Мелхиин должен оставаться на троне, пока не появится наследник. У наследника может быть регент, а потом регент может отойти в сторону. Наследника можно учить, на него можно влиять. Но без наследника вмешаются влиятельные вельможи, и несколько поколений будут жить в хаосе, пока они будут грызть другу другу глотки.

Я знала законы мужчин. Регентом должен стать Жрец или Скептик. Зачастую назначали двоих – и того, и другого. Они всегда были старыми,

чтобы не прожили слишком долго после того, как наследник войдет в возраст и займет свое законное место. Наследник принес бы стране мир, но получить наследника можно только одним способом, а от мысли об этом у меня кровь стыла в жилах. Мне тошно было даже думать об этом.

– Я знаю, что просить о таком несправедливо, – сказал Сокат Ясноокий. – Несправедливо просить цену, которую я не могу заплатить. Но это единственное решение, какое я могу придумать.

Он поднялся со скрипом в коленях, поклонился и ушел, оставив меня в саду одну. Если он и ждал от меня какого-то ответа, то не подал вида, а я не стала отвечать. Я вспомнила о чае, который пила сегодня утром. Он был ужасен на вкус, но сейчас я жаждала его больше всего на свете. Нужно найти чайные кладовые и запастись им – на случай, если кто-то прикажет служанкам прекратить подавать его мне по утрам. До сих пор Ло-Мелхиин едва ли дотрагивался до чего-либо, помимо моих рук, но рисковать я была не намерена.

Мой желудок взбунтовался, и завтрак выплеснулся из меня в ту же миску, в которой был подан. На звуки прибежала служанка. Мне пришлось долго убеждать ее, что со мной все в порядке и что мне лишь нужно немного пресного хлеба с водой, чтобы успокоить желудок. Поднос был испорчен, так что я помогла ей завернуть его в покрывало, прежде чем она унесла его прочь.

Никакого наследника не будет. Я не стану платить эту цену за них. С законами мужчин для меня покончено. Я найду иной путь.

Я тихонько проследовала за служанкой, надеясь, что она выведет меня к кухням. Так и случилось. Повар мельком взглянул на принесенный ею сверток и распорядился бросить его в огонь. Увидев меня, он начал было суетиться, но я подняла руку, чтобы остановить его.

– Почтенный господин хлебопек, – обратилась я к нему. – Я знаю, что вы заняты приготовлением еды на весь день. Кусок пресного хлеба и тихий уголок – все, чего я прошу.

– Сию минуту, госпожа, – ответил он и подвел меня к табуретке у окна, куда не доставал жар из печи и проникал свежий воздух.

Там я уселась, жуя свой хлеб и запивая его холодным плодовым соком, который он поставил на низенький столик рядом со мной. Я наблюдала, как работают повар и его подмастерья. Поначалу их действия казались беспорядочными, но спустя некоторое время я стала видеть в них столь же четкую схему, как в прядении или вышивании.

Мать Ло-Мелхиина умоляла меня помочь ему, и я помогла. Сокат Ясноокий желал увидеть наследника, но от меня он его не получит. Ло-

Мелхиин правил, потому что мужчины позволяли ему, невзирая на цену. Я прожила в касре уже почти два лунных цикла и не умерла. Я призвала гигантскую птицу. Но я не знала, что делать дальше, поэтому просто сидела на кухне и наблюдала за пареньком, который крутил вертелы с козлиными тушами, чтобы они приготовились равномерно.

Пока я наблюдала, к мальчику подошел повар и осмотрел мясо. Он кивнул, показывая, что работа сделана как надо, а потом указал ножом на кусок, отличавшийся по цвету от остальной туши.

– Видишь, этот кусок был испорчен, когда мы поставили мясо на огонь, но иногда жарка помогает исправить дело, – объяснил он подмастерью. – Но это мясо уже не спасешь. Если его съесть, можно заболеть. Запомни этот цвет, мальчик, на случай, если увидишь его, когда меня не будет рядом, или на собственной кухне, когда вырастешь. Мясо такого цвета идет на корм собакам.

Ловкими умелыми движениями он вырезал испорченный кусок и засвистел. Собаки, вертевшие самые крупные туши – должно быть, говяжьи, – наострили уши и присели, аккуратно сложив лапы, будто приготовились отобедать за королевским столом. Повар бросил им отрезанные куски и снова засвистел. По второму свистку собаки принялись есть, тщательно облизывая свои клыки, чтобы не упустить ни кусочка, а доев, вернулись к работе, пока говядина не подгорела.

– Даже испорченный кусок найдет свое применение, госпожа, – сказал повар, улыбаясь. – А угощение ценят все – хоть двуногие, хоть четвероногие, верно?

Он протянул сдобную булочку мальчишке, который вертел козлиные туши, и вернулся к работе за столами для замеса теста.

Сокат Ясноокий считал демона слишком могущественным, но, быть может, увидев тот темный уголок, я нашла его слабое место. Мать Ло-Мелхиина была уверена, что ее сын, ее хороший сын, все еще жив. Тот темный уголок казался добрым. Возможно, власть демону давали молнии.

Исцели его, попросила меня мать Ло-Мелхиина, и я исцелила. Но я исцелила только его тело. Темный уголок остался на месте. Возможно, будь он побольше, Ло-Мелхиин снова стал бы таким, как до встречи с демоном. Я не могла отделить один кусок от другого ножом, как повар, но мне это было и не нужно. Я сумела увидеть сестру, пролетев через всю пустыню, я сумела призвать с неба гигантскую птицу. Молнии в душе Ло-Мелхиина пугали меня, пока я не знала, что это, но я была уверена, что моя душа сильна и сможет сразиться с ними.

Мужчинам нужен был король. Большинство из них были довольны

нынешним. Скептики хотели посадить на его место другого – узнай кто об этом, их сочли бы изменниками. Я не стану мириться с тем королем, что у нас есть, но не стану и дарить им наследника. Сокат Ясноокий предложил мне быть шаром, а себе оставил роль солнца, но я больше на это не согласна. Отныне я буду солнцем и сама испытаю, на что способна моя неведомая сила. Я призову молитвы, которые сестра произносит у моего алтаря, и изменю все, что сочту нужным.

V

Я оставил частичку Ло-Мелхиина в уголке его разума – поначалу для собственного удовольствия. Я привык к его крикам и мольбам, а потом и к его мрачному молчанию, когда он перестал поражаться всем тем зверствам, что мы творили. Когда же на нас напала гигантская птица, я нашел этому уголку новое применение.

Я испытывал боль и раньше – не сам, но через тело Ло-Мелхиина. Порой у него затекали ноги от долгой езды верхом, порой ему случалось порезаться ножом во время еды. Она была интересной, эта боль. От нее я чувствовал себя живым внутри его тела, и она мне даже нравилась. Но в день, когда на нас напала птица, я ощутил нечто иное. Та боль пронзала меня насквозь, будто меня жарили на огне, который я не мог погасить. Я думал, мы умрем.

Я покинул его руки, ноги и грудь. Его собственное сознание, так долго находившееся в плену, ринулось занять мое место, слишком поздно обнаружив, что то была ловушка. Теперь боль принадлежала ему одному, за исключением малой ее части у него в голове, и мне приходилось терпеть лишь ее.

Я полагал, что никогда не устану от его криков, но в тот день он кричал так много, что я усыпил его. Я ждал, что мы исцелимся, и тогда я разбужу его снова, но, сколько бы своей силы я ни передавал целителю, все было напрасно. Что-то засело в крови, что-то принесла с гор эта мерзкая тварь на своих поганых когтях, и оно не поддавалось исцелению. Мне претила мысль оставить Ло-Мелхиина, если его еще можно было спасти, но от мертвого мне не было никакого проку, и я приготовился к долгому пути в самую жаркую часть пустыни. Я запас достаточно сил, чтобы продержаться там какое-то время, хотя, конечно, я жаждал большего.

И тут я ощутил на коже Ло-Мелхиина легчайшее прикосновение. Живительная прохлада возникла там, где повязки целителя лишь запечатывали жар. Я ждал, не покидая тело Ло-Мелхиина, пока прохлада разливалась по его жилам, а потом ушла тем же путем.

Это была она.

Когда она покинула нас, повязки сняли и пришла новая боль, острая и резкая. Мы истекали кровью, но я чувствовал, как яд покидает нас, и решил потерпеть еще немного, не оставляя тело Ло-Мелхиина. Эту боль я тоже предоставил ему. Я уже натерпелся достаточно.

Три дня спустя я проснулся слабым, но живым. Целители вливали в меня столько супов и фруктовых соков, что мне казалось, будто я лопну, но каждый глоток возвращал мне силы. На четвертый день я снова смог подняться на ноги. На пятый я услышал, как служанки, прибиравшие мои покои, перешептываются, думая, что я сплю.

– Она вышила это, когда еще не могла ничего знать, – сказала одна.

– Не может быть, – ахнула вторая.

– Она сожгла вышивку, чтобы никто ее не увидел, – продолжала первая. – Да только пряжи все видели, и ткачихи тоже.

– Так, значит, она видела это? – спросила вторая. – Или она это сделала сама?

Они шикнули друг на друга, услышав, как я пошевелился, не в силах дальше оставаться без движения, и убежали прочь. Я пребывал в уверенности, что моя новая жена была рядовым человеческим созданием, очередной чернявой простолюдинкой. Но если служанки правы, это значит, что в ней есть какая-то сила, знает она о том или нет.

Я вспомнил прохладное прикосновение, которое ощутил перед тем, как целители взялись за ножи. Это была ее рука. Она вошла в мою кровь, увидела яд и сказала целителям, что нужно делать. Она позволила мне жить. Я бы не сделал того же ради нее.

Власть так легко извращает умы мужчин. Они тянутся к ней, как деревья тянутся к свету и воде. Вот почему я выбрал тело Ло-Мелхиина и его руки – в них было больше всего власти. Торговцы и вельможи, Скептики и Жрецы, мастера, и чернорабочие, и все их сыновья тянулись к нему – к нам – словно песок, следующий за ветром.

Все эти годы, живя в теле Ло-Мелхиина, я дарил силу мужчинам, которые, как я полагал, используют ее в угоду мне. Я дарил им великие умения и великие мысли, а они и не догадывались, что утоляют мой всепоглощающий голод, который им придется утолять и впредь, до самой своей смерти. Они совершали великие дела и сочиняли великие сказания, но все это время я был слеп.

Все это время в моем распоряжении было больше силы, чем я воображал, а я не замечал ее, потому что смотрел мужскими глазами. Я позабыл о девушках, подметавших полы и прявших пряжу, о женщинах, красивших ткани и рисовавших хной. У меня было три сотни жен, и всех их я сожрал сырыми, не дождавшись, пока они дойдут до готовности.

Она знала. Она все знала, но все равно спасла меня, когда я лежал перед ней слабый и умирающий. Она не показалась мне безвольной, но должно быть, я ошибался. Только дура или безвольная марионетка спасет

человека, который может ее убить, а я точно знал, что она не глупа.

Теперь же она вкусила власти. Неважно, видела ли она птицу со стороны или сама призвала ее, она должна была почувать свою силу, а из силы я умел плести не хуже, чем она – из своих ниток. За время пребывания в теле Ло-Мелхиина я похитил столько мужских сердец, что это стало слишком легко. Теперь же меня, как по заказу, ждал новый вызов. Я не знал, как влиять на женские сердца, но Ло-Мелхиин знал.

Глава 21

Поправившись, Ло-Мелхиин пришел ужинать со мной в моих покоях. Служанки принесли второй стол – больше того, за которым я ела и на котором стояли мои лампа и шар, – и накрыли его тонкой синей материей с золотой каймой. Одна из служанок подрезала все фитили и принесла новые лампы, чтобы нам было хорошо видно друг друга за ужином. Я наблюдала за их приготовлениями с тяжелым сердцем. Даже если мы не примемся за еду еще час, пока они будут хлопотать, все равно останется два часа между ужином и временем, когда я ложилась спать. Вряд ли он покинет меня после ужина, особенно если мать рассказала ему, что я вышла нападение птицы в тот самый момент, как все случилось, но у меня не было никакого желания узнать, как Ло-Мелхиин предпочитает проводить свои вечера.

Пришла мастерица по хне и взяла меня за руки. Она вывела меня из комнаты и повела в купальню. Она объяснила, что времени на полные сборы нет, но она займется моими руками и волосами.

Я терпеливо сидела, пока она втирала хну мне в волосы. Я знала, что там, где ее пальцы касаются моей шеи, ушей и лба, останутся отпечатки хны. Она делала это нарочно, чтобы божества моей семьи знали, что я покрасила волосы. Если делать все чересчур аккуратно, они решат, будто такой диковинный цвет волос был у меня от рождения, и отметят меня как одну из своих. Я не стала объяснять, что ее усилия тщетны. Я и так уже была одной из них.

Мастерица закончила с волосами и, взявшись за стило, принялась рисовать на моих руках какие-то знаки. Некоторое время я наблюдала молча, но потом любопытство пересилило.

– Госпожа мастерица, – обратилась я к ней. – Что это за знаки вы рисуете?

– О некоторых я могу рассказать вам, – отвечала она. – Но некоторые из них, госпожа, – это тайные знаки моей семьи. Благословения наших божеств, которые нам позволено рисовать на других в качестве дара. О них я рассказывать не стану.

– Я понимаю, – сказала я.

Раньше я не могла понять, что отличает хорошую рисовальщицу хной от прочих. На мне всегда рисовала мастерица, хотя я знала, что у нее было несколько учениц и по крайней мере одна дочь – девочка пастушьего возраста, как сказали бы у нас в деревне. Эти девушки порой

разрисовывали друг друга или прях, но ко мне они никогда не прикасались, даже чтобы поупражняться. Теперь я поняла, почему.

– Этот знак – на удачу, – объяснила она, указывая на широкий круг с крыльями. В узорах у меня на предплечьях пряталось несколько таких. – А этот придает силу.

От основания моих ладоней росли два дерева, тянувшие свои ветви к каждому из пальцев. Внизу она начертила линию, в которой я узнала пустыню, и шатры нашего отца – они обозначали мое прошлое. Потом она повернула мои руки ладонями вверх и сложила их вместе, потянув на себя. Когда она прижала мои руки друг к другу, узоры на бледной стороне предплечий сложились в птиц: на каждой руке было нарисовано по половинке, так что рисунок читался, только если сложить руки вместе.

– Госпожа, – произнесла она и отпустила мои руки.

– Спасибо, – поблагодарила я.

Если мне предстоит ужинать со своим супругом, мне понадобится любая помощь, какую я смогу получить.

Мастерица не объясняла мне смысл остальных знаков, но я чувствовала силу, заложенную в каждом из них. Когда она начинала рисовать новый знак, кожа под ним горела, словно к ней поднесли свечу. Когда знак был готов, боль отступала. Каждый рисунок делал меня сильнее, хоть я и не понимала их значения.

Наконец она закончила и громко хлопнула в ладоши. Прибежали остальные служанки и, пока мастерица собирала свои инструменты, они начали укладывать мои волосы в замысловатую прическу, к которой я наконец привыкла. Тут тоже были сложные узоры из кос и завитков, и я чувствовала старания, вложенные в каждую прядь.

Служанки принесли и надели на меня платье из синей ткани на несколько оттенков темнее, чем скатерть, которой накрыли стол, но не такое темное, как беззвездное небо. Платье закрыло нарисованных хной птиц, но я ощущала у себя на коже взмахи их крыльев.

Платье было расшито пурпурной нитью, но узоры на фоне темной ткани было сложно рассмотреть. Впрочем, мне не нужны были глаза, чтобы ощутить их линии. Я не знала, вкладывали ли остальные в свою работу такой же смысл, как и мастерица по хне, но чувствовала, что перед встречей с Ло-Мелхиином девушки облачили меня во все доспехи, какие были в их распоряжении.

Закончив со своими обязанностями, служанки ушли. Они все еще боялись меня. Впрочем, быть может, еще сильнее они боялись мастерицу по хне, которая зорко следила за их работой, хотя никто и так не отлынивал.

Последняя служанка, надевшая на меня туфли и подколовшая мой подол, чтобы я не споткнулась, замешкалась. Это была девушка, которая принесла мне чай в самое первое утро. Хотя с тех пор я несколько раз видела ее, мы никогда не разговаривали. Она дала мне сверток, упакованный в обрезки шелка, которые она, должно быть, выпросила у ткачих. Я угадала его содержимое по запаху и кивнула ей в знак благодарности. Мне так и не удалось найти чай самой, несмотря на несколько визитов на кухню и разговоры с поваром и его подмастерьями. А теперь она принесла мне его.

– Спасибо, – сказала я.

– Не стоит благодарности, госпожа, – ответила она.

– Ну-ка кыш, птичка, – сказала мастерица по хне. Я не поняла, к кому она обращалась, но ее тон так напомнил мне мать моей сестры, что я безотчетно сдвинулась с места. Ее рассмешило, что я решила, будто она отдает приказы своей госпоже, а служанка, уходя, улыбнулась. Мастерица протянула руку:

– Я заберу чай, госпожа, – сказала она. – Ваши покои могут обыскать, а мои никто обыскивать не станет. Если он вам понадобится, пошлите за мной. Всегда можно сказать, что вам нужна хна.

Я отдала ей сверток, и она спрятала его под платьем. Слишком многое в себе я не могла контролировать, но у меня были все эти женщины, а теперь еще и чай.

– А теперь вам нужно идти, – сказала она. – Сидя на подушках, держите спину прямо. Говорите, только если он сам обратится к вам. Ешьте небольшими кусочками и жуйте подолгу каждый кусок. Не пейте чай, пока он не остынет, а если будут дрожать руки, посидите на них, – она наставляла меня не ради приличий, но из страха за мою жизнь.

Я кивнула, почувствовав, как у меня пересохло во рту от горячего воздуха в купальне, а она обняла меня как родную дочь.

– Спасибо, – поблагодарила я.

– Пусть ваши божества найдут вас, госпожа, – сказала она. Мне не хватало дружеской беседы с тех самых пор, как я приехала в каср Ло-Мелхиина, и теперь наконец казалось, что некоторые из женщин готовы рискнуть и привязаться ко мне. Я улыбнулась мастерице, а она развернула меня за плечи и подтолкнула к двери.

Воздух в коридоре купальни был душным, но в саду с фонтаном оказалось прохладнее. Солнце уже скрылось за стеной касра, и все вокруг окутывала тень. Легкий ветерок нес ароматы ночных цветов к моим покоям, в распахнутые настежь окна и двери. Но медлить было нельзя – Ло-Мелхиин уже ждал меня у входа. Увидев меня, он галантным жестом

протянул руку, и я пошла через сад ему навстречу.

– Жена моя, – сказал он, сомкнув свои теплые пальцы вокруг моих. Он не стал сжимать мою руку, и огонь между нами не вспыхнул. Он просто взял меня за руку. – Спасибо, что согласилась поужинать со мной сегодня.

Это было сказано так, будто он приглашал меня, а не вторгся без спросу в мои покои.

– Прошу прощения за то, что мы до сих пор не ужинали вместе, кроме как в ночь звездопада, – продолжал он. – Признаюсь, государственные дела отнимают много времени, но ты была так терпелива ко мне, несмотря на мое невнимание. Умоляю простить меня.

Я старалась не смотреть на него. Это он перегрелся на солнце или я? Если он рассчитывал очаровать меня, то его труды были напрасны.

– Пойдем, – позвал он, когда стало ясно, что я не собираюсь подыгрывать ему. – Ужин на столе.

В шатрах нашего отца мы питаемся хорошо. Каждый вечер на столе бывает мясо, чечевица и нут. У нас всегда есть хлеб и оливковое масло, а отец привозит из своих странствий пряности, потому что моя мать любит пробовать новые рецепты. Мы всегда едим вместе, деля еду на всех и соприкасаясь пальцами в общей посуде, и за едой всегда звучит смех.

Этот ужин был совсем иным. Хлеб и масло подали в посуде такой тонкой, что на солнце она, должно быть, просвечивала насквозь. Рядом стоял наполненный вином стеклянный графин – столько стекла я не видела за всю свою жизнь, – а подле графина – кувшин с водой, которую полагалось смешивать с вином. Мясо было нарезано на мелкие кусочки и уложено в форме крикливых птиц с длинными перьями, которых я иногда видела в саду. Спереди картину довершала голова птицы, а сзади был сложен хвост из перьев в тон скатерти. Пахло незнакомыми пряностями, да и некоторые блюда были мне незнакомы.

– Нужно не забыть завтра побеседовать с поваром, – произнес Ло-Мелхиин тем же светским тоном, каким он говорил в саду. – Обычно он представляет каждое блюдо сам, чтобы мы могли оценить искусность их приготовления, но сегодня мне не хотелось, чтобы нас беспокоили. Прошу, жена моя, присаживайся.

Я опустила на одну из подушек, по совету мастерицы по хне стараясь держать спину как можно прямее, и аккуратно подобрала ноги под платьем. Скрестив лодыжки, я ощутила, как нарисованные мастерицей парные знаки узнали друг друга и согрели мою кровь своим теплом.

Ло-Мелхиин сел рядом со мной. Если бы мы сидели напротив, нам бы не было видно друг друга из-за пышных перьев. Краем глаза я видела

возвышение, где стояла моя постель, но старалась не думать о ней.

Я сидела неподвижно, пока Ло-Мелхиин смешивал воду и вино и накладывал на тарелку понемногу из каждого блюда. На столе была одна чаша и одна пиала. Нам придется есть и пить из одной посуды. Если он попытается кормить меня из рук, я откушу ему пальцы. Он отпил большой глоток вина и передал чашу мне. Мой глоток был куда меньше – я едва смочила губы. Вино все равно оказалось слишком крепким на мой вкус.

Он начал есть, не делая никаких движений в мою сторону, так что я тоже принялась за еду. Я отламывала хлеб, заворачивая в него каждый кусочек и стараясь жевать как можно медленней.

– Мне никак не удастся заставить тебя бояться меня, – сказал он. Хорошо, что я откусила совсем немного, а не то бы подавилась.

Вместо этого я аккуратно проглотила кусок и отпила глоток слишком крепкого вина, прежде чем взглянуть на него.

– Я не трачу свой страх попусту, – сказала я. – Я уже говорила тебе это.

– Знаю, – сказал он. – Ты ничего не боишься, потому что в конце концов пустыня все равно заберет тебя, что бы ни случилось. Она предсказуема, как водяные часы. Я решил быть непредсказуемым и проверить, не собьет ли это тебя с толку.

– Я пасла коз, мой господин, – сказала я. – Они научили меня, что такое непредсказуемость.

– Ты изучила и птиц, – сказал он. Его глаза напоминали далекий горизонт, где собирается песчаная буря.

– Я ничего не изучала, – возразила я. – Я не Скептик. Если пустыня чему-то учила меня и я выжила, то это потому, что я усвоила ее уроки.

– Это верно, – согласился он. Его рука сомкнулась на столовом ноже, который был ему не нужен. – Каким-то образом ты выжила.

Глава 22

Мой собственный нож лежал слишком далеко, чтобы я могла потянуться за ним, не выдав своего намерения. Поскольку еда была уже нарезана, я не видела причин положить его поближе. Я пообещала себе, что, если выживу, никогда больше не буду так неосмотрительна, чтобы не иметь при себе ножа, когда он есть у Ло-Мелхиина. Вряд ли мне удалось бы одолеть его, но я могла бы рассечь ему лицо, чтобы он запомнил, чего ему стоила моя смерть.

Ло-Мелхиин принялся крутить нож в руках, а потом провел лезвием по пальцам. Оно не оставило пореза на его коже. Свет от ламп играл на гладкой бронзе, отбрасывая на стены моей комнаты танцующие блики. Это могло бы показаться мне красивым, если бы я не представляла себе брызги крови, которые могут за этим последовать.

Со своего места я могла дотянуться только до солонки. Она была полна крупных кристаллов соли. Я могла бы швырнуть их ему в лицо, как горсть песка, и выиграть время, чтобы схватить нож.

Ло-Мелхиин подбросил нож в воздух, и он закрутился в отблесках света. Я потянулась к солонке, приготовившись схватить ее, но, поймав нож, он лишь перевернул его острием вниз и вонзил в стол. Я замерла, не зная, что он будет делать дальше, и тогда он склонился ко мне.

– Это будет не нож, любовь моя, – сказал он тихо. – Это я могу тебе обещать.

Он выпрямился и хлопнул в ладоши. Пришли служанки и убрали со стола все, кроме вина, а потом зашел мужчина со свертком в руках. Ло-Мелхиин взял его и жестом отослал слугу. Когда он развернул сверток, я увидела карты пустыни. Там был помечен каср и все деревни. На многих местах были красные отметки, и я почувствовала, как то небольшое, что я проглотила за ужином, взбунтовалось у меня в животе. Это были места, откуда он уже брал жен.

– Хочешь посмотреть, как я планирую охоту, жена моя? – спросил он.

– Нет, мой господин, – ответила я. – У меня есть свои дела.

Это было не совсем правдой, но у меня было веретено и пряжа, которую я сделала, погрузившись в видение о своей сестре. Я могла бы соткать из нее материю, но у меня не было ручного станка, и я задумалась, чем бы его заменить. Служанка, уносившая испорченную скатерть, увидела пряжу у меня в руках и кивнула. Вскоре она вернулась со станком, и я

уселась ткать, пока Ло-Мелхиин планировал свои зверства, сидя над картой пустыни.

Есть два способа сидеть, когда ткешь. Моя мать и мать моей сестры научили нас обоим. Я предпочитала первый, как и следовало, потому что он был намного удобней. При необходимости так можно было сидеть часами, но если бы я стала сидеть так сегодня, я могла бы провалиться в очередное видение, а мне не хотелось этого делать при Ло-Мелхиине. Вторым способом было сесть, подложив под себя ногу, и если не менять положение время от времени, нога затечет и в мышцах будет спазм. Первым способом моя мать и мать моей сестры ткали, когда были вдвоем. Вторым они пользовались, когда ездили с караваном и сидели в шатрах чужих женщин, пока отец торговал с их мужьями.

– Ткань будет равного качества, – говорила мать моей сестры, – но уши будут слышать лучше.

Я подложила одну ногу под себя. Поскольку она была закрыта платьем, никто, кроме ткачихи, не понял бы, как я сижу. Меня могли выдать плечи и изгиб бедер, но я сомневалась, что Ло-Мелхиин догадается обратить на это внимание. Достаточно было убедиться, что он не смотрит на меня, когда я буду менять ноги.

Я начала натягивать основу. Поскольку я не задумывала какое-то определенное изделие, я решила располагать нити как можно ближе друг к другу, оставляя между ними зазоры, достаточные лишь чтобы протереть пальцем нить. Когда я закончу, получится добротная материя. Возможно, меня похоронят в ней, если я успею соткать достаточно к тому часу, как Ло-Мелхиин прикончит меня.

Он корпел над своими картами, занимаясь чем-то, о чем я не желала знать, и часто отпивал из графина, не разбавляя вино водой. Я надеялась, что он сомлеет от вина и уснет за столом, не добравшись до кровати, но в глубине души понимала, что рассчитывать на это не стоит. Он не больше готов рисковать со мной, чем я с ним. Хорошо хотя бы, что унесли ножи. Что бы он ни говорил, а перерезать человеку глотку куда проще, чем задушить его.

Как только основа была натянута, я отмотала от клубка длинный отрезок пряжи и накрутила ее на пальцы. Моя мать рассказывала мне, что ее матери на старости лет приходилось использовать иглу, чтобы протащить нитку через тесно натянутую основу, потому что пальцы ее стали скрюченными и узловатыми. Мои же были еще тонкими и ловкими. Я могла проводить нить через основу пальцами, вытаскивая нужные нити иправляя ненужные. Надо только следить, чтобы основа не растянулась

слишком сильно.

Я сменила ногу и принялась ткать.

Когда нам с сестрой было по десять зим, она слегла с лихорадкой, а я нет. Это было непривычно. Мы всегда все делали вместе, и хотя я была здорова, а она лежала в горячке и жалобно звала свою мать, я бы предпочла присоединиться к ней. Братья называли меня глупой, и в глубине души я понимала, что они правы, но ведь она была моей сестрой, и я скучала по ней, отправляясь к колодцу в одиночку.

На третий день ее болезни мать в очередной раз послала меня за водой. Я пошла охотно, радуясь, что могу хоть чем-то помочь ей, но знала, что не донесу так много воды одна, и хотела бы, чтобы вместо меня послали кого-то из братьев. Но отец настоял, чтобы они остались со скотиной, потому что в ту пору был отел. Так что я отправилась к колодцу – с кувшином поменьше и с тяжелым сердцем.

Я зачерпнула столько воды, сколько могла унести в одиночку, и уже вытащила ведро из колодца, как вдруг услышала в кустах звук, заставивший меня обернуться. Сердце мое остановилось. Там была песчаная гадюка, а я знала, что если приползла одна, то поблизости должна быть и вторая – они не охотятся в одиночку.

Мы долго смотрели друг на друга, но вторая змея так и не появилась. У меня при себе не было камней, потому что я не смогла бы нести и камни, и кувшин. Змея не двигалась с места, и, выждав долгий жаркий миг под палящим солнцем, я наконец решилась пошевелиться. Я вылила воду в кувшин и опустила ведро назад в колодец. Затем я наклонилась за кувшином и стала отходить задом наперед, не спуская глаз со змеи. Она тоже наблюдала за мной, по-прежнему неподвижно, и наконец уползла назад в кусты, поняв, что ей уже не достать меня одним броском.

Я рассказала об этом сестре, когда она поправилась. Отец срубил все кусты у колодца, чтобы никакие змеи больше не смогли там спрятаться.

– Быть может, она увидела, как тебе одиноко, и поэтому не стала бросаться на тебя, – сказала сестра. – Быть может, ей тоже было одиноко, и она поняла, что в тот миг между вами было нечто общее.

– А может быть, мне просто повезло, – ответила я. – Или у меня вид невкусный.

Она рассмеялась.

Уток змеился сквозь основу, повинаясь движениям моих пальцев, и я снова ощутила на себе взгляд гадюки. Я подняла глаза и увидела, что Ло-Мелхиин наблюдает за мной, по-прежнему сидя за столом над своими картами. Я сменила ногу, не заботясь о том, заметит ли он это, и вернулась

к работе. У меня не было камней, и мне нечем было отогнать змею, так что оставалось лишь быть терпеливой.

Он долго смотрел на меня, а потом вернулся к своему занятию. Почувствовав, что он отвел глаза, я глубоко вздохнула. Змея не всегда нападает. Иногда она выжидает. Возможно, я показалась ей невкусной. Эта мысль заставила меня улыбнуться, несмотря на опасность, и я позволила себе чуть глубже погрузиться в работу, хотя по-прежнему сидела, подложив под себя ногу, чтобы случайно не сотворить ничего странного. Мои пальцы нащупали ритм, и нити послушно следовали за ними.

У нас было много трудовых песен и молитвенных напевов. Некоторые предназначались лишь для ушей моей сестры, моей матери и матери моей сестры, но некоторые можно было петь при моих братьях и остальных родственниках, обитавших в наших шатрах. Были песни, которые мы пели, когда к нам приезжал чужой караван, хотя это случалось нечасто, а были такие, которые мы с сестрой сочиняли ради собственного удовольствия, когда наших матерей не было рядом.

Теперь я решила спеть одну из своих любимых песен. У нее была нежная мелодия, ложившаяся на естественный ритм. Мужчина счит бы ее колыбельной, пригодной лишь для убаюкивания младенца, но ее четкий ритм помогал вести нить, и следуя ему, даже начинающая ткачиха уверенно проделывала весь путь к готовой материи. Мы пели ее вместе, я и сестра, а иногда и другие девушки, приходившие работать с нами. Эта песня не подходила для пения в один голос и теряла от этого часть своего очарования, но она так нравилась мне, что я старалась восполнить недостающее, пусть и некому было мне помочь.

Я допела до середины третьего куплета, как вдруг увидела тень и поняла, что Ло-Мелхиин стоит рядом со мной. Я заставила себя закончить строчку, не переставая ткать и стараясь не допустить дрожи в руках, хотя змея подползла еще ближе, нависая надо мной. Закончив куплет, я отложила станок и посмотрела на Ло-Мелхиина.

– Любовь моя, твоё пение убаюкает и взрослого мужчину, – сказал он мне. Значит, он не разгадал истинного значения песни, и это меня обрадовало. – Пойдем же в постель.

Он не прикоснулся ко мне. Я вынула из волос все шпильки и скинула платье, оставшись перед ним в одной сорочке, обнажавшей рисунки хной на моей коже. Если он и знал, что означают эти знаки, то не подал виду. Но вряд ли он знал. Мужчины редко знают такие вещи. В конце концов, это женское искусство.

– Пойдем в постель, – повторил он.

Я обратила свое сердце в камень и улеглась в постель со змеей.

Глава 23

Еще четыре ночи Ло-Мелхиин приходил ужинать в мои покои, после чего мы занимались каждый своим делом, а затем ложились в постель. Мастерница по хне каждый раз рисовала на мне свои знаки, а служанки искусно заплетали мои волосы и одевали меня в платья тончайшей работы.

С каждым разом хна жгла кожу все сильнее, шпильки впивались в волосы все крепче, а вышивка на платьях становилась все изысканнее.

На картах Ло-Мелхиина множились пометки, а под моими пальцами разрасталась ткань. Я старалась держать нож поближе к себе или пела песни наших шатров, когда мне это не удавалось. Если он и замечал, ему было все равно. Каждый раз он звал меня в постель – и это было последнее, что он говорил мне перед сном, – но никогда не прикасался ко мне. Не было ни его холодного пламени, ни моего медного, хотя я чувствовала, что оно ничуть не ослабело. Хна поддерживала его силу. Каждое утро он уходил прежде, чем я проснусь, а рядом с моей постелью дымилась чашка чая.

Проснувшись, я отправилась в купальню. Когда я пришла, там было пусто, но не успела я снять сорочку, как появилась одна из служанок – как всегда, будто по звонку. Мою сорочку убрали и принесли новую, пока я лежала в ванне, отмачивая оставшуюся с прошлой ночи хну. Рисунки не смывались полностью. Зачастую мастерница лишь обводила вчерашние линии, освежая их и укрепляя их чары. Пока я сидела в ванне, служанки приносили ушат горячей воды, который ставили на выступ позади моей головы. Если я откидывала голову назад, они расчесывали мне волосы под водой. Вода смывала часть хны, но не всю.

Когда меня высушили и одели, я отправилась в рукодельную мастерскую. По своему обыкновению я открыла дверь без стука и удивилась, когда все женщины подняли глаза на меня, оторвавшись от работы.

– О, госпожа! – воскликнула самая старая из ткачих. – Это всего лишь вы.

– Всего лишь я? – переспросила я, усевшись на свободное место среди прях. Они подали мне корзинку и веретено, и я взялась за работу.

– Госпожа, Ло-Мелхиин приходил сюда каждый день с тех пор, как поправился, – сказала пряха, которой было свойственно говорить, не подумав. – Он наблюдает за нами, иногда кладет руку кому-то на плечо и говорит, что мы хорошо работаем.

Старая ткачиха издала неприличный звук. Руки у меня были заняты, и я не могла прикрыть рот ладонью, так что я просто постаралась сдержать улыбку. Старуха явно считала, что Ло-Мелхиин не смог бы распознать хорошую нить, даже если бы об нее споткнулся.

– Клянусь, госпожа, мы не завлекали его сюда, – сказала пряха. – Он сам приходит.

– Госпоже нет дела, если кто-то из вас ему приглянулся, – сказала старая ткачиха.

Мне снова пришлось подавить улыбку. Ревность – последнее чувство, которое я испытала бы, вздумай Ло-Мелхиин добиваться расположения одной из молоденьких прях. Меня куда больше беспокоило, как шла их работа после того, как он к ним прикасался.

– Скажи мне, – обратилась я к болтливой пряхе. – Где пряжа, которую ты сделала после того, как он приходил?

– Я сожгла ее, госпожа, – сказала она, наконец обратив взгляд на свое веретено. – Она никуда не годилась.

– А ведь за все три года в этой мастерской, – сказала старая ткачиха, – ни разу прежде она не испортила пряжу. До того он ее напугал.

Они показали мне остальные изделия. Вышивка, полная узелков, еще один моток спутанной пряжи, шерсть, вычесанная так дурно, будто ее и вовсе не чесали, и ткацкий станок, с которого пришлось срезать основу, чтобы начать сызнава.

Я наблюдала за пряхой. Теперь ее пряжа струилась ровными нитями, как прежде, хотя руки ее слегка дрожали, но внезапно веретено выскользнуло у нее из пальцев. Я знала – она увидела в Ло-Мелхиине змею, но продолжала работать, не зная, как еще поступить. Я подхватила пряслице, чтобы пряжа не распустилась, и положила свои руки на ее. Зажегся медный огонь – ярче, чем когда я дотронулась до целителя. Пряха перестала дрожать.

– Не тревожься, – сказала я. – Теперь все будет в порядке. – Если Ло-Мелхиин придет снова, пошлите за мной кого-нибудь, и я приду помочь вам навести порядок.

Ткачиха снова громко фыркнула, и на этот раз я улыбнулась. Я протянула руку, чтобы коснуться ее плеча, но не успела я это сделать, как сгусток медного пламени метнулся от меня к ней. Глаза ее загорелись, спина выпрямилась. Ткачиха кашлянула, и я в удивлении отпрянула, но тут она вернулась к работе, как ни в чем не бывало. Теперь она ткала еще быстрее прежнего.

Я вернулась на свое место среди прях и задумалась, как мне помочь

им. Однажды я спряла видение.

Быть может, теперь мне удастся спрясть нить из медного пламени?

Моя мать и мать моей сестры раскладывали вокруг шатров диковинные пахучие соли, которые отец привозил из дальних странствий. Они не отпугивали муравьев и пчел, но отпугивали скорпионов. И змей. Ло-Мелхиин может снова прийти сюда – не в моей власти его остановить. Но, быть может, мне удастся сплести из своего медного пламени нить, которая помешает его холодному пламени снова испортить работу мастериц.

Я снова взяла свою корзинку с шерстью и достала прялку. Я начала прясть и позволила видению захватить меня, нисколько ему не противясь.

На этот раз я не полетела через пустыню, а взмыла к потолку мастерской, где горячий, пропитанный благовониями воздух ненадолго зависал, прежде чем вылететь из затянутых сетками окон. Я посмотрела вниз и увидела, как работают ткацкие станки, крутятся веретена и сверкают иглы, продевая шелковые нити сквозь ткань.

Я видела следы холодного пламени Ло-Мелхиина. Как и следовало ожидать, они скапливались вокруг самых хороших прях, самых ловких вышивальщиц и самых умелых ткачих. Что ж, какое-то представление о рукоделии он все же имел. Я набрасывала на каждый огонек свою нить, а когда он угасал, переходила к следующему. Потушив оставшиеся огоньки, я стала размышлять, как защитить всю мастерскую.

Моя мать рассыпала соли вокруг шатров, и этого было достаточно. Правда, скорпионы гораздо меньше Ло-Мелхиина, но все же с этого стоило начать. Паря под потолком, я раскладывала за собой медную нить, медленно двигаясь вдоль стен мастерской. Потом, не придумав ничего лучше, я повторила то же у самого потолка. Две линии медного пламени тянулись друг к другу, но оставались на месте. Стоило мне ослабить хватку, как линии стали расплываться. Я снова сжала руки, как если бы пыталась удержать убегающую козу, но медное пламя сопротивлялось сильнее, чем любая из коз, которых мне приходилось ловить.

Я не могла остаться под потолком мастерской навечно. Если моя первая задумка окажется неудачной, придется придумать что-то еще. Я отпустила нити. К моему удивлению и облегчению, они остались там, где я их положила. Из них стали выбиваться отдельные язычки пламени, тянувшиеся от пола к потолку, как корни дерева тянутся к воде. Они переплетались друг с другом, ослепляя меня своим сиянием. Я отвела глаза и уронила веретено. В этот момент я упала и очнулась на своем месте. Старая ткачиха трясла меня за плечи.

– Госпожа! – прошептала она, стараясь не привлечь внимания остальных. Если бы я не очнулась, она бы наверняка ущипнула меня.

– Я здесь, – сказала я. – Все готово.

– Это уж точно, – сказала она, и я глянула на свои руки.

Я пряла из некрашеной шерсти, как и все мы, но пряжа, намотанная на клубок на дне моей корзинки, была цветной. Если навещая в пустыне сестру, я сделала белую пряжу, то теперь передо мной лежала пряжа медного цвета – столь яркого, что казалось, будто в ней горит собственное пламя.

– Госпожа! – воскликнула пряха.

– Молчи, – велела старая ткачиха и оглянулась на остальных мастериц. – Вы все будете держать язык за зубами. Это останется между вами и вашими божествами.

Они пробормотали что-то в знак согласия, а я ощутила внутри себя трепет. Старая ткачиха говорила об *их* божествах, но я знала, что по крайней мере некоторые из них обращали свои молитвы ко *мне*, хотя я и сама не понимала, откуда мне это известно. Я кивнула ткачихе и предоставила им вернуться к своей работе и своим молитвам. Когда я уходила из мастерской, кровь моя бурлила.

Окунувшись в прохладу сада, я остановилась. Раньше Ло-Мелхиин довольствовался властью над мужчинами и вдохновлял лишь их творения. Теперь, похоже, он решил обратить свои усилия и на женщин касра. Дело было не в том, что он жаждал больше власти – об этом я могла судить по силе холодных огоньков в мастерской. Скорее, он забыл о том, что женщины тоже выполняют разную работу – полезную работу. Он думал, что сможет подстегнуть их, как и мужчин, и сделал это – но какой ценой! Оставалось надеяться, что он не отправится на кухню.

Главному повару чары Ло-Мелхиина шли на пользу, но среди его помощников было много женщин и детей, а мне совсем не хотелось есть подгорелый или непропеченый хлеб.

Он не прикасался ко мне вот уже пять дней. Понял ли он, что его чары делают мои сильнее? Пытался ли найти иной источник силы в надежде ослабить мои чары? Если и пытался, то его постигла неудача. Мастерица по хне и служанки, причесывавшие меня, вложили в свою работу достаточно, чтобы поддерживать мою силу. Мне не нравилась мысль о том, что его сила должна расти, чтобы росла моя. Мне не хотелось зависеть от него ни в чем, а особенно в этом. Быть может, настало время навестить мою сестру в настоящем, а не в прошлом, чтобы узнать, достигла ли она своим поклонением того, на что рассчитывала.

Я была уже на полпути к своим покоям, как вдруг мне пришло в голову, что Ло-Мелхиин мог заходить не только в мастерскую. Я создала защиту для этого места, но он наверняка отметил своими чарами и других женщин, и работа их теперь, должно быть, тоже страдает. Всякому касру нужен король, гласит поговорка. Так считают мужчины. На самом же деле король не меньше нуждается в своем касре, а в касре все должно идти гладко, как овцы к вади, – иначе стадо разбредется.

Мне нужно запастись побольше шерсти, и было бы неплохо научиться прясть, не окрашивая ее в диковинные цвета. Я решила послать за новой корзиной шерсти, а то и за несколькими, как только мне удастся остаться одной, чтобы снова окунуться в видение. Сегодня уже не выйдет. Солнце миновало свой пик, а значит, мне предстояло одеваться к ужину, а затем снова ткать в неловкой позе под пристальным взглядом змеи и провести очередную безмолвную ночь в постели с Ло-Мелхиином.

Глава 24

Той ночью я не умерла, но, проснувшись, обнаружила, что близка к тому. Я едва нашла в себе силы, чтобы сесть и выпить свой чай. Я была слаба, как новорожденный ягненок. Когда принесли завтрак, его запах заставил меня выплеснуть обратно все, что я выпила.

– Не волнуйтесь, госпожа, – утешала меня служанка, помогая мне снова улечься в постель. – Если даже пропустить один день, чай все равно будет действовать.

– Мне нехорошо, – сказала я. Мир кружился вокруг меня, и я не могла его остановить.

– Вы очень бледны, – сказала она. – Я принесу вам влажное полотенце и позову целителя, а потом скажу повару. Ему не нравится, когда нас тошнит. Он говорит, это первый знак того, что солнце печет слишком сильно.

Ее слова казались вполне разумными. Я не раз видела, как солнце валит людей с ног, если они слишком долго работали на жаре или пили мало воды. Но все же я знала, что не в этом причина моей хвори. Я не так много времени проводила на солнце. Служанка ушла прежде, чем я успела ей это объяснить, так что мне оставалось только дожидаться ее, надеясь, что моя голова не расколется до тех пор пополам.

Я задремала, и во сне мне явился лев. Он пил воду в оазисе прохладным утром. Я знала, что это оазис с карты Ло-Мелхиина. Он часами глядел на нее, просчитывая каждый шаг своей охоты. Я думала, что он размышляет, из какого поселения взять следующую невесту, но следовало сообразить раньше: ему было все равно, откуда мы родом.

В этом оазисе не было шатров, и располагался он далеко от торгового пути. Лишь безумец или обладатель самых выносливых лошадей решится заехать так далеко, в оазис на пути в никуда. Ло-Мелхиин безумцем не был, хотя в этом случае было бы легче примириться с его повадками, но скакуны у него действительно были отменные.

Приснившийся мне лев был старым. Его золотистая грива блестела на солнце. На спине и на морде были длинные царапины от когтей. Он сражался за свой оазис, отпугивая или убивая львов помоложе. Несмотря на почтенные годы, он не имел семьи, но держался за свой дом.

Ло-Мелхиин охотился на него просто ради развлечения, а ему негде было укрыться. Я видела вдали стражников и коня с пустым седлом – Ло-

Мелхиин пошел охотиться один. До встречи с демоном Ло-Мелхиин охотился только на львов, представлявших угрозу. Этот старый зверь был слишком умен, чтобы совершать набеги на людские поселения. Но стареть дальше ему уже не придется.

Ло-Мелхиин подошел к водоему, на другом берегу которого стоял лев. Старый зверь смотрел на него, понимая, что бежать нет смысла. На долю секунды я решила, что Ло-Мелхиин пощадит животное, но тут он схватил копье, и в следующее мгновение оно уже вонзилось между глаз старого льва.

Лев упал мордой в воду, окрасив ее своей кровью. Ло-Мелхиин достал нож и свистом подозвал остальных охотников. Я поняла, что он собирается содрать с животного шкуру. На это я смотреть не стану. Я почувствовала, как к горлу снова подступает рвота, хотя у меня в желудке вряд ли еще что-то осталось, а затем очнулась в своей постели. Служанка подхватила мои волосы, пока я снова опустошала желудок. На этот раз из меня вышла только вода. Повар смотрел на меня, качая головой.

– Пейте сок, госпожа, – сказал он. – Как можно больше.

– Занялся бы ты своим делом, – огрызнулся целитель.

– Я принесу сок, – сказала служанка, но повар покачал головой. Она должна была присутствовать, пока в моих покоях находились мужчины.

Целитель быстро осмотрел меня, приложив мягкую ладонь к моему лбу и легонько пощупав запястье.

– Госпожа, вы пили вино? – спросил он.

– Нет, – ответила я. Голос мой звучал хрипло. – Я пила воду и ела то, что мне подали.

– Сидели ли вы на солнце? – спросил он.

– Нет, – ответила я.

– Может, она просто устала? – предположила служанка. – Она вчера провела весь день в мастерской, и девушки говорят, что она пряла много часов без остановки.

Как только она сказала слово «пряла», мой желудок снова взбунтовался. Она поспешно подала мне миску и придержала мои волосы. Из меня уже нечему было выходить, но я все равно была благодарна за помощь.

– Быть может, это и высосало из вашего тела все соки, – рассудил целитель. Он был отчасти прав, хотя не знал истинной причины. – Сегодня вам нужно оставаться в постели и пить все, что этот хлопотун пришлет вам с кухни. И не беритесь ни за какое рукоделие.

Я кивнула, чувствуя себя совершенно разбитой, и служанка приложила

к моему лбу свежее влажное полотенце.

Это случилось из-за моего медного пламени – точнее, из-за того, что я так много пряла из него. Это оказалось для меня чересчур. Как только целитель ушел, а служанка пошла за гребенкой, я не выдержала и расплакалась. Мне удалось защитить лишь одно помещение. Я не смогу защитить остальные мастерские, если буду так уставать каждый раз.

Нежные руки расплели мои косы и принялись расчесывать мне волосы. Я старалась дышать как можно ровнее, надеясь, что смогу уснуть без сновидений. Мне не хотелось больше смотреть, как погибают львы. Даже мысль о том, что я могла бы увидеть сестру, не заставила меня пожелать увидеть сон. Мне хотелось лишь забыться.

Чей-то палец погладил меня по голове. Он был слишком большой, чтобы принадлежать служанке. Я попыталась пошевелиться, не успев подумать о последствиях, и вяло дернулась, когда Ло-Мелхиин теснее вплеп пальцы в мои волосы.

– Сегодня я охотился на льва, жена моя, – произнес он тем излишне дружелюбным тоном, который я ненавидела. У меня и без того болела голова, а его пальцы делали мне еще больнее. – Но, впрочем, тебе это известно. Я бы сказал тебе, что этот зверь похищал у бедных селян их овец и детей, но ты знаешь, что это неправда.

Я ничего не отвечала, и его хватка стала еще жестче.

– Отвечай! – приказал он.

– Я все видела, – сказала я, выплевывая слова, как змея плюется ядом. – Я видела, как ты убил старого льва, вдали от мест, где он мог бы причинить кому-то вред.

– Это хорошо, – сказал он. – Не люблю убивать без свидетелей.

Он отпустил мои волосы, но я была слишком слаба, чтобы отодвинуться от него. Сейчас ему ничего не стоило бы придушить меня, стоило лишь захотеть. Он мог бы вывесить мои волосы рядом со своей новой львиной гривой. Но вместо этого он опустил мои волосы на подушку и принялся расчесывать их.

– Твоя сестра делала это, – сказал он. – Когда вы были детьми.

– Да, – признала я. Я ненавидела говорить ему правду, но сейчас ненависть придавала мне сил. – Она бы и сейчас делала это, останься я жить в шатрах нашего отца, а я бы расчесывала волосы ей.

– Давно мы о ней не говорили, – заметил он. – Видела ли ты карты, что я сделал? На них отмечено, откуда прибыла каждая из моих жен.

– Видела, – отвечала я. – Нас было очень много.

– Много, – согласился он. – Так много, что вскоре я смогу начать

сызнава. Я не обязан соблюдать тот же порядок, знаешь ли. Я могу начать с любой деревни. Я могу вернуться за твоей сестрой.

– К тому времени она уже будет замужем, – возразила я. Я умру, но сделаю это правдой. – Наш отец везет с собой из странствий мужчину, которого она полюбит.

– Тогда кто же будет следить за могилами ваших предков? – спросил он.

Я едва расслышала его слова. Как только я начала плести свою историю, голова вновь стала раскалываться. Это было похоже на действие медного огня, только хуже.

Я была словно колодец в пустыне, из которого черпали воду множество поколений, и во мне уже не осталось ничего, кроме высохшего дна.

И тут гадюка нанесла свой удар.

Он отложил гребень и сжал обеими руками мое лицо. Он навалился на меня всем телом, хотя убежать от него сейчас мне было бы не легче, чем взлететь. Я чувствовала на себе каждую мышцу его тела. Та часть моего разума, которая не заходила в отчаянном крике, подумала: повезло ему, что я уже выплеснула все содержимое желудка, иначе оно бы оказалось у него на лице.

– Неужто ты до сих пор ничего не поняла, звезда моя? – спросил он, шипя мне на ухо. Я видела перед собой не человеческое лицо, а капюшон змеи. – Мы одной породы, ты и я. Вот почему я не могу убить тебя, вот почему ты не умираешь.

Я отказывалась ему верить. Он не был божеством, а я не была демоном. Мы не одной породы. Мы – противоположности. Ему это должно быть известно.

– Думаешь, это неправда? – продолжал он. – Думаешь, я не шепчу мужчинам слова, которые претворяются в жизнь, как те, что ты нашептываешь женщинам? Думаешь, я не смогу проникнуть в твою душу так же легко, как ты проникаешь в душу своей сестры, подчиняя ее своей воле?

Нет! Мои чары работали совсем не так. Я трудилась и творила. Он же породил творенья там, где их не желали, и ускорял работу мастеров настолько, что они теряли голову. Быть может, я и впрямь изменила ход жизни своей сестры, но я не похищала чужих душ.

– Ты не веришь мне, но я докажу тебе свою правоту, – сказал он. Он скатился с меня, и наконец освободил от своего веса, но не отпустил мои руки, так что облегчение было лишь мимолетным – Ло-Мелхиин потянул

меня за руки, заставив меня сесть рядом с ним. Голову пронзала боль, в желудке бурлило, но он не останавливался. Он призвал свое холодное пламя, и я отпрянула, ожидая, что оно причинит мне еще больше боли.

Но вместо этого в голове у меня просветлело. Казалось, будто мне в горло влили живительную влагу и омыли все тело прохладной водой. Желудок успокоился, и боль отступила. Я в ужасе смотрела, как холодное пламя лижет мне руки, словно огонь, пожирающий хворост в костре, доставая мне до локтей и возвращаясь обратно в руки Ло-Мелхиина.

Затем между нами заструилось медное пламя, и мое дыхание выровнялось. Я была деревом, простирающим свои корни к вади в половодье. Я пыталась найти источник воды, отыскать путь к своей сестре. Но казалось, будто каждое вади в пустыне старается напоить меня. Мне хотелось все больше и больше воды, а Ло-Мелхиин давал мне сил, чтобы напиться. Сейчас во мне было больше огня, чем когда я пряла медные нити в мастерской. Этого хватило бы, чтобы защитить весь каср, да еще осталось бы на будущее. Я подумала о своей сестре и о муже, которого я ей напорочила. Теперь я была уверена, что он придет к ней. Я знала это так же точно, как то, что завтра взойдет солнце.

Ло-Мелхиин вонзил ногти в мою кожу, оставив на ней маленькие кровавые полумесяцы. Эта новая боль пробудила меня от глупых снов о пустыне. Теперь он уже не мог сдержать свою змеиную улыбку, глядя на меня как на любимую безделушку, с которой он волен делать, что пожелает.

Но я не стану его игрушкой, поклялась я. Никогда.

– Что ж, любовь моя, – произнес он, подавая мне чашу с соком. – Похоже, мы будем нужны друг другу еще какое-то время.

Глава 25

Очистив мой разум своим холодным огнем, Ло-Мелхиин оставил меня, и я наконец смогла выйти на улицу. Было уже за полдень, а я боялась встретить кого-то, кто мог бы догадаться, что я натворила, так что я решила не ходить дальше сада с фонтаном. Журчание воды сегодня меня не успокаивало. Наоборот, оно напоминало, что я не в пустыне, ибо подобная вещь могла существовать лишь во владениях Ло-Мелхиина, благодаря его чарам. Фонтан пел свои песни, даже если никто на него не смотрел, но он принадлежал ему. Как и я.

Я отправилась в купальню. В это время дня там была лишь одна служанка, да и та дремала подле корзины с углем, готовая в любой момент разжечь огонь, если понадобится горячая вода. Я не стала ее будить. Я прошла в комнату, наполненную горячим паром, скинула сорочку и поднялась по ступеням на скамью. Горячий воздух здесь был не иссушающим, как в пустыне, но влажным, будто суп или кровь. От него мне вновь стало нехорошо.

Я соскользнула со скамьи, решив глотнуть прохладного воздуха у двери. Кожа моя была липкой от пота, а ноги с трудом держали меня, но я кое-как спустилась по ступеням, жадно втягивая остывающий воздух. Прибежала служанка, разбуженная моими неловкими движениями. Она помогла мне погрузиться в горячий бассейн и принесла мне чашку прохладного гибискусового чая.

– Госпожа, в парной нужно быть осторожнее, – сказала она. – В следующий раз стойте поближе к двери.

Я кивнула, сомневаясь, захочу ли когда-нибудь вернуться в парную. Вода, в которой я сидела, была горячей, словно в котле, и мне этого хватало. Решив, что я довольно распарилась, служанка отвела меня к бассейну с прохладной водой, положив на край мыло и мягкую щетку.

– Я хочу щетку жестче, – попросила я.

Она окинула меня тем взглядом, каким пряха оценивает шерсть, а повар отмеряет муку.

– Но госпожа, вам это не нужно, – возразила она. – Ваша кожа и без того...

Я подняла руку, и она замолчала.

– Знаю, – сказала я. – Вы приложили достаточно усилий, чтобы превратить мою деревенскую шкуру в нежную кожу городской девушки. –

Она залилась румянцем, а я продолжала: – Но я хочу щетку пожестче.

Она кивнула и ушла за новой щеткой. Она была права. Мне это было не нужно. Моя кожа утратила грубость пустыни, даже на ладонях, которым всегда приходилось тяжелее всего. Но я все еще ощущала на себе прикосновения Ло-Мелхиина, его холодный огонь, охвативший мои руки по локоть, и, что ужасней всего, вес его тела на своем. Я хотела от этого избавиться.

Служанка вернулась с другой щеткой, и я намылила ее. Я начала тереть себя щеткой с неистовством песчаной бури – нет, скорее той бури, что закаляла верблюжьи кости, – нажимая как можно сильнее и безжалостно растирая поверхность кожи. Мне было мало смыть с себя Ло-Мелхиина. Я хотела смыть из своей памяти весь каср, весь этот город.

– Госпожа! – воскликнула служанка, вернувшаяся со свежей сорочкой. Не думая о собственной одежде, она кинулась в бассейн и стала отбирать у меня щетку. Я сопротивлялась. Девушка, пасшая овец и бегавшая по пустыне наперегонки с сестрой, могла бы одолеть ее, но я теперь была горожанкой, нежной и облаченной в шелка с головы до ног. Где мне тягаться с девушкой, таскавшей уголь.

Она отбросила щетку подальше, чтобы я не смогла до нее дотянуться, и осмотрела мои руки, спину и живот. Там остались царапины, но крови не было. До ног я добраться не успела.

– Больше никаких щеток сегодня, – строго сказала она и вытащила меня из воды. Я не стала противиться.

Она подвела меня к каменной платформе и заставила лечь на нее. Я ожидала, что камень окажется прохладным, но видимо, огонь, гревший воду, нагревал и его. Камень источал жар, согревавший меня изнутри, чего не удалось сделать ни пару, ни воде. Служанка достала мягкую щетку и мыло, пахнувшее лавандой, и принялась мыть меня, как дитя. Она смывала мыло, поливая меня водой, а закончив со спиной, вымыла меня спереди, целиком, с ног до головы, – и только потом снова отправила меня в бассейн. Хоть мне и не хотелось этого признавать, я почувствовала себя лучше.

– Так вы купаете хворых и старых, когда они приходят сюда? – спросила я, лениво водя руками по воде и откинувшись на влажный край бассейна.

– Нет, госпожа, – ответила она и взялась за гребенку, усевшись позади меня, чтобы расчесать мне волосы. – Так мы купали бы королеву, если бы она нам позволяла.

Раньше меня купали только в бассейне. Попытайся они проделать

нечто подобное, я бы действительно им не позволила. Я запрокинула голову, чтобы посмотреть на служанку, расчесывавшую мне волосы. Девушка улыбалась.

– Мне понравилось, – сказала я. – Спасибо.

– Только обязательно поешьте, – посоветовала она, – а не то вам снова станет плохо.

Она уложила мои волосы в простой пучок, извинившись за то, что не умела делать более изысканные прически, и помогла мне вытереться и одеться. Я снова пошла в сад и сидела в тени, пока солнце не скрылось за стенами касра. Тогда за мной пришла мастерица по хне и потащила меня назад в купальню.

– Госпожа, нужно спешить, – сказала она. – Хорошо, что вы уже искупались, потому что теперь на это нет времени.

– Что случилось? – спросила я, позволив ей усадить меня и наблюдая, как она зажигает лампы и раскладывает свои инструменты на подстилке.

– Приехал караван и попросил Ло-Мелхиина принять его, – объяснила она. – Он дал свое согласие и сказал, что вы должны присутствовать.

Я должна играть роль королевы – вот что он имел в виду. Но я сегодня и так слишком много тревожилась из-за Ло-Мелхиина. Больше я этого делать не стану, разве что он даст мне весомый повод.

Мастерица поспешно рисовала. Сейчас она наносила рисунки только на те места, которые будут видны, и не рисовала тайных знаков там, где мое тело будет скрыто одеждой. Хотя она торопилась, работа ее была аккуратной. Каждый мазок ложился на свое место. Как только она закончила, меня окружили служанки, отвечавшие за платье и прическу. Казалось, будто я стою посреди стада, держа в руке лизунец, а козы наконец заметили его.

За работой они не болтали, и в их прикосновениях не было той успокаивающей нежности, которую я успела полюбить, но они действовали ловко и быстро, так что вскоре я уже была одета, причесана и готова идти навстречу всему, что меня ожидало.

На меня надели туфли из такой тонкой материи, будто ее сплел шелкопряд. Мастерица по хне поцеловала меня между бровей – в единственное место, не скрытое покрывалом.

– Вы готовы, – сказала она. – Сидите смирно. Глядя на вас, все будут видеть лишь покрывало, даже король. Слушайте внимательно и помните, что они не увидят, улыбаетесь вы или хмуритесь. Главное – молчать, и тогда никто не узнает ваших мыслей.

Разумеется, она была права, и я заставила себя расслабиться.

Покрывало на мне было плотнее тех, что я обычно носила, когда Ло-Мелхиин приходил ко мне в покои. Те были лишь легкой дымкой, которая не должна была ничего скрывать. Сейчас же я оказалась скрыта от чужих глаз. Гости могут часами смотреть на меня, дивясь на великолепную алую ткань моей дишдаши и золотую вышивку на подоле и воротнике, но никто не узнает, что у меня на душе.

Служанка отвела меня в зал, где Ло-Мелхиин давал аудиенции. Он делал это нечасто, предпочитая встречаться с просителями в неофициальной обстановке. Я понимала, почему он так делает.

Ему ни к чему было вызывать трепет у своих подданных – они и так боялись его. Но ему нужно было касаться их, чтобы навести на них свои чары, а это было бы затруднительно в приемном зале.

Похоже, те, кто пришел к нему сегодня, были не из городских жителей.

Ло-Мелхиин стоял в дверях, ожидая меня. На нем была золотистая туника, расшитая красной нитью, и красные шаровары. Мы будем казаться идеальной парой, напоминая всем, кто на нас смотрит, что и золота, и крови на руках Ло-Мелхиина было в избытке.

– Звезда моя, от твоей красоты захватывает дух, – промолвил он, протянув мне руку. Я взялась за нее. – Пойдем, посмотришь, каково это быть королевой.

Он провел меня в просторный, ярко освещенный зал, которого я еще не видела во время своих блужданий по касру. Там горели сотни ламп – некоторые свисали с высокого потолка, некоторые стояли на столах и висели на колоннах, мерцая чистым и ярким светом. Стены были украшены геометрическими узорами из тысяч кусочков стекла, каждый не больше моего ногтя. Пол был из белого камня, отполированного до блеска, и устлан коврами из лучших шелков. По ним было жалко ступать.

Ло-Мелхиин подвел меня к возвышению, на котором лежала большая подушка. Он усадил меня на край подушки, и появившаяся из ниоткуда служанка помогла мне аккуратно разложить юбку и проверила, хорошо ли держится мое покрывало. После этого он уселся рядом со мной и кивнул слуге, стоявшему возле возвышения. У того в руках был большой деревянный посох – больше пастушьих. По сигналу Ло-Мелхиина слуга трижды с равными промежутками ударил посохом в пол.

В дальнем конце зала распахнулись огромные двери. За ними стояли шестеро мужчин. Увидев, что путь свободен, они медленно вошли в зал. С такого расстояния, да еще через покрывало, мне было плохо их видно, но я сразу поняла, что они не из города. Их накидки было того цвета, какой носили торговцы, ездившие через пустыню с караванами.

Торговцы нередко бывали в городе. Причесывая меня, служанки часто говорили о рынках и базарах. Но они не упоминали, что некоторые купцы приходят в каср, и уж точно они не говорили, чтобы кто-то из них достаивался личного приема у Ло-Мелхиина.

Подумав об этом, я взглянула в его сторону. Как и наказала мастерица по хне, я сидела смирно, не меняя положения, а просто скосила глаза под покрывалом. На лице Ло-Мелхиина вновь заиграла змеиная улыбка, хотя ее смягчало нечто, чего я не узнавала. Возможно, он не мог показывать всю свою жестокость, беседуя с мужчинами, приносившими богатство его землям. Возможно, темный уголок его души был сильнее в этом зале, где ему полагалось служить своему народу.

Когда я снова посмотрела на торговцев, они стояли на коленях, склонив головы к нашим ногам. Мое внимание снова привлекли их накидки. Теперь, когда они подошли достаточно близко, я поняла, что узоры на подолах мне знакомы, хотя они были вышиты пурпурной нитью, которая считалась слишком драгоценной для странствий по пустыне.

– Приветствую тебя, мастер каравана, – сказал Ло-Мелхиин. – Приветствую и твоих сыновей.

Они подняли лица, и я обнаружила, что смотрю в глаза отца и братьев.

VI

Когда мое племя только начало похищать людей, выволакивая ткачей из постелей, а кузнецов – из кузниц, я был еще совсем юн и удивлялся, почему это дается нам так легко. Старшие говорили мне, что мужчины слабы и не могут противиться нам. Они живут лишь для того, чтобы служить.

Но я не был в этом столь уверен.

Мой первый ткач был очень стар и не кричал, когда я забрал его у жены. Я поместил перед его глазами ее портрет, на котором она была моложе и красивее, и он радостно ткал, не прерываясь ни на еду, ни на питье. Под конец его пальцы кровоточили и оставляли пятна на ткани, но узор мне понравился, так что я снял его со станка, прежде чем сжечь вместе с самим ткачом.

Мой первый кузнец был стар, но все еще мог раздувать мехи и орудовать молотом. Он работал без тигля и щипцов, когда я показывал ему его сыновей, будто те еще живы. На самом же деле они погибли во время песчаной бури, оставив отца доживать свой век и трудиться в одиночестве. К концу работы у него не осталось рук вовсе, но я получил дивное золото.

Мой первый стеклодел ослепил себя огнем, на котором глазировал свои изделия. Мой первый прядильщик использовал кости собственных пальцев вместо веретена.

Все они сдавались мне без борьбы, когда думали, что я могу дать им то, что им нужно.

Ло-Мелхиин стал для меня первой сложной задачей. С ним я впервые понял, что был прав, а наши старейшины ошибались. Он не хотел служить мне, и не только потому, что уже был королем. Ло-Мелхиин сопротивлялся до тех пор, пока я не показал ему его мать, издыхающую на горячем песке. Именно эта картина, мысль о ее смерти, ослабила его настолько, чтобы я смог им завладеть, а уж потом запереть его внутри собственного разума было делом времени.

С тех пор править руками и голосом Ло-Мелхиина стало легко. Купцы из кожи вон лезли, чтобы угодить мне, и я щедро награждал их. Мастера творили великолепные вещи, и я знал, что причина тому – мое покровительство. Моя армия была непобедима, моя казна полна, а если бы мне было дело до того, с кем делить ложе, то и там я получил бы все, чего

пожелаю.

Но все эти люди служили не мне, и я не мог этого забыть. Они считали, что служат Ло-Мелхиину.

Мысль об этом досаждала мне. От человека, которым я завладел в пустыне, почти ничего не осталось, кроме кричащего призрака, чей голос доставлял мне удовольствие, но все-таки жители земель, которыми я правил, слагали легенды о его могуществе и мудрости. Я сделал свое дело слишком хорошо, завладев им столь искусно, что никто и не догадался об этом. Мои собратья, довольствовавшиеся житьем в пустыне и редкими вылазками за мастерами, не ведали о моих достижениях, а у меня не было ничего, кроме чужих рук и чужого имени.

Но она знала – девчонка, которую я подобрал в пустыне и сделал своей женой. Та, что не умирала. Она знала, что во мне есть больше, чем кажется. Это мне тоже досаждало – зная, кто я такой, она все же смиренно сидела подле меня со своим рукоделием, не содрогаясь под моим взглядом. Она спала со мной рядом по ночам, не страшась, что я убью ее. Мне почти хотелось сделать это ей назло, но тогда мне снова пришлось бы остаться наедине со своей тайной.

Я пошел к женищинам в мастерскую, но они не сотворили красивых вещей под моим влиянием. Их пряжа путалась, а вышивка портила шелка. Она провела с ними слишком много времени, да, впрочем, они и с самого начала принадлежали к ее миру – миру женищин. Я совершил ошибку и не собирался повторять ее.

Сначала я поступал так же, как и все мои собратья, – брал мастеров по одному, похищая их искусство, их руки и их кровь. Но потом я завладел королем, и его королевство само упало к моим ногам. Вот как надо действовать отныне! Нужно начать с нее, а когда она станет моей, женищины придут вместе с нею.

Она будет сопротивляться – я чуял это кожей Ло-Мелхиина. Это давало ему надежду, что меня безмерно забавляло. Он знал, что девчонка будет отвергать меня, и это приносило ему радость. При виде ее родных он обрадовался едва ли не больше, чем она сама. Но скоро я снова сокрушу его надежды. Однако сначала надо завладеть ею, а бороться с ней изнутри я не мог.

Нужно сделать то, что всегда делали мои собратья, сами того не сознавая. Мужчины покорялись нам не потому, что жаждали служить нам. Они готовы были идти в огонь ради нас, потому что мы предлагали им то, чего они желали. Молодую жену. Воссоединение с семьей. Богатство. Почести. Славу. Этим мы манили мужчин.

И тем же я постараюсь заманить и ее. Я дам ей выбор, в котором не будет выбора, – что бы она ни выбрала, она станет моей, а с ней и весь ее мир. Она не сгорит, как прочие, и не будет служить мне. Я звал ее низкородной, но она оказалась выше своих жалких собратьев. Хватит убивать девиц одну за другой. Эта станет моей королевой.

Глава 26

Я порадовалась, что на мне плотное покрывало, а еще больше – тому, что мастерица по хне напомнила мне: если я буду молчать, никто не узнает, что у меня на сердце. Я прикусила язык, чтобы сдержать радостный возглас. Конечно, я скучала по сестре, по матери и по матери сестры, но лишь увидев отца и братьев, я поняла, как сильно скучала и по ним. Отец всегда был внимателен к нам с тех самых пор, как брата моей сестры унес потоп, и даже насмешки братьев я теперь вспоминала с нежностью, поскольку они напоминали мне о доме. Увидев их, стоящих на коленях перед нами, я преисполнилась и радости, и страха. Мысль о том, что Ло-Мелхиин может сделать с моей семьей, леденила мне кровь.

– О, повелитель, – произнес мой отец. Его голос был спокоен, как легкий ветерок над пустыней, и я снова прикусила язык, чтобы сдержать слезы, застилавшие мне глаза. – Скромный торговец благодарит вас за прием, оказанный ему и его сыновьям.

– Почтенный мастер каравана, – ответил Ло-Мелхиин. Голос его был громким и холодным. – Как мог я отказать тебе, из всех своих подданных? Подойди же ближе, отец души моей.

Отец мгновение поколебался, как опытный путешественник, готовящийся сойти со знакомой дороги на неведомую, и шагнул ближе. Ло-Мелхиин положил руку мне на плечо, беседуя с моим отцом, и я не отпрянула. Я смотрела на отца и жалела, что он не видит моих глаз, которые успокоили бы его.

– Так, значит, это правда, – прошептал он, подойдя ближе. Он говорил как человек, которому повторяли нечто множество раз, но он не верил, пока не увидел все собственными глазами. Пока не увидел меня. Он обращался не к Ло-Мелхиину, хоть тот и слышал его слова. Он обращался к своему божеству. – Моя дочь еще жива.

– Это правда, отец души моей, – сказал Ло-Мелхиин. – Твоя дочь – моя королева.

Отец снова опустился на колени. Казалось, ноги несли его так долго, что больше не могли держать его ни секунды. Теперь он сидел прямо рядом со мной. Я безотчетно потянулась к нему. Он поймал мою руку и поцеловал ее. Я ощутила на своей ладони дорожную пыль, волоски его бороды и горячие слезы, катившиеся из его глаз.

– Подойдите ближе, братья души моей, – обратился Ло-Мелхиин к

моим братьям, все еще стоявшим на коленях на том же месте.

Они поднялись на помост и склонились рядом с отцом, по очереди приложившись к моей руке. Они не плакали, но их нежные рукопожатия были полны любви. Я отчаянно надеялась, что нам удастся поговорить, о чем бы ни пришел просить мой отец. Быть может, он просто хотел увидеть своими глазами, что я жива. Быть может, было что-то еще. Если они с Ло-Мелхиинном удалятся, чтобы побеседовать, я смогу остаться с братьями и расспросить их о сестре, о матери и об остальных жителях наших шатров.

– Чаю! – приказал Ло-Мелхиин, и я увидела, как служанка, поправлявшая мое покрывало, поспешила выполнить его распоряжение. – И принесите еды. Мои дорогие гости пересекли пустыню под палящим солнцем, чтобы увидеть нас. Мы должны оказать им лучший прием.

Принесли подушки и низкий столик, на который поставили чаши и хлеб. Каждому из моих братьев подали свою бутылку масла и свою миску маслин. Раньше они всегда ели из общей посуды.

– Отец души моей, – молвил Ло-Мелхиин, когда чай достаточно остыл, чтобы можно было его пить, а мой отец съел четыре маслины, аккуратно складывая косточки в пиалу. – Мне доставляет огромную радость видеть вас, и я уверен, что моя жена разделяет мои чувства, но я должен спросить: зачем вы приехали к нам?

Он был сама учтивость, мой муж. Змеиная улыбка исчезла. Теперь он напоминал льва, осматривающего свою стаю, будто ему принадлежит вся пустыня и он может позволить себе любую щедрость. Он говорил с моим отцом так, будто приходил в его шатры просить моей руки, будто они торговались о приданом и пили мед на нашей свадьбе. Мой отец был слишком умелым торговцем, чтобы выказать тревогу, но глаза выдавали его.

– Я пришел просить вас о милости, господин, – сказал отец. Голос его был по-прежнему тих и безмятежен, лишь с легким намеком на надвигающуюся бурю.

– Проси же, отец души моей, – сказал Ло-Мелхиин. – Если это в моей власти, а в моей власти многое, ты получишь то, о чем просишь. Я сделал бы это для любого купца своих земель, который тяжело трудится ради своих близких, а для тебя тем более, ведь это твоя дочь сидит рядом со мной.

Отец склонил голову, благодаря за теплые слова, и отпил чаю. Я увидела, как он делал так, обучая моих братьев торговому ремеслу, но сейчас мне не понравилось его поведение. Мне не хотелось думать, каким товаром отец мог заинтересовать Ло-Мелхиина.

– Как тебе известно, повелитель, – начал отец, – у меня две дочери.

Одна сидит подле тебя, а вторая все еще живет в шатре своей матери, хотя ей предстоит покинуть его еще до того, как луна войдет в полную силу.

Я затаила дыхание. Моя сестра обучалась жреческим обрядам у наших матерей. Теперь отец не позволил бы ей выйти замуж и уйти в шатры своего мужа – иначе некому будет чтить могилы наших предков.

– Моя супруга, звезда моего неба, много рассказывала мне о своей сестре, – сказал Ло-Мелхиин, положив руку мне на плечо.

Самый старший из моих братьев обхватил рукой самого младшего и сдерживал его, будто козу, собравшуюся сбежать. Я улыбнулась под покрывалом, зная, что никто не увидит мою улыбку. Моим братьям не нравилось, как ведет себя со мной Ло-Мелхиин, но по крайней мере некоторые из них были достаточно мудры, чтобы скрыть это и сдерживать тех, кто готов был возмутиться.

– Она очень красива, – сказал мой отец Ло-Мелхиину. – Ее мать и мать ее сестры обучили ее жреческим обрядам, и потому я не ждал, что она выйдет замуж и покинет могилы наших предков.

– Но все же ты говоришь, что она больше не будет жить в шатре своей матери, – заметил Ло-Мелхиин.

Я бы вскрикнула, если бы не боялась нарушить молчание, хранившее мои чувства втайне от всех. Придворная манера беседы сводила меня с ума, а в сочетании с обычаями торговцев она была и вовсе невыносима. Речь ведь шла о моей сестре, а не о погоде или верблюдах. Мне хотелось узнать все поскорей, а не ждать, пока они покончат со своими любезностями. Старший из моих братьев, должно быть, увидел, что я заметила его движение, и пристально посмотрел на меня, будто мог разглядеть мое лицо. Он незаметно подмигнул мне. Я сделала глубокий вдох и заставила себя сидеть смирно.

– Так и есть, мой господин, – сказал отец Ло-Мелхиину. – Мы с сыновьями посетили далекие земли во время нашего последнего странствия. Мы отправились на север, миновав песчаную пустыню и кустарниковую пустыню, ибо узнали, что там, у подножия гор, есть торговое поселение.

– Я тоже слышал об этом, – сказал Ло-Мелхиин. Рука его крепче стиснула мое плечо. Интересно, скажет ли он им, откуда об этом узнал.

– Мы хорошо поторговали там, – продолжал мой отец, – и встретили путника, который захотел поехать с нами. У него были свои запасы пищи и воды, так что я не отказал ему.

Он лгал. Я видела это по его глазам и по тому, как заерзали мои братья. Заметил ли это Ло-Мелхиин, я не знала. Может, у путника и были свои

запасы, но мой отец согласился взять его с собой не поэтому.

– Когда мы добрались до нашей деревни, путник повстречал мою вторую дочь, – сказал отец. – Я не поэт, чтобы толковать о любви цветистыми речами, но даже я увидел, как в глазах моей дочери зажглось солнце при виде него и как поступь ее стала легче, когда она пошла ему навстречу.

– Отец души моей, – молвил Ло-Мелхиин с теплотой, какая появлялась в его голосе, когда он говорил со своей матерью. – Любовь любого из нас сделает поэтом.

– Они поженятся, – продолжил отец, – и разобьют свой шатер подле моего, и будут растить своих детей у моего вади. Моя вторая дочь сможет по-прежнему чтить могилы наших предков, но ей не придется провести свою жизнь в одиночестве.

На мои глаза снова навернулись слезы, и на этот раз я не пыталась их сдержать. Никто не упрекнет меня, если я заплачу от радости за свою сестру, ведь я была уверена, что в ее жизни уже не будет ничего, кроме заботы о наших предках. Теперь же у нее будет семья.

– Отец души моей, какая прекрасная весть, – сказал Ло-Мелхиин. – Но ты так и не сказал, о какой милости пришел меня просить.

– Повелитель, – произнес отец, – вам известно, как опасна жизнь в пустыне и как тяжело мне приходилось трудиться, чтобы добиться всего, что я имею. Умоляю вас, разрешите мне отвезти вашу жену на свадьбу ее сестры и привезти ее назад после празднества.

У меня перехватило дыхание. Ло-Мелхиин ни за что этого не позволит. Он не мог быть уверен, что я вернусь. Они могут сказать ему, что меня одолела смертельная хворь, укусила змея или сгубил пожар. Они смогут прятать меня вечно.

– Отец души моей, ты ведь понимаешь, сколь велика твоя просьба, – сказал Ло-Мелхиин. Его пальцы больно впились в мою руку. – Я должен заботиться о безопасности своей супруги, звезды моего неба. Мне известно, как сильно она любит сестру, но опасность слишком велика.

– Мы готовы пойти на любые предосторожности, – сказал мой отец. – Я привез с собой для нее самого лучшего и смиренного из моих верблюдов. Это животное ни разу меня не подводило – не оступалось, не отбивалось от каравана. Братья будут охранять ее, а я готов поклясться жизнью, если прикажете.

Я чуть не рассмеялась. Я уже однажды пересекла пустыню на лошади, не вооруженная ничем, кроме собственной решимости и щепотки соли, а они говорили обо мне так, будто я хрупка, как пресноводный цветок в

разгар засухи. Я бы прошла пустыню пешком, проползла бы на коленях, лишь бы снова увидеть сестру.

– Отец души моей, твои слова тронули меня, – сказал Ло-Мелхиин. – Ты оставил торговлю, чтобы приехать ко мне, и сделал все возможные приготовления на случай, если я исполню твою просьбу. Прошу тебя, дай мне час на то, чтобы побеседовать с супругой и поразмыслить, как обеспечить ее безопасность.

– Как пожелаете, повелитель, – ответил отец и низко поклонился.

Ло-Мелхиин хлопнул в ладоши. Прибежали слуги в туниках и шароварах из той же белой ткани, как платья моих служанок.

– Это отец и братья души моей, – объяснил Ло-Мелхиин, широким жестом указывая на мою семью. – Они приехали издалека, чтобы повидаться со мной и моей супругой, которая озаряет своей улыбкой каждый мой день, как солнце озаряет небо над пустыней. Отведите их в гостевые сады и позаботьтесь, чтобы они в ни в чем не нуждались. Боюсь, их дорожная одежда окажется слишком плотной для наших садов. Отведите их в купальни и дайте им одежды полегче, чтобы они смогли сполна насладиться всеми прелестями касра, пока гостят у нас.

Слуги низко поклонились и замерли, ожидая, пока мой отец и братья встанут со своих мест. Я снова склонилась к отцу, и он вновь поцеловал мне руки. На этот раз я не ощутила на своих ладонях слез, лишь крепкое рукопожатие. Как только они оставили нас, Ло-Мелхиин сорвал с меня покрывало.

Глава 27

– Что ж, звезда моего неба, – промолвил он, – будешь ли ты умолять меня?

Я бы бросилась к его ногам и пообещала ему что угодно, но была уверена, что мне не придется этого делать. По какой-то причине он хотел, чтобы я поехала, – иначе он не был бы так учтив с моим отцом. Возможно, он считал, что я не понимаю этого. Возможно, он забыл, что я дочь опытного торговца, хотя сам только что проводил моего отца. Мне показалось странным, что я так хорошо знаю Ло-Мелхиина.

– Нет, – ответила я. – Если б ты хотел, чтобы я молила и рыдала у твоих ног, ты нашел бы способ получше.

Он засмеялся, сверкнув зубами.

– Да, жена моя, нашел бы.

Он передал мне покрывало, и я поспешила снова надеть его. Холодные пальцы коснулись моих и взяли работу на себя. Служанка так и не покидала нас.

– Разумеется, моя мать поедет с тобой, – сказал Ло-Мелхиин, будто служанки не было рядом. – Она не бывала за пределами касра с тех пор, как излечилась от своей болезни. Полагаю, путешествие пойдет ей на пользу.

– И она позаботится, чтобы я непременно вернулась, – добавила я.

– Нет, звезда моя, – возразил он. – У меня есть более действенный способ сделать так, чтобы ты вернулась.

Я подумала было, что он собирается оставить во дворце одного из моих братьев, но потом увидела ответ. Разумеется, я вернусь. Если я оставлю его, он женится вновь, его невеста умрет, и он станет еще на шаг ближе к тому, чтобы вычеркнуть каждую деревню на своей карте, а потом начать сызнова. Моя сестра выйдет замуж и будет в безопасности, а я буду скрываться, но мы не сможем спрятать от него каждую девушку брачного возраста.

– Пойди сообщи новость своим братьям, любовь моя, – сказал он. – А я велю собрать вещи для тебя и моей матери.

– Поедешь ли ты с нами? – спросила я.

Если он поедет, это будет ужасно. Я сомневалась, что мой старший брат сможет долго сдерживать младших, и ни одно создание, что ползает по пустыне или летает над ней, не в силах будет остановить мою сестру, если я вернусь к ней. Если же он не поедет, я могу снова утратить свою силу и

заболеть, и некому будет меня излечить.

– Увы, любовь моя, я не могу, – лукаво улыбнулся он. – Хотя я бы с удовольствием посмотрел, как твои братья прикусывают языки, силясь держать себя в руках. Но у меня слишком много дел здесь.

Он оставил меня, и я встала, чтобы пойти в свои покои. Я не стану встречаться с отцом и братьями в таком виде. Это было бы чересчур для всех нас. Надо хотя бы сменить покрывало на более тонкое. Они проделали такой путь и должны видеть мое лицо. Я заблудилась в незнакомых коридорах, но в конце концов забрела на кухню, а оттуда я знала дорогу к себе.

– Госпожа, – окликнул меня один из поваров. – Не хотите ли взять кувшин меда для своей сестры?

Меня всегда поражало, с какой скоростью здесь разлетаются вести. Похоже, быстрее ветра. Я сказала повару, что с радостью возьму с собой мед, которым он по праву гордился, и он послал слугу отнести кувшин служанкам, уже собиравшим мои вещи в дорогу.

Наконец я дошла до своих покоев и быстро переоделась. На платье, несмотря на все его великолепие, не было тесемок. Его главной красой была вышивка, сиявшая золотом на свету. Я сняла платье и кожаные штаны, оставшись в одной сорочке. Интересно, какую дишдашу они приготовят мне для свадьбы сестры? Нельзя, чтобы она была чересчур нарядной. Я не должна затмить сестру в день ее свадьбы. Надеюсь, служанки не забудут об этом.

Я нашла простое платье из синего льна без всякой вышивки и накинула его поверх сорочки. Это платье закрывало ноги целиком и не требовало штанов. Я выбрала туфли, достаточно крепкие, чтобы гулять по саду, и отправилась на поиски отца.

Когда я нашла их, они уже вышли из купален и сидели в тени за нардами, хотя никто из них не играл.

– Сестра! – воскликнул младший из моих братьев, увидев меня. Он подбежал ко мне, подхватил меня на руки и закружил по саду, целуя в щеки и в нос.

Моя левая туфля улетела в кусты.

Остальные братья окружили меня равной нежностью, но хотя бы позволили мне при этом остаться на земле. Младший из братьев принес мне слетевшую туфлю, и я оперлась о его плечо, пока надевала ее. Затем я подошла к отцу, который все еще стоял в тени, и поклонилась ему.

– Отец, – сказала я. – Спасибо, что вы приехали просить Ло-Мелхиина отпустить меня на свадьбу сестры. У него есть несколько условий, но

служанки уже собирают мои вещи в дорогу.

Мгновение отец ничего не говорил, и я смотрела на него. Конечно, он хотел, чтобы меня отпустили, даже если и не смел надеяться на это. Он положил ладони мне на плечи и несколько секунд держал меня на расстоянии вытянутых рук, а потом безо всякого предупреждения стиснул меня в своих объятиях так крепко, что у меня едва не треснули ребра.

– Дочь моя, – сказал он наконец. – Прости меня.

– Отец, – ответила я, – вы ничего не смогли бы поделать. Если бы вы были в деревне и стали биться с ними, они бы убили и вас, и моих братьев, но все равно забрали бы меня. Кто бы тогда заботился о моей матери, сестре и матери сестры? Кто ездил бы торговать?

– Дочь моя, – сказал он, – ты слишком мудра и добра.

– Пусть я стала королевой, но я все такая же, какой меня воспитали, – ответила я. – Я такая, какой меня вырастили в ваших шатрах.

Он отпустил меня, и братья подошли, чтобы усесться вместе с нами в тени. Они принялись рассказывать мне о человеке, за которого собиралась замуж моя сестра.

– Кожа у него бледная, как небеленая шерсть, – сказал младший из братьев. – Сквозь нее видно, как кровь течет по его жилам.

– Мой брат – глупец, – сказал старший. – Я тоже вижу свои вены сквозь кожу. Это никакое не чудо.

– Волосы у него цвета солнца, а глаза карие, как у нормальных людей, – сказал самый высокий из братьев.

– Сыновья, что вы трещите, как сороки, – укорил их мой отец, но в голосе его звучал смех. – Ваша сестра решит, что ее сестра выходит за призрака. Сказали бы просто, что кожа у него бледная, а волосы цвета лепешки с шафраном. А вот насчет глаз они правы, дочь моя. Они карие, как у нас.

– И он действительно пришел с гор? – спросила я. – Мать Ло-Мелхиина, которая должна поехать со мной, родом из великой синей пустыни. Это тоже очень далеко.

– Так и есть, – ответил старший из братьев. – Он привез с собой серебристый металл, подобного которому я ничего в своей жизни не видел.

– Не говори больше об этом здесь, – попросила я. Они удивленно глянули на меня. – Я не могу объяснить, почему. Но не говорите больше ничего об этом металле в стенах касра и в присутствии городских жителей.

– Даже с тобой, сестра? – спросил старший.

– Я не из городских жителей, – возразила я. – Пусть Ло-Мелхиин решил сделать меня королевой, но это не значит, что я стала здесь своей.

– Он называл тебя звездой своего неба, – сказал самый молчаливый из братьев. Он всегда говорил мало, отшучиваясь, что остальные говорят достаточно за всех, но если он решался что-то сказать, даже отец внимательно его слушал. Слушала и я сейчас.

– Он сделал это только для того, чтобы вы услышали, – сказала я.

– Он насмехается над нами, – возмутился младший из братьев. – И над тобой.

– Тише, – шикнули сразу трое братьев, и все на некоторое время замолчали.

В своих видениях я всегда старалась поскорее найти сестру. Возможно, стоило время от времени приглядывать и за братьями. От гнева и сознания своего бессилия они кипели, словно горшок с чечевицей на огне. Интересно, что они задумали, странствуя вдали от глаз тех, кто хотя бы знал, где находится каср Ло-Мелхиина, не говоря уже о тех, кто мог бы рассказать ему об их планах. На мгновение я увидела их в пустыне, где они торговали пряностями в мешочках из пурпурной ткани и заворачивали куски незнакомого мне металла в материю того же цвета.

Без сомнения, мои братья решили использовать свадьбу моей сестры как прикрытие, чтобы спасти меня. Я надеялась, что мой отец окажется мудрее и у него хватит решимости остановить их. Я должна вернуться к Ло-Мелхиину, иначе я никогда не наберусь сил, чтобы одолеть его. В присутствии матери Ло-Мелхиина они мало что смогут поделать, но я все равно боялась, как бы они не совершили что-нибудь безрассудное.

Я посмотрела в глаза отца и поняла, что он заметил мое беспокойство, хоть и не понимал, почему я должна вернуться. Но он боялся, что остальные жители деревни его осудят, и я надеялась, что это не даст назревавшей в его глазах буре разбушеваться в полную силу. Надеялась я и на то, что ему удастся сдержать моих братьев.

В саду появилась служанка и деликатно кашлянула. Она не стала бы подходить ближе в присутствии моих братьев, так что я сама подошла к ней. Я заметила, как ее лицо под покрывалом порозовело. Должно быть, мои братья достаточно хороши собой, чтобы привлекать внимание девушек. В конце концов, трое из них уже были женаты.

– Госпожа, – прошептала она, – ваши вещи будут готовы, как только спадет жара. Тогда же вы отправитесь в путь, если ваш отец не возражает.

– Подожди здесь, – сказала я и вернулась к отцу. – Вы успеете достаточно отдохнуть, чтобы пуститься в путь с заходом солнца? – спросила я. – А верблюды?

Отец, прищурившись, глянул на небо. Ему не нужно было сверять

время по водяным часам, даже если б он и знал, что это такое. Я тоже не завела привычки смотреть на них, хоть и прожила здесь достаточно долго. Я все еще предпочитала определять время по солнцу.

– Да, дочь моя, – ответил он. – Мы будем готовы, а верблюды найдут дорогу и под звездами.

Я вернулась к служанке и передала ей слова отца. Она поклонилась, украдкой взглянула на моих братьев и вернулась к своим обязанностям. Оглянувшись на братьев, я заметила, как они ухмыляются друг другу.

– Мне рассказать вашим женам, как вам понравился город? – улыбнулась я троим старшим. Они засмеялись и снова расцеловали меня.

Я сказала им, что встречу их у ворот, когда солнце скроется за стенами касра, и пошла в свои покои, чтобы проследить за последними приготовлениями. Я хотела убедиться, что служанки приготовили мне не слишком нарядные одежды. Оказалось, за сборами следила мастерица по хне, хоть это и не входило в ее обязанности. Она показала мне дишдашу, которую выбрала для свадьбы и танцев. Я кивнула в знак одобрения.

– Госпожа, не хотите ли вы взять одно из своих платьев, чтобы ваша сестра надела его на свадьбу? – спросила мастерица. Предложение было сделано от всего сердца, но я покачала головой.

– Нет, мастерица, – ответила я. – Она будет выходить замуж в дишдаше, которую сшила сама, как и я. Это приносит удачу. Но благодарю вас за заботу.

Она поклонилась и оставила меня выбирать обувь в дорогу. Вскоре все вещи отослали, чтобы их навьючили на верблюдов. Я вышла к воротам с матерью Ло-Мелхиина, с нетерпением ожидая возможности наконец окунуться в знакомый шепот пустыни.

Глава 28

На этот раз, когда мы ехали через город, на улицах были толпы людей, желавших взглянуть на жену Ло-Мелхиина. Мужчины во все глаза смотрели на верблюдов моего отца. Маленькие девочки махали лоскутами пурпурной материи, словно флагами. Их матери накручивали такие же лоскуты на пальцы.

Когда я проезжала мимо, они целовали лоскуты и воздевали руки к небу. Я не могла сообразить, откуда они взяли такую ткань. Пурпурная краска была самым дорогим из товаров, которыми торговал наш отец, но я видела так много пурпурной материи и в своих видениях, и наяву!

Братья были слишком заняты со своими верблюдами и не могли оглядываться на меня, как бы ни поражал их прием, оказанный мне горожанами. Ло-Мелхиин отправил моей сестре и ее жениху богатые дары, а также щедро одарил моего отца. Это была лишь малая толика того, что ему пришлось бы заплатить, если б он торговался за меня как положено, но все равно это было целое состояние: кувшины с прозрачным маслом, которое заливали в дворцовые лампы, отрезки тончайших шелков и мотки шелковых ниток, вино из виноградников, которые росли только на краю синей пустыни, а еще – львиная шкура. Я не стала рассказывать им, откуда она взялась. Все дивились великолепному меху, а мой младший брат никак не мог перестать его гладить. Я же слишком хорошо помнила, как выглядел тот лев, когда был еще жив.

Мать Ло-Мелхиина ехала рядом со мной, восседая на своем верблюде так же прямо, как и я. Над головами у нас обеих были балдахины, а лица наши были скрыты покрывалами. Она к тому же держала в руках веер – править верблюдом ей не приходилось, поскольку его вел шедший рядом мальчик. Я держала одну руку на поводьях, а вторую – на луке седла, но когда мы окажемся в пустыне, на ветру, веер мне и не понадобится. Я волновалась, что путешествие, да еще столь неожиданное, доставит неудобство матери Ло-Мелхиина, но она выглядела довольной – качаясь взад и вперед в такт поступи верблюда, она искренне улыбалась. Ло-Мелхиин поцеловал ее, прощаясь с нами, и в этот момент змеиной ухмылки на его лице не было. Мы проехали сквозь ворота, минуя ровный строй стражников в сияющих на солнце доспехах, и наконец оказались в пустыне.

Мы не поедem напрямик, как лошади Ло-Мелхиина в тот день, когда

меня привезли в каср, потому что верблюды не столь быстроходны. Их поступь размеренна и уверенна. Лошадь способна преодолевать расстояния очень быстро, но взять с собой много вещей не удастся. Верблюду потребуется больше времени, но зато на нем можно перевезти целый дом, если хорошенько попросить. Так что мы повернули к сухому руслу вади и двигались вдоль его извилин меж кустов олеандра. Запах был одурманивающий, но я знала, что не стоит наклоняться к цветам слишком близко. В них был яд, запах которого не убивал, но мог вызвать болезнь. Я повернулась, чтобы предупредить свою служанку и женщину, сопровождавшую мать Ло-Мелхиина, но они смиренно сидели на спинах верблюдов и не тянулись к цветам.

Верблюды продолжали брести по песку, а солнце скатывалось все ниже. Мой старший брат подошел к нам с водой и хлебом, сперва предложив их матери Ло-Мелхиина, как и полагалось, но мы не стали останавливаться.

– Сестра моя, – обратился он ко мне. – Мы поедем в темноте. Света звезд будет достаточно, чтобы осветить нам путь. Ты сумеешь так долго держаться в седле?

Я знала, что сумею, и он тоже это знал. Я также знала, что ему неудобно обращаться к матери Ло-Мелхиина. Хоть братьям и понравилась львиная шкура, которую Ло-Мелхиин подарил отцу, к женщине, носившей львиные гривы на голове, они относились иначе.

– Матушка души моей, – окликнула я ее, не обращая внимания на то, как мой брат поморщился при этих словах. – Не затруднит ли вас это? И не устанет ли мальчик, который ведет вашего верблюда?

По правде говоря, больше всего я беспокоилась именно за него. Сидеть на верблюде с непривычки неудобно, но это далеко не так тяжело, как идти пешком.

– Он поедет со мной, если устанет, – ответила мать Ло-Мелхиина. Мальчик удивленно взглянул на нее. – Пустыня не место, чтобы соблюдать чины. Солнцу безразлично, кого жарить своими лучами.

– Мы поедем дальше, – сказала я брату. Он кивнул и отправился предложить воды служанкам, ехавшим позади нас.

Солнце опустилось еще ниже, окрасив пустыню сперва в нежно-оранжевый цвет, а затем в глубокий красный. Оно медленно уходило за горизонт, забирая с собой все цвета, пока наконец вокруг не осталось ничего, кроме белого песка под ногами и черного неба над головой. Позади меня служанка беспокойно шевельнулась в седле. Ей не понравилась пустая темнота ночи в пустыне. Я обернулась и улыбнулась ей. Я

понимала, что она не увидит мою улыбку, но надеялась, что она услышит ее в моих словах.

– Не волнуйся, – сказала я. – Ночь в пустыне пробуждается не сразу, но зато потом ты решишь, что никогда еще не видела ничего столь прекрасного.

Луна еще не взошла, но глаза все еще были ослеплены отблесками солнца на песке. Я знала, что потребуется немного времени, чтобы это чувство прошло. Когда наконец в глазах у меня прояснилось, я подняла взгляд и не была разочарована. Все вокруг было столь же прекрасным, как я помнила.

Служанка ахнула, и я поняла, что и она это увидела. Конечно, в городе тоже были звезды. Я даже побывала на приеме, устроенном специально, чтобы любоваться звездами, и видела, как они сияют над городом. Но обычно мы не выходили по вечерам из комнат, а если и выходили, то только в сад, где небо заслоняли деревья и стены. Служанки ложились рано, чтобы встать до рассвета, а если отправлялись в город навестить родных, то там свет звезд затмевали огни факелов и ламп.

Теперь же ничего этого не было. Небо сияло над нами, усыпанное звездами, подсчитать которые не под силу и сотне Скептиков, даже если бы им отвели на это сотню лет. Это великолепие простиралось от горизонта до горизонта, словно нас накрыли огромной темной миской, которая запечатала под собой все огни мира для нас одних. Вот в чем истинная красота, подумала я. Это лучше, чем самые тонкие ткани и самая искусная вышивка, лучше любой еды и любой драгоценной керамики, в которой ее подают. Такую красоту Ло-Мелхиин не мог ни купить, ни воссоздать, ни украсть. Чарующий вид принес мне умиротворение и надежду.

Хорошо, что мне достался такой смирный верблюд, потому что, признаюсь, я совсем позабыла о том, что им надо править. Я смотрела на небо, а не на дорогу, но верблюд шагал ровно, как отец и обещал моему мужу, ни разу не оступившись, даже когда на дне вади попадались камни. Мать Ло-Мелхиина велела мальчику сесть к ней, когда он третий раз споткнулся, заглядевшись на небо. Он взобрался на верблюда позади нее, усевшись не в седло, а прямо на круп животного, и смог наконец вволю любоваться на звезды, отдав поводья ей.

Наконец я стала уж слишком сильно раскачиваться в седле, и отец остановил караван. Я слезла с верблюда и собралась было помочь остальным разбивать шатры, как делала раньше, но тут ко мне подошла служанка и принялась задавать сотни вопросов о небе. Не успела я ответить и на половину из них, как все уже было готово.

– Дочь моя, – позвал отец, и я подошла к шатру, который обычно занимал он сам. Он был просторным, поскольку остался еще с тех времен, когда наши матери странствовали с караваном.

– Спасибо, отец, – сказала я и, обернувшись, увидела, что мать Ло-Мелхиина уже стоит рядом со мной. Наши служанки стояли позади нее. Мальчонка исчез из виду.

Мы вчетвером зашли в шатер. Отец разложил внутри половики, чтобы нам не пришлось спать на песке, и придавил края шатра камнями со дна вади, чтобы никакие существа не потревожили наш сон. Пожилая служанка зажгла лампы, и мы с матерью Ло-Мелхиина уселись, ожидая, пока разложат постели.

– Твой отец – хороший человек, – сказала она. – Он заботится о своем караване и добр к старым женщинам.

– Он мудр, – ответила я. – Если он проявит доброту к матери другого мужчины, тот будет честно с ним торговать.

– Он думает, что мой сын будет честно торговать? – спросила она.

– Нет, – ответила я, на мгновение задумавшись. – Возможно, это просто привычка.

– Или же он не судит мать по делам ее сына, – предположила она.

– Это мудрое предположение, госпожа матушка, – ответила я. – Ибо он учил меня, как устроен мир, а я тоже не сужу матерей по делам их сыновей.

– И все же я полагаю, что мне понравятся твоя мать и мать твоей сестры, судя по тебе и твоим братьям, – сказала она.

– Надеюсь, что так и будет, – сказала я. – Моя мать – добрая женщина, и мать моей сестры – тоже, хотя я и не знала, как сильно она меня любит, до того самого дня, как я вышла за вашего сына вместо ее дочери.

– Тебя нетрудно полюбить, дочь души моей, – сказала она. Я удивленно взглянула на нее, но в ее лице не было лжи. – Думаю, даже мой сын любит тебя по-своему.

Я некоторое время молчала, наблюдая, как служанки разворачивают спальные принадлежности и раскладывают подушки. Ло-Мелхиин выражал свою любовь, используя и истребляя других. Это было несколько не похоже на любовь моей матери, матери моей сестры и моего отца. Пусть мы с ним работали сообща, но работа эта опасна, и я не представляла, как из нее могло бы выйти что-то хорошее.

– Едва ли из-за этого мне стоит меньше его бояться, – наконец произнесла я. – Скорей наоборот, мне стоит бояться его еще больше.

– Ты переняла мудрость своего отца, – заметила она.

– Верблюды будут готовы идти дальше через несколько часов, –

сказала я. – Не стоит нам тратить время отдыха на разговоры о том, чего мы боимся.

Она кивнула и подозвала свою служанку. Та подошла, аккуратно сняла с ее головы парик из львиных грив и почтительно положила его в углу шатра, где мы не наткнулись бы на него случайно, выходя ночью по нужде. Мать Ло-Мелхиина скинула дорожное платье, бросив его на половик, прежде чем служанка успела подхватить его. Отправляясь в постель, она не обернулась, но я успела заметить, с какой заботой старая женщина подняла и сложила платье. У матери Ло-Мелхиина были верные слуги, и это меня порадовало.

Я пошла к своей постели, позволив служанке снять с меня дорожное платье, прежде чем улечься: я не хотела насыпать слишком много песка на постель. Служанка сложила мою одежду, а рядом с ней и свою, и улеглась на соседнюю постель. Я услышала, как она бормочет молитвы, и задумалась, каким божествам молились в ее семье. Но, повернувшись на бок, чтобы спросить ее об этом, я увидела ее платье, сложенное рядом с моим. За край рукава, к которому она могла бы прижимать губы, пока ехала на верблюде, был заправлен узкий лоскут пурпурной ткани.

Я заснула, впервые за много недель не опасаясь умереть во сне.

Глава 29

Я поняла, что вижу сон, потому что там была моя сестра, и мы с ней шили новое свадебное платье. На этот раз ткань была желтой. Это простонародный цвет – не такой дорогой, как пурпурный, и не такой броский, как оранжевый, но ей он был к лицу. Материя была очень тонкой, и я видела отверстия от иглы там, где она распускала стежки, недовольная своей работой.

– Без тебя все иначе, – сказала она мне. – Стежки ложатся неровно, когда рядом нет тебя, чтобы помочь мне сосредоточиться на работе.

– Прости меня, сестра, – извинилась я. – Я не смогла придумать иного способа тебя спасти.

– Думаешь, я боялась его? – спросила она. – Думаешь, меня пугал Ломелхиин или его брачное ложе? Я знаю, что это пугало тебя. Я знаю, что это и сейчас тебя пугает.

– Ты никогда ничего не боялась, – сказала я, и мои слова сделали это правдой. – Ни львов, ни гадюк, ни скорпионов. Но это не спасло бы тебя, стань ты его женой.

– А что же спасло тебя, сестра? – спросила она. – Почему ты прожила столько дней и ночей, когда все прочие до тебя умирали?

– Если я все еще жива, сестра, – сказала я, – то только благодаря тому, что ты сделала для меня.

Пока я не сказала этого, в моем видении были только мы двое и дишдаша у нее на коленях. Теперь же я увидела алтарь, который она устроила для меня в своем шатре, ковры, на которых мы сидели, и лампу, светившую нам.

– Не забывай об этом, – напомнила она.

– Не забуду, – пообещала я. Память об этом стояла между мной и моим кошмаром. До сих пор я ничего не брала сама. Все это давалось мне в дар.

Некоторое время мы шили молча. Под нашими пальцами на подоле расцветали цветы, а по швам заструились виноградные лозы.

Моя игла была из бронзы, тускло мерцавшей в свете лампы. Игла сестры отливала серебром.

– Сестра, – обратилась я к ней. – Что бледный человек с гор пообещал нашему отцу в обмен на твою руку?

Она улыбнулась широкой улыбкой львицы, обнажив зубы и язык.

– Цена была выше, чем если бы я покинула шатры нашего отца, –

ответила она. – Я нежно люблю его, но ему нужно привыкнуть к жизни в пустыне. Он не умеет пасти ни коров, ни даже овец, если ему не помогает кто-то из твоих братьев или их детей. Он не знает, каких змей можно есть, а каких надо сжигать. Он не умеет выследить дичь. О нем надо заботиться, поэтому цена была так высока.

У меня не укладывалось в голове, как она могла полюбить такого человека. Когда мы расшивали пурпурную дишдашу своими секретами, она говорила, что хочет, чтобы ее муж был похож на нашего отца: со своим караваном, с шатрами и стадами. Положение моего отца позволяло найти такого жениха, а красота моей сестры покорила бы любое сердце. Она мечтала, чтобы у ее мужа был брат близкого возраста, за которого могла бы выйти я. Тогда мы смогли бы всегда жить в соседних шатрах. Не так долго я отсутствовала, чтобы ее мечты успели измениться столь сильно.

Моя игла замерла, а мое сердце пронзил холод. Я сказала Ло-Мелхиину, что моя сестра выйдет за торговца, которого наш отец встретил в своих странствиях. Я сказала, что он будет из далеких земель. Что он принесет с собой серебристый металл, как тот, из которого была сделана игла моей сестры. Я сотворила из своих слов живого человека и привела его к своей сестре. Я заставила ее полюбить его.

– Сестра! – вдруг окликнула она меня.

Я вскочила с места, и игла вонзилась мне в кожу. Капля крови упала на дишдашу, и я с ужасом смотрела, как алое пятно расплывается по ткани и вышивке.

– Прости меня, – взмолилась я. – Я испортила твоё платье.

– Ничего, сестра, – ответила она. – Никто и не увидит, пятно совсем маленькое. И это моя вина – не нужно было тебя пугать. Но ты не отвечала, когда я звала тебя.

– Это все из-за божества, – объяснила я. – Иногда я впадаю в забытие.

– Если это цена спасения от твоего проклятого мужа, пусть будет так, – ответила она. – Садись, мы уже почти закончили.

Мы снова принялись за шитье, и между нами повисло молчание. Я покусывала себя за щеку, чтобы снова не провалиться в транс. Сестра была не права насчет цены моего спасения. Не мне пришлось заплатить ее – во всяком случае, не так, как она представляла. Она заплатила больше меня – вся ее жизнь повернула иным путем, будто вода, наткнувшись на камень на дне вади.

Если камень достаточно велик, он может изменить течение вади. Деревня, полагавшаяся на это вади, останется без воды. Колодцы высохнут, и не останется ничего, кроме сухих кустарников для коз и овец. Люди

перенесут свои шатры в другое место, бросив своих мертвых, или останутся с ними и умрут сами. Сестра сделала из меня божество, и вот чем я ей отплатила.

Я хотела было помолиться о том, чтобы мои действия не нанесли слишком много вреда, но мне некому было молиться. Наше семейное божество ушло, уступив место новому, и дух отца отца нашего отца наконец обрел покой. Самой себе я молиться не могла, и мне не в чем было найти успокоение.

Лампа уже догорала, когда мы завязали последние узелки, и тут сестра взглянула на меня.

– Сестра моя, – сказала она. – Увидимся утром.

– Но ты видишь меня сейчас, – возразила я, не успев вспомнить, что вижу сон. Я потянулась к ней, но моя рука нашла лишь пустоту. – Сестра! – крикнула я, но она исчезла, а с нею и дишдаша, и шатер, и лампа. Я проснулась в темноте и села на постели, снова оказавшись в отцовском дорожном шатре, – на том же месте, где он был разбит с вечера.

– Госпожа, – окликнула меня женщина, сопровождавшая мать Ло-Мелхиина.

– Все в порядке, – ответила я, хотя сердце мое бешено стучало, а грудь вздымалась, силясь набрать достаточно воздуха.

– Вы со своей семьей, госпожа, – напомнила она. – Здесь вы в большей безопасности, чем за каменными стенами касра.

– Верно, – сказала я. – Я помню. Мне просто приснился сон, вот и все. Прощу вас, возвращайтесь ко сну. Простите, что потревожила вас.

– Ничего страшного, госпожа, – ответила она. – Я теперь мало сплю.

Я снова улеглась, откинув волосы с лица. Я не знала, как долго проспала. Поскольку полог шатра был прикрыт, чтобы защитить нас от ночного холода, определить время было невозможно. Я засмеялась, стараясь делать это как можно тише. Я стала так зависима от часовых свечей и водяных часов, хоть и старалась определять время по солнцу, пока жила в касре. Не видя ни часов, ни неба, я не могла понять, который час.

Я услышала, как верблюды переминаются с ноги на ногу на песке. Большинство из них спали на коленях. Раз они стоят, значит, уже достаточно отдохнули. Я потянула носом воздух, почуяв в основном запах ковров, горелого лампового масла и благовоний, которыми пахло от моих спутниц, но где-то вдалеке был и запах костра, у которого сидел дозорный. Пахло углями – нового хвороста не подбрасывали, чтобы он не горел зря, когда костер станет не нужен.

Если близился рассвет, значит, скоро мы снова отправимся в путь. Не

стоит пытаться заснуть снова.

В моем сне сестра не знала, что это я привела к ней человека, за которого она собиралась замуж. Быть может, она думала, что силы божества хватает лишь на то, чтобы защитить мою жизнь. Во сне я не заметила никакой фальши, но, быть может, когда я встречу ее наяву, она поймет, что я натворила. Я не смогла бы вынести ее гнева и ненависти, если ей придется не по нраву то, как я изменила ее жизнь. Но я знала, что заслужила и то, и другое. Если она отринет меня, я пойму.

Я ведь не просто нашла в своих видениях бледного человека и привела его к своему отцу, хотя и это само по себе большая ответственность. Но я к тому же заставила ее полюбить его, а его заставила полюбить ее в ответ. Я сказала Ло-Мелхиину, что в суженом моей сестры скрыто пламя, разжечь которое под силу лишь ей. Так что я не могла сказать, как будет гореть его пламя, раз направляла его она. Точно так же я никогда бы не догадалась, как изменит меня сама ее решение сделать из меня божество.

Мне снова захотелось помолиться, но некому было услышать мои слова. Даже если б я могла обратить их к собственному алтарю, я боялась той силы, которую они могут разжечь. Я была словно кувшин, налитый почти доверху, когда из колодца вытащили новое ведро воды. Вместо того, чтобы вылить воду в другой сосуд или обратно в колодец, ее все лили в мой кувшин. Драгоценная жидкость должна была бы перелиться через край, выплеснувшись на песок, где ее найдут измученные жаждой корни растений, но вместо этого кувшин все наполнялся и наполнялся. Я знала, что скоро лопну под давлением, но рано или поздно вода должна выплеснуться. Нельзя налить в кувшин больше, чем он вмещает.

Тот из моих братьев, кто стоял на страже, издал три длинных пронзительных свистка, а потом три коротких. Спавшая рядом со мной служанка проснулась, забыв на мгновение, где спала, а потом со вздохом вспомнила. Мать Ло-Мелхиина шевельнулась, и старая служанка пошла зажечь лампу.

– Это сигнал к пробуждению, – объяснила я. – Мы должны быть готовы, когда засвистят снова.

– Да, госпожа, – сказала моя служанка.

Она подошла к кувшину с водой и поднесла чашу мне и матери Ло-Мелхиина. К тому времени, как в шатер пришел мой отец, постели были сложены, ковры свернуты, а служанка отправилась искать клеть, куда уложить подушки, лампы и прочее содержимое шатра.

– Дочь моя, – сказал отец, – мы отправимся прежде, чем встанет солнце.

– Мы будем готовы, отец, – пообещала я.

– Примите мою хвалу, мастер каравана, – сказала мать Ло-Мелхиина моему отцу, когда он собрался было вернуться к своим делам. Он посмотрел на нее. В предрассветном сумраке ее парик отливал бледным светом. – В ваших шатрах спится не хуже, чем в любом месте, где мне доводилось ночевать, – продолжала она. – Мой сын был прав, доверив вам свою драгоценную супругу и меня.

– Благодарю вас, мать моего повелителя, – сказал отец и поклонился. – Ваши слова делают мне честь и озаряют мое сердце. Я боялся, что вы не сможете как следует отдохнуть в пустыне.

– Здесь не опасней, чем где бы то ни было, – ответила мать Ло-Мелхиина.

Отец кивнул и отправился складывать шатры. Вскоре все мы уже снова сидели на верблюдах. На сердце у меня с каждым ударом становилось то легче, то тяжелей. Мне было неведомо, что ждет меня впереди. Я знала лишь, что каждый шаг приближает меня к тому месту, где моя сестра выйдет замуж.

Глава 30

Мы доехали до той части вади, где мне был знаком каждый изгиб и каждый камень. Я знала, где берег круче и где скапливается вода. Мы проезжали мимо овец и коз, которых привели на водопой дети-пастушки. Они смотрели на нас, махали моему отцу и братьям, но с трепетом замирали при виде меня. Это меня опечалило – не так уж и долго меня не было, чтобы они успели забыть, кто учил их пасти скот. Но потом я вспомнила, кто ехал со мной рядом.

В касре мать Ло-Мелхиина со своей львиной гривой и горделивой осанкой смотрелась величаво. Но в пустыне ее вид поражал еще больше. Парик на солнце отливал золотом, будто на верблюде восседала настоящая львица, а не женщина. Мальчик, сидевший позади нее, заметил направленные на них взгляды и тоже горделиво выпрямил спину, хотя он наверняка охотней прыгнул бы с верблюда и поиграл с детьми.

То и дело кто-то из моих женатых братьев останавливал верблюда и опускал его на колени, чтобы подобрать одного из собственных детей, а потом они вместе ехали дальше. Жены моих братьев все были из разных деревень, с которыми торговал отец, и не жили в одном шатре, как моя мать и мать моей сестры, но дети их бегали по пустыне вместе, и иногда было трудно вспомнить, кто из них чей.

Вокруг оставалось еще много детей, пасших коз и овец. Я точно знала, что это не только наши стада. На многих животных было клеймо моего отца, но я насчитала еще не меньше восьми чужих стад. Похоже, свадьба моей сестры будет пышным празднеством, на которое съехались гости из всех деревень вверх и вниз по течению вади, да и со всей пустыни.

Мы проехали скалистый холм, где покоились наши предки. Я смотрела туда, в глубине души боясь увидеть ревнивое божество, обиженное на ничтожную девчонку, укравшую его силу, но то, что я увидела, едва не заставило меня дернуть поводья и остановить верблюда. Когда жители разных деревень собирались вместе, было принято, чтобы жрецы каждого клана принесли с собой камень со дна вади и оставили его на тропинке, ведущей к пещерам. Судя по клеймам на овцах, которые я насчитала по дороге, я ждала увидеть восемь или десять камней, но уж точно не больше дюжины. Но их оказалось так много, что и не сосчитать. Сотни камней – и мелкой гальки, которую под силу донести ребенку, и огромных булыжников размером с кулак моего отца – вымостили дорогу к пещерам. Только если

бы в нашу деревню съехались все мужчины, женщины и дети, которых встречал на своем веку мой отец, странствуя с караваном, можно было бы принести столько камней. Я не могла взять в толк, зачем их всех пригласили.

Мой отец был гордым человеком, но не глупцом. Он не стал бы стараться произвести на меня впечатление, сколь бы высоко я теперь ни поднялась. О том, что с нами поедет мать Ло-Мелхиина, он заранее не знал, так что не мог пытаться впечатлить и ее. Его не могло волновать, расскажу ли я Ло-Мелхиину о том, какую пышную свадьбу он устроил моей сестре, – ведь он знал, что не сможет равняться с дворцовой роскошью. У бледного человека с гор, за которого выходила сестра, никакой родни поблизости не было, равно как и никаких связей с караваном, кроме моих братьев и отца, так что с его стороны много гостей быть не могло.

Не успела я завершить свои рассуждения, как мы увидели шатры. Они тянулись в обе стороны от вади, разбитые на равном расстоянии вокруг колодцев и уборных, разнесенных подалее друг от друга, чтобы нечистоты не попадали в воду. Я увидела бесчисленные костры и дымки от сотен жарящихся козлиных туш. Куда ни глянь, повсюду сидели женщины, месившие хлеб или молотившие муку. Дети младше пастушьего возраста носили между кострами корзины с финиками и инжиром. Мужчины резали коров и строили загоны для животных, которых привезли с собой гости.

Каждый шатер был помечен лоскутом ткани. Сперва я подумала, что это как клеймо на овцах, чтобы все знали, где чей шатер, но тут подул ветерок и я увидела, что все флаги одного цвета. На каждом шатре реял лоскут пурпурной материи – небольшой, ведь она была очень дорога. Мать Ло-Мелхиина оглядывалась по сторонам с беспокойным выражением лица. Я повернулась, чтобы спросить ее, в чем дело, но тут мой верблюд опустился на колени, и я услышала голос, который знала как собственное сердце.

– Сестра!

И вот она бежала ко мне по песку, и волосы развевались у нее за спиной совершенно неподобающим для невесты образом. Мне было все равно, что подумает о нас мать Ло-Мелхиина и будут ли наши матери ругать нас за наше неприличное поведение. Я соскочила с верблюда, едва он коснулся брюхом песка. Песок обжигал мне стопы сквозь тонкие туфли, но мне было все равно. Руки сестры обхватили меня, а мои – ее.

– Я так скучала по тебе, сестра моя, – прошептала я ей на ухо. – И я так рада, что приехала повидать тебя.

– Сестра, – отвечала она, – а я рада, что ты дожила до этого дня, чтоб

повидаться со мной.

В этот момент нас окружили козы и овцы – дети подбежали к нам, чтобы дотронуться до сестры. Считалось, что прикосновение к невесте приносит удачу. Впрочем, обычно сделать это было бы гораздо сложнее, потому что невесте полагалось сидеть в шатре своей матери до самой свадьбы. Я не знала, приносит ли удачу прикосновение к божеству, но надеялась, что это так. Пробираясь к сестре, дети задевали и меня. Но никому уже не удалось бы нас разлучить. В ее искрящихся смехом глазах не было и тени волнения, в отличие от моих. Ее волосы развевались под покрывалом, мои же были заплетены в косы и свернуты кольцами. Моя дишдаша была намного тоньше ее, хотя вышивка на них была равно искусной.

– Пойдем, – позвала она, освобождаясь из плена маленьких рук, тянувшихся к ней. – Я отведу тебя к твоей матери.

Я последовала за ней, чувствуя, как ноги заново привыкают ходить по горячему песку, будто никогда и не покидали его.

Она вела меня мимо многочисленных шатров с пурпурными флажками, у каждого из которых стояли незнакомые мне люди. В воздухе по-прежнему витал сильный запах готовящейся еды, но вскоре его начал вытеснять другой. Ближе к тому месту, куда мы направлялись, горел еще один костер, но не для готовки. Когда мы подошли достаточно близко, я разглядела небольшую печь, на которой стоял котел. Рядом стоял мужчина с бледной кожей и волосами цвета шафрана, разбавленного водой. Я поняла, что это тот самый человек, за которого предстоит выйти замуж моей сестре. Он смотрел в котел, ожидая чего-то, и хотя я не видела содержимого посуды, я догадалась что в ней плавился серебристый металл с гор.

Сестра не задержала взгляд на своем суженом так долго, как следовало бы влюбленной. Часть моей души обрадовалась, ведь это значило, что она по-прежнему любит меня, но другая часть встревожилась. Если это я заставила ее полюбить его, быть может, она чувствовала эту любовь лишь когда я того хотела?

Я отбросила эти мысли прочь, а она повела меня дальше, к шатру столь знакомому, что я узнала бы его и с закрытыми глазами. Там ждали моя мать и мать моей сестры. Обе зарыдали, увидев меня, сорвав покрывало с моего лица, чтобы расцеловать меня и стиснуть в объятиях так крепко, будто больше никогда не отпустят.

– Матушка, – сказала я. – Госпожа матушка! Я так скучала по вам обеим!

Они ничего не ответили, лишь крепче обняли меня. Запечатлев меня в своей памяти, они наконец отпустили меня к сестре, и мы уселись вместе на ковер, как сидели раньше, вышивая и вкладывая секреты в каждый стежок.

Сестра улыбнулась, как улыбалась тогда, и я поняла, что она снова собирается поверить мне секрет. Но прежде чем заговорить, она провела рукой по моим затейливо уложенным косам, ощупывая каждую шпильку.

– Если хочешь, я покажу тебе, как сделать такую прическу, – предложила я. – Я уже научилась ее делать, а служанка, которая приехала со мной, нам поможет. Я одолжу тебе свои шпильки.

– Не хочу ничего от Ло-Мелхиина, когда буду выходить замуж, – ответила она. В голосе ее была горечь, напомнившая мне желтые фрукты, которые отец привозил нам с окраин синей пустыни.

– Но с тобой буду я, – возразила я. – А я ведь тоже его.

– Ты – моя, – сказала она. – А я – твоя. И мы сделали слишком много, чтобы даже демону было под силу разлучить нас.

Я поняла, что она тоже видела мои видения, по крайней мере частично, и что на платье, в котором она будет выходить замуж, я увижу свои стежки и пятно своей крови.

– Сестра, – сказала я, – я должна буду вернуться к нему.

– Тебе так нравится каср? – спросила она.

– Нет, – ответила я. – Но если я не вернусь, он женится на другой, и она умрет.

– Мне нет до этого дела, – отрезала сестра. – к тому же Ло-Мелхиин и не проживет достаточно, чтобы жениться снова.

И тут я наконец увидела все четко в ярком свете солнца пустыни. Я поняла, почему мать Ло-Мелхиина встревожилась, еще не успев слезть со своего верблюда. Я поняла, почему пришли чужие стада, почему все эти мужчины, женщины и дети оставили столько камней на тропинке, ведущей к пещере наших предков. Я поняла, почему люди жарили столько коз и запасли столько корзин с финиками, которые не портятся, даже если их оставить на солнце.

Мой отец приехал в каср и молил моего мужа отпустить меня на свадьбу, но он солгал. Мир, ради которого я вынуждена была жить в касре, оказался под угрозой со стороны пустыни, и я не в силах была этому помешать. Мой муж отпустил меня, и неважно, знал он истинную причину или нет. Важно было лишь то, что я теперь здесь, со своей семьей, со своей сестрой, матерью, матерью сестры, отцом, братьями, их детьми и всеми теми людьми, которых мой отец когда-либо встречал в своих странствиях

по пустыне. Пускай они будут танцевать и пировать. Пускай будут играть в нарды и беседовать о былом, но это будет никакая не свадьба.

Это будет война.

VII

Человеческие созданыя считали себя такими умными. Они думали, что, если спрячут свои делишки в песке, вдалеке от стен моего города, я не узнаю, что они затеяли. Они ошибались.

Мне не нужны людские глаза и уши, чтобы шпионить за ними, ибо шпионов у меня и так в избытке. Мои собратья по-прежнему охотились в пустыне, питаюсь людьми, хотя никто из них не поднялся так высоко, как я. Я закрылся от них, чтобы они не последовали моему примеру и не попытались занять мое место, но теперь я снова открылся им. Именно они принесли мне эту весть, нашептав ее мне так, что услышать мог лишь Ло-Мелхиин, но он не сумел бы нас остановить, так что мне было наплевать.

Презренные крысы собрались на свадьбу, которая была никакой не свадьбой.

Когда отец моей жены пришел ко мне со своими сыновьями, чтобы просить меня о милости, у меня не было иного выбора. Я жаждал пролить их кровь у ее ног даже больше, чем солнечного света и красивых вещей. Но если бы я залил ее их кровью, она никогда не стала бы моей. А их бунт мог бы сорваться без них, но он бы не умер.

Мне пришлось отпустить их всех. Я даже не оставил себе заложника, которого мог бы помучить всласть или отдать на растерзание одному из своих братьев. Я отправил с ними мать Ло-Мелхиина, как поступил бы любой король, отпуская в пустыню свою жену. Когда они уехали, каср показался мне опустевшим без них. Без нее.

Я не стал призывать свою армию. Я не хотел прибегать к людской силе, чтобы подавить восстание в пустыне. Люди могли наконец увидеть истинного меня. Я мог бы сокрушить их и в одиночку, но на это ушло бы слишком много времени, которое я не хотел тратить попусту, и слишком много моей силы. Вместо этого я призвал своих братьев, встретившись с ними в ночи там, где однажды слушал рассуждения Скептиков о звездах. Они увидели, каким могущественным я стал, и жадно внимали моим словам.

Мне не пришлось долго убеждать их помочь мне. Они жаждали крови не меньше, чем я, и не особенно тревожились, что на этот раз им придется убивать быстро, не упиваясь каждой раной. Там будет достаточно крови, чтобы утолить их голод, а после они обретут такую

силу, о какой и не смели мечтать.

– Но мою королеву трогать не смейте, – сказал я им. – Я хочу, чтобы ее разум и тело достались мне целиком, когда все закончится, а пустыня станет алой от крови ее семьи.

Послышались приглушенные жалобы на то, что я волен выбирать себе игрушку, чьими страданиями смогу насладиться, тогда как остальным придется удостоить своих жертв быстрой смерти. Пускай шепчутся, решил я. Они не должны угадать истинную причину моего приказа. Они не должны завладеть ею, как я завладел Ло-Мелхином. Это право принадлежало мне, хотя я рассчитывал управлять ею иными средствами.

Я едва не потерял голову, вообразив, на что мы будем способны с нею вместе. Я мог заставить людей подчиняться своей воле, но для этого мне нужно было оказаться достаточно близко, чтобы коснуться их. Она же могла дотянуться до любого через всю пустыню так же легко, как я тянулся за хлебом во время ужина. Я не стал утруждать себя изучением силы божеств, когда завладел Ло-Мелхином, но, быть может, настала пора Сокату Ясноокому совершить великие открытия об этом. Сердце его от этого может разорваться – именно поэтому я избегал касаться его, предпочитая Скептиков помоложе. Он же был почти достаточно умен и без меня. Но ради этого я готов был рискнуть его жизнью. В моем распоряжении останется еще много ему подобных.

Но сперва надо заняться пустыней. Я отправлюсь туда со своими братьями, и мы зальем ее кровью. Люди не будут слагать песен об этой битве. О ней будут лишь шептаться у костра. Они будут страшиться говорить об этом громче, боясь навлечь на себя гнев победителей. Женщины будут оплакивать погибших мужей и сыновей, прижимая к себе тех детей, которые слишком малы, чтобы сражаться, и не погибнут. Если, конечно, мы не убьем их просто так. Моих братьев подчас трудно сдерживать.

Ло-Мелхин тревожился о своей матери, слушая наши разговоры. Он знал, что девчонку я спасу любой ценой, но не думал, что я приложу столько же усилий, чтобы вернуть его мать домой целой и невредимой. Меня поражало, сколь глубоко его волновали судьбы обеих. Мужчине дозволено любить мать, и его не сочтут из-за этого слабым. Но большинство мужчин не имели роскоши любить своих жен – во всяком случае, не так скоро после свадьбы.

Он и не любил ее, по крайней мере пока. Но он был о ней весьма высокого мнения. Он восхищался ее храбростью и ее нежеланием изменить

свой пустынный дух под влиянием городских стен. Он находил ее чары загадочными, но не боялся их, как моих. Он хотел бы узнать ее лучше, самостоятельно, без призмы моего разума между ними. Он считал, что она рождена стать королевой.

А я желал ее совершенно иначе. Мне не терпелось ткнуть его носом в то, что она будет принадлежать ему только через меня. Я буду трогать ее его руками, целовать его губами, а она будет сопротивляться его телу всем своим естеством.

Но сейчас мне предстояло дело. Армия моя была невелика, но могущественна. Мы сокрушим бунтарей силой, полученной у их же предков. Мы очистим пустыню от их предательства.

А когда мы закончим, я вернусь в каср со своей женой, захочет она того или нет.

Глава 31

Пока я смотрела видения о прошлом своей сестры, наблюдала за падающими звездами и пряла никому не нужную пряжу в касре Ло-Мелхиина, мой отец и братья не теряли времени даром. Вернувшись с караваном, они обнаружили, что меня нет, но моя мать, сестра и мать моей сестры не позволили им оплакивать меня, как предписывала традиция. Я была еще жива – сестра была уверена в этом. А если мне суждено было жить дальше, они должны снова сесть на верблюдов и отправиться торговать. Но на этот раз с каждым проданным отрезом ткани, с каждым бочонком меда и с каждым кульком мирры они должны рассказывать людям о том, что случилось, и о том, что пытается сделать моя сестра.

Теперь я знала, что мой отец не оплакивал меня. Мои братья давно были недовольны своим королем, который жил так далеко и был так жесток. У двоих из них были собственные дочери. Отправившись в пустыню, они торговали не менее ловко, чем обычно, но при каждой сделке рассказывали историю моего замужества: как я обратила внимание Ло-Мелхиина на себя вместо сестры. Отец рассказывал мужчинам, с которыми торговал, что я была храбра. Мои братья рассказывали, что я умна, что я заставила Ло-Мелхиина полюбить себя и потому не умерла.

И куда бы они ни направлялись, они строили алтарь в мою честь, и оставляли там лоскут пурпурной ткани, и молились.

Вскоре они обнаружили, что вместо мужчин торговать с ними выходят женщины. Женщины слушали историю моего замужества со вниманием, которого мужчины не разделяли. Теперь отцу и братьям редко приходилось строить алтари. Зачастую они уже стояли там, уместившись на песке, в углу шатра или даже в священных пещерах рядом с могилами умерших, хоть я и не умерла. Отец и братья оставляли всем по лоскуту пурпурной ткани – в память о живом божестве, которым я стала.

Когда они собрались повернуть назад и дошли до самого края песчаной пустыни, где увидели перед собой пустыню кустарниковую, а на горизонте – очертания гор, им повстречался бледный человек. У него был серебристый металл, подобного которому они не встречали во всех своих странствиях. Он носил свою куфию на манер женского покрывала, скрывая лицо.

Мужчины закрывали лица, только если вокруг было слишком много песка или если в воздухе ходила зараза.

– Если он пробудет слишком долго на солнце, то сгорит, как уголек в костре, – объяснила сестра, рассказывая, что произошло после того, как меня увезли в каср. – Кожа у него начинает слезать, и ему становится очень плохо. Твои братья поначалу смеялись над ним, ведь только женщина будет так заботиться о своей коже. Но потом он показал им свои обожженные руки, и они попридержали языки.

Отец купил у него серебряный металл – столько, сколько смог унести. Бледный человек в обмен взял мед, пряности и краски – то, что будет легче везти. Он сказал отцу, что тот может получить больше металла, если вернется через месяц. Отец сам не знал, как он понял, что металл пригодится ему, – разве что ему подсказало божество. Отец вернулся домой с диковинными историями для наших матерей и сестры и с полными корзинами сверкающего металла в форме ножей, наконечников стрел и булавок.

Сестра рассказала мне, что слова отца о бледном человеке и его серебристом металле поразили ее. Она упростила отца поехать снова и купить еще, и привезти с собой бледного человека, если тот согласится. Он послушался ее и отправился в пустыню с караваном намного скорей, чем требовали торговые нужды.

Везде, где он останавливался, чтобы дать отдых верблюдам, ему встречались новые алтари в мою честь. Возле них лежали подношения – маринованные корни и пресноводные цветы, хотя в пустыне была засуха. Девушки пели у алтарей новые гимны, и ветер разносил их нежные голоса далеко по просторам пустыни. По вечерам, сидя с рукоделием у костра, они пели молитвы вместо рабочих песен, и хотя отец не мог расслышать слов, он знал, о чем они поют.

И вот отец снова добрался до окраин кустарниковой пустыни и встретил там бледного человека. На этот раз у того было два верблюда, нагруженных металлом и рудой, которую он обещал отлить в любую форму, какую пожелает отец.

– Поедем со мной в мою деревню, – предложил отец. – Путь неблизкий, но твои верблюды, похоже, выносливы, а мы сделаем все, что в наших силах, чтобы защитить тебя от солнца. Обещаю, ты хорошо поторгуешь по пути.

– Почтенный мастер каравана, – сказал бледный человек моему отцу. – Я надеялся, что ты пригласишь меня с собой. Я давно мечтал посмотреть на вашу пустыню.

И вот они поехали, возвращаясь по следам моего отца обратно в нашу деревню. Отец показывал металл всем, кого они встречали на своем пути,

но бледный человек отказывался продавать его.

– Езжайте лучше с нами, – говорил он им. – Поезжайте с нами, и поглядим, что у нас выйдет.

К тому времени в пустыне уже слышали о гигантской птице, напавшей на Ло-Мелхиина и едва не убившей его. Сестра сказала, что беспрестанно молилась, чтобы я помогла ему умереть. Я не смогла признаться ей, что поступила наоборот, но теперь я знала, откуда взялась моя огромная сила. Меня воодушевила мысль о том, что молитвы, приносившие мне силу, не обязывали меня следовать им. Я чувствовала себя достаточно связанной узами Ло-Мелхиина, и мне не хотелось быть связанной чем-то еще, пусть даже молитвами сестры.

– Птицы нападали и на других людей, – говорил отец мужчинам, с которыми торговал, и женщинам, которые прислушивались к его словам. – Почему же никто из них не захворал так сильно, как Ло-Мелхиин?

– Эти птицы – родом с гор, как и я, – объяснил бледный человек. – Я видел, как они пьют воду, стекающую из пещер, где я добываю свою руду. Я видел, как они точат когти о склоны гор, и когти их сверкают ярче моих кинжалов.

– Быть может, это металл причиняет боль Ло-Мелхиину? – спросил самый молчаливый из моих братьев.

Отец долго молчал.

– Если это так... – вымолвил младший брат. Он был не столь мудрым, но он был добрее. – То мы можем спасти нашу сестру от него.

Эти слова не были правдой, когда пришли мне в голову, но в одно мгновение тишины между подуманным и сказанным я сумела сделать их правдой.

– Если это так, – сказал наконец мой отец, – то мы сможем спасти всех.

Они, конечно, не могли опробовать металл на короле, но могли испытать его на других металлах. Он был намного прочнее серебра. И прочнее меди, хоть его и нельзя было отполировать до такого блеска. Он гнул бронзу, из которой обычно делали оружие. Стрелы лучников Ло-Мелхиина, кинжалы и мечи на поясах его воинов были бронзовыми. Если бы отец смог достать достаточно металла, – а бледный человек считал, что привез с собой достаточно, – то можно сделать оружие, против которого армия Ло-Мелхиина будет бессильна.

Теперь мой отец уже не торговал, а вербовал.

– Поехали с нами, – говорил он мужчинам, которых встречал на своем пути. – Берите с собой своих женщин, детей и овец. Привозите их к моему вади, где они будут в безопасности, и мы выйдем навстречу Ло-Мелхиину и

не дадим ему больше красть и убивать наших дочерей.

Многие мужчины, встречавшиеся ему, были из деревень, откуда Ло-Мелхиин уже брал жен. Прочие же знали, что скоро эта участь постигнет и их, если я умру. Поначалу они не спешили следовать за моим отцом, но сестра сказала, что их убеждали женщины. Я в этом не сомневалась. Мужчины процветали при правлении Ло-Мелхиина, и пусть это стоило им дочери, но ведь дочь у них могла отобрать и суровая зима. Но жены и матери оплакивали каждую погибшую девушку и молились у моих алтарей, чтобы это не повторилось. Они говорили своим мужчинам, что надо ехать, и рано или поздно те соглашались.

По словам сестры, когда отец вернулся домой, его караван растянулся так далеко, что она не видела его конца. Тут она улыбнулась и сказала, что не стала смотреть на караван слишком долго, потому что увидела бледного человека, ехавшего рядом с моими братьями, и позабыла про все остальное.

– Я знала, что это тот самый человек со сверкающим металлом, – сказала она. Глаза ее светились любовью к нему, и, увидев это, я отпрянула. Это я породила в ней любовь, и я боялась, что сестра возненавидит меня, если узнает об этом.

– Он был не похож ни на кого другого, – продолжала сестра. – Он был такой бледный, что я поняла, почему твои братья считали его больным. Он снял свою куфию, чтобы она не закрывала его глаза. Позже он рассказал мне, что хотел рассмотреть шатры моего отца, но позабыл о них, увидев меня.

– Сестра, – прервала ее я. – За что ты любишь его?

Она посмотрела на свои руки, разрисованные хной к свадьбе. Она не услышала отчаяния в моем голосе.

– Сперва я и сама не знала, – сказала она. – Я задумалась, не потому ли я люблю его, что он совсем не такой, как все мужчины, которых я видела в своей жизни.

Что ж, хотя бы это было похоже на мою сестру. Она всегда любила приключения больше, чем я. Вполне естественно, что увидев столь диковинного мужчину, она полюбила его.

– Он рассказывал про свои горы и свои путешествия по пустыне, – продолжала она, – и на сердце у меня было тяжело. Я думала, что он собирается вернуться домой, на север. Но потом он сказал, что хочет остаться в пустыне. Он мог бы вернуться за рудой, но он захотел, чтобы пустыня стала его домом.

– И тогда меня охватила радость, сестра моя, – сказала она. – Потому

что, выйдя за него, я смогла бы остаться здесь со своей матерью и твоей матерью, с твоими алтарями и с могилами наших предков. Мне не придется покидать шатры моего отца, и мой муж не попросит меня об этом.

Она так и не ответила на мой вопрос. Она не сказала, что любит его глаза или звук его голоса. Она не сказала, что его прикосновения заставляют ее кожу пылать. Но вдруг я поняла: она любила его за то, что он не пытался ее изменить. Неважно, я ли его сотворила или мой отец встретил его случайно. Моя сестра не выйдет за того, кто заставит ее безвылазно сидеть в своем шатре, закрывшись покрывалом. Этот бледный пришелец не возьмет другую жену, как сделал мой отец. Она будет принадлежать ему, а он – ей, и только ей. Вот почему она полюбила его. И от этой мысли мое сердце исполнилось радости.

– Пойдем, – позвала сестра. – Я покажу тебе, как мы покончим с правлением твоего мужа.

Радость у меня в груди окоченела, и вокруг нее заплясало медное пламя сотен молитв.

Глава 32

Мои братья отвели мать Ло-Мелхиина в шатер и оставили ее там с мальчиком-служгой и пожилой служанкой, поставив у входа в шатер троих стражников. Полог шатра был задернут, и внутри, наверное, было невыносимо душно, но я знала, что никто не войдет к ней без распоряжения отца. Когда сестра повела меня по деревне, показывая меня всем, будто призывую корову, я стала молить ее отвести меня к матери Ло-Мелхиина.

– Думаешь, она не сосчитала, сколько здесь людей? – спросила я. – Думаешь, она не догадалась, что последует за твоей свадьбой? Думаешь, она сама не настрадалась?

Сестра мгновение поколебалась, но повела меня к шатру. Глаза мужчин провожали нас – сестру в ее жреческих одеждах и меня в моем нарядном городском платье. Какими разными мы стали за столь недолгое время!

– Мать Ло-Мелхиина здесь, – сказала она, подведя меня к шатру. – Я подожду тебя снаружи, сестра. Возвращайся, когда поговоришь с ней.

Я кивнула и откинула полог. В шатре было просторно и не так душно, как я боялась. Мать Ло-Мелхиина хотя бы не захворает от жары. Пол был устлан коврами, а вокруг пахло благовониями, будто кто-то рассудил, что ее оскорбит запах коз, овец и простого народа. Ей принесли чай и фиников, как и любому гостю, приходившему в шатры нашего отца, хотя я не знала, остался ли кто-нибудь выпить с нею чаю, как требовали законы гостеприимства. Хотя я больше не жила со своей семьей, я все еще чувствовала себя обязанной заботиться о ее гостях.

– Добро пожаловать, госпожа, – обратилась я к ней, поклонившись, и уселась напротив нее. – Добро пожаловать в шатры моего отца.

Чаю больше не осталось, но я протянула ей миску с финиками, и она взяла один. Я тоже взяла финик и кивнула мальчонке, который накинулся на финики, будто не ел много дней. Мать Ло-Мелхиина негромко кашлянула, и мальчишка взял себя в руки, вспомнив, что хотя бы часть добычи надо отнести пожилой служанке. Та улыбнулась, надкусив финик.

– Что ж, поговорим о том, какая нынче погода в пустыне? – спросила мать Ло-Мелхиина. – Или же о стадах? Я заметила, что здесь их великое множество.

– Матушка души моей, нет причин скрывать от вас замыслы моей

семьи, – сказала я. – Ибо вы все видели своими глазами. Мою сестру действительно выдают замуж, как и сказал моей отец, но, кроме того, они готовят заговор против вашего сына.

– Они не первые, – сказала она. – Первые умерли так быстро, что кровь их не успела запятнать мраморные полы касра. Почему же твой отец считает, что окажется удачливей?

– У него много друзей, которые готовы ему помочь, – объяснила я. – И у них есть новый металл с северных гор, который привез бледный человек, жених моей сестры.

– Ах вот как, – ответила она. – Не тот ли это металл, что, по словам Скептиков, был на когтях птицы, напавшей на Ло-Мелхиина?

– Тот самый, – признала я. – У них есть кинжалы из этого металла и острые стрелы, которые будут бить точно в цель.

– Так точно, чтобы попасть в Ло-Мелхиина? – спросила она. – Так точно, чтобы убить всех его воинов?

– Госпожа матушка, – возразила я, – я не думаю, что он приведет с собой воинов.

Старая служанка поспешно встала, притянув к себе мальчишку и усадив его к себе на колени. Он сопротивлялся, видно, считая себя слишком взрослым для такого обращения, но она была намного сильнее. Она зажала ему уши обеими руками, чтобы он не услышал нас. Мальчик еще немного повертелся, но потом смирился, как козы, когда понимают, что им не убежать от нас и что мы удерживаем их ради их же блага. Он уселся смирно, но она не ослабляла хватку.

– Думаешь, есть и другие демоны, которые придут с моим сыном? – спросила мать Ло-Мелхиина.

– Я это точно знаю, – ответила я, хотя до этого самого момента не знала, да и теперь не смогла бы ответить, откуда мне это известно.

Ло-Мелхиин никогда напрямую не говорил мне, что у него есть сородичи, но он намекал на это. Он говорил, что найдет способ заполучить мою сестру, и я знала, что он не станет делать этого сам, будучи связанным людскими законами. Но все же он был уверен, что сумеет это сделать, если захочет причинить мне страдания, и я знала, что должны быть другие демоны, которых он может призвать на помощь. Возможно, они не так сильны, как он сам, – может быть, потому, что живут в пустыне, – но я чуяла кожей, что они сильнее моего отца, и моих братьев, и всех тех, кто собирался сражаться вместе с ними.

– Я не хочу, чтобы мой сын погиб, – сказала мать Ло-Мелхиина. – Он хороший человек.

– Он был хорошим когда-то, – поправила я. – Но демон так долго жил внутри него и совершал такие ужасные поступки его руками! Неужели вы думаете, что он все еще хороший человек? Неужели вы думаете, что, если он освободится от демона, его сердце снова станет прежним?

Порой мужчины, обезумев от жары, начинали бить своих детей, будто коз и овец. Мой отец никогда не терпел подобного поведения в своих шатрах, потому что эти дети иногда вырастали такими же жестокими. Я боялась, что Ло-Мелхиин, настоящий Ло-Мелхиин, так долго был заключен внутри чудовища, что и сам останется чудовищем, даже если изгнать демона прочь. У нас уже был демон вместо короля, и мне не хотелось заменять его новым. Но все же я видела тот темный уголок в его душе и знала, что его не стоит бояться. Возможно, надежды матери Ло-Мелхиина были не столь уж отчаянными, но мне нужно было знать наверняка.

На руке матери Ло-Мелхиина была повязка из пурпурной ткани. Я разглядела ее теперь, когда она протянула ко мне руки. Лицо ее было освещено лампой, горевшей внутри шатра, а парик из львиных грив обрамлял его своим золотистым сиянием.

– Я буду молиться, – сказала она. – Не божествам своей семьи, как раньше. Они далеко от меня, в синей пустыне, и, вероятно, слишком заняты ее делами, чтобы услышать меня. Я буду молиться божеству, которое сидит передо мной и замужем за моим сыном.

Я не удивилась, что она знает об этом. Похоже, моя сестра на славу потрудилась, рассказывая о моем божестве всем, кто готов был слушать, как она и обещала тот день, когда Ло-Мелхиин взял меня в жены.

– Госпожа матушка, – сказала я. – Я не могу вести войну.

– Дочь души моей, – отвечала она. – Ты вела войну с тех самых пор, как решила занять место своей сестры. Продолжай бороться и сейчас, и посмотрим, кто победит – демоны или боги.

Я вышла из шатра к своей сестре. Я не стала спрашивать, слышала ли она, о чем мы говорили. Мне было все равно. Я взглянула ей в глаза и увидела в них надежду – надежду на то, что прольется кровь и все разрешится так, как она задумала. Я же не была готова принять гибель других столь же легко, как свою. Я не понимала, как вышло, что мы так сильно изменились со дня расставания, но понимала, что это я заставила ее измениться.

Мы пошли назад к шатру, где жили наши матери. Там стоял таз с водой. Я остановилась, удивленная этим, и сестра засмеялась. Смех ее был точно таким же, как прежде.

– Сестра моя, – сказала она, – я ведь выхожу сегодня замуж.

Пришли наши матери, и мы стали мыться вместе. Это было не так легко, как в купальне касра, но зато привычно. Мы делили таз с водой и мыло, сделанное из пепла и овечьего жира. Мы смывали пену со своей кожи. Моя мать пела нам песни – старые, а не те, что они сочинили для меня. А когда горячий воздух пустыни высушил наши тела, мы принялись одеваться.

Сестра, как и обещала, не стала брать у меня шпильки, чтобы заколоть свои волосы. Они свисали до талии – черные, прямые и ничем не скованные. Мы закрыли их покрывалом, закрепив его костяными заколками, которые были на ней накануне. Ее дишдаша была желтой, как и в моем видении. Приглядевшись, я бы увидела на ней пятно крови. Но я не стала приглядываться. На ногах у моей сестры не было обуви, так что я тоже скинула туфли. Все равно они не годились для танцев на песке.

На мне было синее платье – простое, насколько возможно. Его принесла служанка, но я отослала ее назад к матери Ло-Мелхиина, сказав, что мне достаточно помощи сестры и наших матерей. Я тоже не стала заплетать волосы, распустив их, как сестра. Носить распущенные волосы под покрывалом замужней женщине было неприлично, но если кто-то из мужчин осудит меня, достаточно будет напомнить, против кого он собрался воевать.

Пока мы одевались, а моя мать пела, у меня из головы не шли слова матери Ло-Мелхиина, тяжким грузом легшие на мое сердце. Она была так уверена, что он хороший человек. Я тоже видела проблески хорошего в нем – по крайней мере, так мне казалось, – но я сомневалась, что этого хватит, чтобы воскресить его. Если мой отец и его союзники преуспеют, король умрет, и некому будет занять его место. Случится именно то, чего боялся Сокат Ясноокий, – мертвый король и кучка жадных купцов и вельмож, сражающихся за его место. Борьба будет идти до тех пор, пока не состарятся дети, что нынче пасут стада. Если, конечно, они сами не погибнут в этой борьбе.

Платье мое было очень простым, хоть его и сшили во дворце: мне не хотелось затмить сестру в день ее свадьбы. Если бы только я могла придумать решение столь же простое, как это платье, было бы лучше для всех. Но мой разум был слишком полон беспокойства, чтобы думать. Закрыв глаза в попытке сосредоточиться, я увидела кровь моего отца на руках Ло-Мелхиина и осиротевших детей своих братьев. Вокруг было слишком много людей, слишком много шума. Я ощущала внутри себя медное пламя, но не могла направить его. Если я пыталась спрятать из него нить, оно расплеталось. Если я пыталась ткать, оно путалось.

Мать подвела мне глаза сурьмой, и сестре тоже. Нужно было сохранять терпение. Нужно лишь пережить свадьбу, пир и танцы, а потом, когда все стихнет, я попытаюсь найти путь для своего медного пламени. Если от этого я заболею, рядом не будет Ло-Мелхиина, который смог бы излечить меня, но с этим ничего не поделаешь. Похоже, мне придется принять немало сложных решений, но пока еще не настал их час.

Мать подняла меня на ноги и медленно покрутила перед собой.

– Мои дочери снова вместе, – сказала она нам. – И я так этому рада.

Сестра улыбнулась, и счастье озарило ее глаза. Я попыталась ответить ей тем же, но у меня вышла только улыбка. Я поспешно накинула покрывало, скрыв свое лицо от всех сразу.

Глава 33

Я не помню, какие слова говорил жрец на свадьбе моей сестры. Впрочем, наверняка он говорил недолго, потому что время близилось к закату, когда сестра предстала перед ним, а он не мог никого женить в темноте. Такие обряды положено совершать при свете солнца.

Бледный человек был одет в тунику и шаровары на пустынный манер, но на нем был пояс из его родных земель, непохожий на те, что делали у нас. Мне показалось, что ему он идет. Плечи у него были шире, плечи, чем у моего отца и братьев. Он все еще выглядел очень бледным, но, стоя рядом с моей сестрой, уже не казался хрупким созданием, которое пустыня зажарит живьем и сотрет в порошок.

Когда все слова были сказаны и начали разливать мед, сестра поднесла чашу отцу и своей матери, а потом моей. Они отпили из нее, и сестра поднесла чашу мне и каждому из моих братьев. Она вылила немного на песок, в память о своем брате, которого унес потоп, когда мы были детьми, и еще немного – в дар божествам, хотя в этот миг она подмигнула мне, выдав истинное намерение своего священного жеста. Дальше чашу полагалось передать семье бледного человека, но здесь не было никого из его родных, так что сестра отнесла ее жрецу, который и выпил оставшийся мед до дна.

Тогда отец хлопнул в ладоши, и женщины принесли жареную козлятину, и корзины с инжиром, финиками, и хлебом, и бочонки с медом. Взрослые притворялись, будто не замечают, что дети едят только сладкое, но когда младший из моих братьев потянулся за финиками, все засмеялись. Это был веселый праздник, но я не могла забыть, что вокруг меня сидит армия.

– Оставь свои тревожные мысли, сестра, – сказала моя сестра. В ее глазах плясали веселые огоньки, а лицо светилось радостью. – Вокруг стоят караульные. Мы узнаем, если Ло-Мелхиин двинется на нас сегодня.

Я не стала ей говорить, что не была в этом столь уверена. Она могла и не поверить мне, а даже если бы и поверила, то была бы не в силах помочь. Я вспомнила, что на мне покрывало и никто не сможет разглядеть выражение моего лица. Достаточно было сесть так, как положено сидеть счастливой девушке на свадьбе сестры. Я взглянула по другую сторону костра, где сидела мать Ло-Мелхиина. Если ей удавалось скрыть свое волнение, то сумею и я.

Принесли барабан и дудки, и мой отец встал, чтобы начать танец. Мои братья присоединились к нему и стали танцевать внутри круга, образованного сидящими гостями. Их шаги были выверены и знакомы мне – так танцевали в моей семье, принимая в нее нового родича. Я видела, как отец исполнял этот танец на свадьбе каждого из моих братьев и в честь рождения каждого из их детей. Когда они прошли полный круг, старший из моих братьев потянул за руку бледного человека, чтобы тот станцевал с ними. Его движения были несовершенными, но он старался, и мы все хлопали и подбадривали его со своих мест.

Когда они закончили танец, барабаны забили быстрее. На этот раз на ноги поднялись все мужчины, от самого седовласого старика до мальчика, едва научившегося ходить. Этот танец был проще – он не принадлежал какой-то одной семье, но был в ходу вдоль всего вади. Это был танец мужчин пустыни, которые достаточно сильны, чтобы жить под палящим солнцем. Я похолодела, наблюдая за ними, хоть и не перестала хлопать. Я знала, что многих ждет гибель, если они сразятся с Ло-Мелхиинном.

Мужчины танцевали до тех пор, пока небо не заполнилось звездами, а луна не вышла из-за горизонта. Затем они уселись на свои места и принялись за еду с таким аппетитом, будто и не наелись досыта всего полчаса назад.

Принесли еще меда и холодной воды из колодца, и мужчины пили и смеялись.

Моя мать и мать моей сестры принесли бубны, сделанные из панцирей черепах и медных бусин, и принялись трясти ими. Мужчины рассмеялись, увидев, как сестра взяла один из бубнов и бросила мне другой. Ей положено было дать бубен одной из жен моих братьев, но, видимо, никто здесь не считал, что я еще долго пробуду замужем. Мать Ло-Мелхиина возражать не стала, лишь взглянула на меня немного печально, когда я встала рядом с сестрой.

Раньше мы исполняли этот танец всего один раз, когда женился мой третий брат. До этого мы были слишком малы, чтобы участвовать в нем, но мы видели его множество раз, и наши матери позаботились, чтобы мы выучили движения. Я знала, что сестра по привычке молится моему божеству, прося, чтобы ее заколки не рассыпались, а дишдаша не сбилась. Мои же молитвы вновь застряли у меня в горле, так что я призвала свое медное пламя, чтобы оно закрепило заколки и тесемки на нас обеих. В касре Ло-Мелхиина я считала эти вещи своей броней – единственной, какая доступна женщине. Теперь я точно знала, что так оно и было.

Сестра четыре раза ударила бубном о ладонь, и я ударила четыре раза

в ответ. Эти звуки вселили ритм в наши тела и заставили нашу кровь пуститься в пляс. Мы одновременно ударили в бубен еще четыре раза и закружились в танце.

Мы ходили по широкому кругу, легко ступая босыми ногами по песку, а наши распущенные волосы развевались под покрывалами. Пальцами ног мы делали отметки на песке, рисуя очертания шатра, а потом зашли в нарисованный круг и принялись танцевать там. Сидящие вокруг женщины подхватили ритм и стали хлопать в ладоши.

Они зажгли факелы, потому что света ламп уже не хватало, и я увидела отблески на медных бусинах, украшавших бубен сестры. Я повторяла каждое ее движение, и мы кружились по песку, рисуя шатер и все его содержимое. Вот костер, на котором сестра будет готовить еду, а здесь она поставит свой ткацкий станок. Когда пойдут дети, они будут спать в углу, а сестра с мужем – ближе ко входу в шатер. Мы расстелили на полу ковры, чтобы песок не попадал на все вокруг, а по краям разложили тяжелые подушки, чтобы защитить шатер от тварей, которые могут потревожить спящих.

Я старалась сохранять сосредоточенность – не чтобы считать шаги, а чтобы держать в узде свое медное пламя. Я не хотела случайно воплотить в жизнь все то, что мы рисовали на песке. Свадьба моей сестры была достаточно пышной и безо всяких чудес. К тому же я боялась, что, сотворив что-то из воздуха, слишком ослабну и не смогу спорить с теми, кто замышлял войну. Вместо этого я собирала свое пламя внутри себя, сматывая его, будто нить на катушку, и стараясь отделить его от танца. Оказалось, что я могу танцевать, не думая о шагах, так что я направила все свое внимание на то, чтобы удержать медное пламя на месте. Мужчины тоже стали хлопать, и пламя поглотило все мои мысли, и все же ноги мои уверенно двигались сами по себе, ни разу не ошибившись.

Теперь я больше не танцевала на песке – точнее, и танцевала тоже, но не вся: часть меня воспарила над шатрами. Я кружила в темноте, будто песчаный ворон, и видела под собой огни факелов и караульных, которым принесли угощение, воду и немного меда – лишь по чуть-чуть, на удачу. Я увидела новый шатер, разбитый для моей сестры и ее мужа. Жить они будут не в этом шатре, но им хватит его на первое время, пока они не выберут для себя постоянное место. Я посмотрела сверху вниз на самую себя, по-прежнему танцующую рядом с сестрой, а потом глянула вдаль, в пустыню, и увидела, что надвигается на нас из темноты.

Караульные бы их не увидели. Я знала это так же точно, как и то, что они не смогут их остановить. Среди них был лишь один человек, который

скакал на лошади и вел их за собой. Это был Ло-Мелхиин. Остальные же не были людьми. По какой-то причине демоны, которых он привел, не приняли человеческое обличье. Должно быть, так они были сильнее. Или же они хотели завладеть телами тех, кто ждал их здесь, подобно угощению, которое мой отец подавал гостям на свадьбе.

Я услышала звук бубна и снова очутилась в своем теле. Танец закончился. Сестра стояла рядом, держа спину прямо, хотя я знала, что она запыхалась не меньше меня, и улыбалась мне под покрывалом.

– Видишь, сестра, – сказала она мне. – Сегодня у нас столько удачи, сколько потребуется.

Я снова придержала язык. Я могла бы сказать ей, что на нас наступают демоны, но, глянув в пустыню, она увидела бы одного Ло-Мелхиина на коне и могла бы попытаться убить его сама. Отваги ей было не занимать, но сама мысль об этом напугала меня до мозга костей.

– Да, сестра, – ответила я, снова призвав медное пламя и попросив его, чтобы мои слова сбылись. – Сегодня нам сопутствует удача.

Моя мать забрала у нас бубны, и остальные женщины встали, чтобы исполнить свой танец. Они протягивали ко мне руки, стараясь вовлечь в свой круг, но я уклонилась и пошла прочь от костров, прочь от шума и запахов свадьбы, в темноту, где я смогу спокойно подумать.

Возможно, если бы я вышла к Ло-Мелхиину, он бы принял меня и повернул назад, удовлетвовавшись тем, что сможет и дальше держать меня в заложницах в своем касре. Если взять с собой его мать, шансы будут еще больше.

Но, поискав ее глазами, я увидела, что она сидит с четырьмя братьями моей матери и их женами. Они бы не выпустили ее из поля зрения, даже если бы она пошла со мной. Если я пойду в пустыню, то мне придется идти одной.

Я вернулась в шатер своей матери и сняла свою тонкую дишдашу и покрывало. Там лежали жреческие одежды сестры, и я надела их. Я не боялась совершить кощунство. Она ведь носила их, когда молилась моему божеству, так что мне можно было их надеть. Я накинула белое покрывало и надела белые туфли, довершавшие наряд. Я не стала брать с собой ничего со своего алтаря, как поступила бы сестра. Мне не нужны были ни лоскут пурпурной ткани, ни лампа из скорлупы, ни цветы, оставленные как подношения. Достаточно было меня самой.

Я оставила звуки танцев и праздника позади. Шагая вперед, я не молилась и не пела, но лишь призывала к себе пурпурное пламя, чувствуя, как моя катушка разматывается. Нити пламени простирались к каждому

пальцу моих рук и ног. Пламя светилось в моих глазах, обостряя зрение и слух. Другой брони мне было не нужно. По крайней мере, я на это надеялась.

Я вышла в пустыню одна, чтобы встретить своего мужа, который скакал мне навстречу, а из-за спины его на меня надвигался неотвратимый рок.

Глава 34

Я услышала смех Ло-Мелхиина и поняла, что он увидел меня. Жреческие одежды моей сестры были свежестыраны и сияли белизной в лунном свете. Заметить меня не составляло труда. Услышав смех мужа, я остановилась и стала ждать. Я прошла достаточно. Теперь пусть рок идет ко мне сам.

– Звезда моего неба, не стоило выходить нам навстречу, – сказал Ло-Мелхиин, подъехав достаточно близко, чтобы не нужно было кричать. Никаких проблесков хорошего человека в нем не было. Если мне нужен хороший человек, придется сотворить его самой, как я сотворила бледного человека для своей сестры. – Мы были бы рады прогуляться между шатров твоего отца. Мы хотим посмотреть на них.

– Прошу тебя, – сказала я, – забери меня назад в каср и сделай своей заложницей. Пошли за своей матерью. Скажи, чтобы они не пытались бунтовать, иначе ты убьешь меня.

– Человеческие жизни для нас ничто, – сказал один из спутников Ло-Мелхиина. – Нашему брату не дорога твоя жизнь, хоть он и носит человеческое обличье и взял тебя в жены по человеческим обычаям.

– Мои собратья в основном правы, – сказал Ло-Мелхиин. – Разве что кое-какая ценность в твоей жизни для меня есть. Я заберу тебя назад, но все равно предам огню твоего отца, твоих братьев и всех, кто с ними заодно, и прах их смешается с песком.

– Прошу тебя, – снова сказала я, – пощади их, и я отдам тебе свою силу.

– У людей нет никакой силы, – сказал другой сородич Ло-Мелхиина. – Во всяком случае, силы, сравнимой с нашей. Иначе как бы нам удавалось так легко распоряжаться их жизнями?

Теперь я видела их четче. Поначалу мне казалось, что Ло-Мелхиин сидит на коне в окружении белой дымки, похожей на пар, поднимавшийся от углей в купальне касра, когда их заливали водой.

Теперь же я различала в дымке фигуры. Они были высокими, с чересчур длинными руками и ногами. Лица я не могла как следует разглядеть, но то, что я видела, мне не понравилось.

– У этой есть сила, – объяснил Ло-Мелхиин своим сородичам. – Но она не может отдать ее мне. Впрочем, тревожиться из-за нее не стоит. Израсходовав слишком много своих чар, она заболит, и лишь я смогу ее

спасти.

– Прошу тебя, – сказала я в третий раз. – Оставь нас, Ло-Мелхиин, уходи прочь со своими братьями, туда, откуда вы пришли.

Они все засмеялись, и этот звук режью отдался в моих жилах.

– Мы никогда не уйдем, – сказал Ло-Мелхиин. – С чего бы нам уходить, когда здесь есть все, что нам нужно? Пусть люди порой восстают против нас, но мы не умираем. Мы сокрушим их. Мы сокрушим их прямо сейчас, если пожелаем.

Ло-Мелхиин спешил и подошел ко мне. Никто из его братьев не последовал за ним. Он подошел ко мне вплотную и схватил меня за плечи. Его пальцы больно впились мне в кожу, но я не дрогнула.

– Жена, – сказал он, обращаясь ко мне одной. – Вот единственная сделка, какой ты сможешь добиться от меня сегодня. Сражайся со мной вместе, помоги мне одолеть моих братьев прямо здесь, и я оставлю твой народ в покое. Ты скажешь им, что бунт окончен, что ты моя заложница и они не должны восставать снова. Помоги мне расправиться с моими братьями, и я пощажу твоих.

Я не сомневалась, что мы сможем это сделать. Даже от малейшего прикосновения его пальцев в нас забурлила сила, а ведь никто из нас даже не прикладывал усилий. Туманные создания имели лишь призрачную форму. Я знала, что мое медное пламя и холодное пламя Ло-Мелхиина смогут навеки обратить их в песок, если мы объединим усилия. Моя семья будет в безопасности. Я буду в безопасности. Но в душе Ло-Мелхиина по-прежнему останется демон, и я содрогнулась при мысли о том, на что он будет способен, имея в своем распоряжении и мои чары.

– Как я могу верить тебе, если ты предаешь собственных братьев? – ответила я. Больше я не буду идти ему навстречу. Он дал мне то, что мне было нужно, а остальное дала мне свадьба моей сестры. Здесь я была сильнее, чем в касре, напившись силой тех, кто танцевал вокруг костров моего отца. – Как я могу доверять безопасности своей семье тому, кто не ценит свою? Ты даже не спросил о своей матери. Я никогда не буду с тобой заодно.

– Что ж, как скажешь, – ответил он и пошел назад к своему коню. Он вскочил в седло и повернулся к своим призрачным братьям: – Моя жена обрекла свою семью на гибель, отвергнув мое предложение. Идите же к шатрам ее отца. Возьмите все, что пожелаете.

Я закричала, но была не в силах остановить надвигающуюся мглу. Она понеслась мимо нас сквозь темноту, устремившись туда, где вся моя семья танцевала на свадьбе моей сестры. Я вложила в свой крик частичку

медного пламени, чтобы предупредить их, но это не могло им помочь. Они не сумеют остановить мглу, которая бросит их детей в костер и спалит людей живьем.

– Ло-Мелхиин, – вскричала я. – Умоляю тебя, останови их!

– Не могу, – ответил он, глядя на меня своими змеиными глазами. Его мать ошибалась. Внутри него не осталось ничего от того мальчика, которого она любила. – Сила опьянила их, разве ты не видишь? Теперь ничто не сможет их остановить. Смотри, как горит твой мир, душа моя. Завтра мы найдем другой и сожжем и его.

Я отвернулась от него и принялась окутывать все вокруг своим медным пламенем. Он не пытался меня остановить или же не мог. Я шла между шатров, видя перед собой разрушения и ужас. Я вытащила старшего из своих братьев из песка. Он закашлялся, выплевывая песчинки во все стороны, и бессильно повалился на землю. Я гасила все огни на своем пути: лампы и свечи, костры и очаги, но столько детей уже успели сгореть. Моя сестра стояла, обхватив одной рукой обеих наших матерей, и мгла вокруг них расступалась. Я не могла поверить, что их пощадят, но тут я увидела, что на шее у каждой из них было ожерелье из серебристого металла.

– Сестра, – закричала я, надеясь, что она услышит. – Металл защитит вас. Наберите столько, сколько сможете!

Я поняла, что она услышала меня, потому что она рванулась с места. Я не могла остаться с ней. Слишком много людей вокруг горели в огне и задыхались в песке. Я не могла спасти всех.

– А ты все же не совсем человек, – сказала мгла, говорившая бесчисленными голосами и не имевшая лица. – Но ты недостаточно сильна, чтобы одолеть нас. Тебе под силу разве что прибрать за нами.

Мне нужно было больше рук, но даже с медным огнем у меня было всего две. Так нечестно. Их так много, а я стою одна посреди пустыни, и мне нечем дать им отпор. Вдруг к моим ногам подкатился деревянный шар. Рядом с ним стояла лампа и лежал отрез оранжевой ткани с золотой нитью. Над головой у меня закричала гигантская птица. Я знала, что сотворила их из ничего – не призвала, не нашла, а именно сотворила. Их не было на свете, но я наколдовала их, и теперь они здесь. Если мне нужна помощь, я должна наколдовать ее сама.

Я собрала как можно больше медного огня и швырнула его в пустыню. Демоны плохо знали пустыню, хоть и прожили в ней столько лет. Они не знали ее нравов и обычаев: какие животные в ней водятся, какие тайны она хранит. Я сражусь с ними, используя то, чем они пренебрегали, и сама

пустыня станет моими руками.

Я нашла ящериц, которые днем грелись на солнце, а ночью сползались под кусты олеандра. Они были большими – самые крупные размером с овцу. Я зажгла пламя в их животах и отправила их сражаться за меня. Они пылали так ярко, что рассекали мглу, проносась сквозь нее. Я услышала, как собратья Ло-Мелхиина взвыли от боли, и этот звук показался мне слаще, чем смех сестры.

Следом я взялась за лошадей, которых привезли с собой торговцы из самых южных земель. Они были быстроногими и могли без усталости скакать по пустыне даже в самую жару. Я сделала им рога из серебристого металла, чтобы они смогли пронзать призрачных братьев Ло-Мелхиина, и там, где рога вонзались во мглу, на песок проливался темный гной.

Я разбудила песчаных воронов и велела им покинуть свои гнезда.

Когда собратья Ло-Мелхиина нападали на них, они загорались огнем и взлетали снова, и когти их сияли тем же серебристым металлом, что и у их северных сородичей. Они рассекали мглу, раздирая ее на лоскуты и унося их прочь от моего народа.

Козы пришли ко мне, любопытные и готовые помочь. Они набрались мудрости от моего медного пламени, прильнув к нему, будто это был лизунец. Они сооружали ловушки, заманивая мглу в корзины и запирая ее в шатрах. Мгла яростно завывала, но мои волшебные козы лишь смеялись над нею, продолжая свои проказы.

Вокруг снова загорелись огни, безудержно вырывавшиеся из очагов и костровищ. Я призвала к себе жаб из вади, которые всегда знали, когда грядет потоп, и сделала им руки, чтобы носить воду. Жабы тушили огонь и поливали водой обгоревшую кожу, мгновенно исцеляя ее.

Наконец, я разбудила ульи и выпустила пчел. Они ничего не видели в темноте, но я освещала им путь своим медным огнем. Они разносили всем вокруг кусочки серебристого металла, чтобы каждый мог защититься от мглы.

В голове у меня стучала кровь, в горле пересохло. Мои волшебные создания сражались за меня, а я стояла посреди поля боя, изнемогая от боли и усталости. Люди вокруг рыдали, оплакивая погибших, которых я не успела спасти от огня или от погребения заживо. Мне хотелось убить Ло-Мелхиина за то, что он причинил моей семье. Наконец-то я полностью разделяла гнев своей сестры.

Ло-Мелхиин стоял рядом со мной, и на лице его бушевала война. Его тело было неподвижно, а разум сражался сам с собой. Конь его был мертв – сердце бедного животного разорвалось от ужаса. Вокруг нас битва

начинала стихать. Если мир и настанет, то очень скоро. В моей руке оказался блестящий кинжал, но не из меди.

– Госпожа, – сказали мои пчелы. – Вся мгла поймана. Куда нам ее отнести?

Мне в голову пришло лишь одно место, где собратья Ло-Мелхиина не причинят никому вреда. Я не знала, хватит ли у меня сил на столь дальнее путешествие, но нужно было попробовать, даже если это окажется для меня чересчур. Кинжал исчез. Я сделала свой выбор.

– На север, – сказала я пчелам. – Отнесите их в горы, где таится серебрястый металл. И пусть он скует их там на веки веков.

– Летим, летим! – воскликнули пчелы, огненные вороны и ящерицы, из пылающих тел которых вдруг выросли крылья.

Они устремились ввысь, и Ло-Мелхиин вскрикнул, глядя на них, но не мог до них дотянуться. Они исчезли из вида, но я почувствовала, как они приземлились в горах. Сородичи Ло-Мелхиина корчились от боли, теряя свою силу, и не могли убежать оттуда.

– Звезда моя, – сказал Ло-Мелхиин. Ярость его иссякла, но он по-прежнему был змеей. – Остались только мы с тобой.

Я не вернусь к нему. Я скорее умру. Моя смерть больше не принадлежала ему. Я умру здесь, в пустыне, на песке под звездным небом. Я никогда не буду принадлежать ему.

Медное пламя было на исходе. Его осталось лишь на три слова – на самую короткую историю из всех когда-либо рассказанных, сплетенную из нитей, готовых вот-вот оборваться. Этими словами я могла спасти себя. Или спасти Ло-Мелхиина.

Я подумала о касре без короля. О купцах, которым не было дела до того, что творится в пустыне. О своем отце, который заслуживал лучшей доли, и о своей сестре, которая заслуживала самого лучшего. Я подумала о шаре и лампе, и об отрезе ткани, которые возникли из небытия, потому что так захотела я. Неважно, права ли мать Ло-Мелхиина или нет. Я могла сделать так, чтобы она оказалась права.

Еще три слова, и я смогу уснуть. Кровь больше не будет стучать у меня в голове. Горло больше не будет саднить. Мне будет покойно и хорошо. Быть может, я увижу во сне своих волшебных созданий. Мне хотелось бы посмотреть, что станет с ними утром, когда взойдет солнце. Мастера Ло-Мелхиина сотворили много чудес, но вряд ли кто-то создавал новых зверей с самого рождения мира. Я же сделала целых шесть. Надеюсь, они будут творить добро и после того, как меня не станет.

Еще три слова. Они вертелись у меня на языке. Настанет мир во всей

пустыне, не только в отдельных ее частях. Не только для вельмож при дворе Ло-Мелхиина, но и для простого народа. Для всех. Для каравана моего отца. Для шатра моей матери. Мир воцарится по всей песчаной пустыне. В каждой деревне и в каждом квартале внутри городских стен. Я скажу эти слова для них. Еще три слова, и все будет кончено.

Ло-Мелхиин – хороший человек.

Глава 35

Когда я проснулась, надо мной нависал лев. Лев с головой женщины. Я решила, что вижу сон.

– Дочь души моей, – сказала мне мать Ло-Мелхиина. – Благодарю тебя.

Я села. Сперва мне показалось, что моя голова вот-вот расколется пополам, но мгновение спустя земля перестала кружиться и боль отступила.

Я попыталась найти в себе медное пламя, но его больше не было.

Во мне не осталось ничего, что могло бы гореть.

– Сестра? – Лампа, освещавшая лицо моей сестры, горела ровным светом. – Ты жива, сестра!

Я была удивлена не меньше нее. Но я чувствовала биение собственного сердца и слышала свое дыхание. Я бросила вызов Ло-Мелхиину и выжила, снова. Мне хотелось вскочить на ноги и пуститься в пляс, но я была не уверена, что ноги выдержат меня.

– Дочь моя, – сказал отец. – Позволь нам отнести тебя в твой шатер.

Он наклонился, чтобы взять меня на руки, чего не делал с тех самых пор, как меня впервые вынесли из шатра моей матери, но я подняла руку, остановив его.

– Где Ло-Мелхиин? – спросила я. – Где мой муж?

– Он мертв, – сказала сестра. – Ты убила его, сестра.

– Нет, – возразила я. – Он жив, я в этом уверена. Где его тело?

Мать Ло-Мелхиина показала, где он лежал, и я подползла к нему. Отец был так удивлен, что не попытался мне помочь. Лицо Ло-Мелхиина было цвета пепла. На его губах застыла кровь, а дыхание было столь слабым, что мне пришлось долго вслушиваться, чтобы различить его.

– Он жив! – воскликнула я. – Помогите ему, прошу вас!

Они смотрели на меня, будто я перегрелась на солнце и оно выжгло все мысли из моей головы. Все, кроме матери Ло-Мелхиина, которая стояла, опустив глаза.

– Но сестра, – удивилась моя сестра. – Зачем?

– Я спасла его, – объяснила я. Я старалась говорить как можно громче, чтобы меня услышали все, кто был поблизости. – Вы видели битву, которая была здесь. Вы сражались не с людьми, но с демонами. Вы видели силы, что боролись здесь, и новых созданий, которые родились по моей воле. Я говорю вам, он спасен. Проснувшись, он снова станет хорошим королем.

Демон изгнан и больше не потревожит нас.

– Дочь моя, – подал голос отец. – Ты уверена?

– Отец, – ответила я. – Я знаю это так же хорошо, как лицо своей сестры. Я знаю это, как голос моей матери. Знаю, как знаю себя саму. Ло-Мелхиин – хороший человек.

Отец подхватил его на руки, оставив меня на попечение старшего из моих братьев, легкие которого наконец очистились от песка. Многие шатры были разрушены во время битвы, но целых осталось достаточно, чтобы приютить раненых и погибших. В один из шатров отнесли меня и Ло-Мелхиина.

Устроив нас там, все вышли, кроме моей сестры и матери Ло-Мелхиина. Вошел мальчик-слуга с обгоревшими руками, а за ним пожилая женщина и моя служанка. При виде меня они зарыдали, и я расцеловала их. Потом я повернулась к своему мужу и стала ждать, пока он проснется.

Снаружи моя мать и мать моей сестры приступили к похоронным обрядам. Все, кто погиб здесь, будут похоронены вместе с предками моей семьи, в том числе младший из моих братьев и сыновья старшего из моих братьев. Чтобы похоронить их всех, уйдет не одна ночь, даже с помощью жриц из других деревень, но это будет сделано.

– Прости меня, сестра, – сказала я. – Я не хотела обращать твою свадьбу в похороны.

– Не говори глупостей, сестра, – ответила она. – Если бы не ты, мы бы все погибли, и некому было бы проводить обряды.

Сказав это, она вышла, чтобы найти своего мужа. Она не могла помочь нашим матерям, поскольку ее жреческие одежды были на мне.

Мальчонка принес мне ломоть дыни. Она смягчила мое саднящее горло, и я поблагодарила его. Он отбежал от меня, спрятавшись за старой служанкой. Та снова усадила его на колени – на этот раз он не сопротивлялся – и стала петь. Это была песня про утро, и хотя до восхода солнца оставалось еще несколько часов, я была рада ее слышать. Мне не хотелось думать о плохом.

Вдруг у меня над ухом раздалось жужжание. Я оглянулась и увидела одну из своих пчел, только это была уже не пчела. Она была по-прежнему золотистого цвета, но теперь у нее был человеческий облик. Вместо жала у нее был посох, будто чтобы пасти крошечных овец, а следом волочился шлейф из мелкой золотой пыльцы. У ног моих сидела жаба. Лапки у нее были перепончатые, но не совсем жабыи, а коленки скрюченные, как у старика. Она держала горшок, но не успела я взять его, как меня опередила одна из моих коз. Она теперь ходила на двух ногах, стройных и отливавших

белизной в свете лампы. Коза плеснула водой на лицо Ло-Мелхиина. Остальные созданыя не помещались в шатер, но я слышала крики огненных воронов и чуяла запах гари, который они оставляли за собой в воздухе. Я слышала топот своих рогатых лошадей и чувствовала жар, исходивший от огненных ящериц. Мои созданыя остались с нами, и они будут творить добро.

Ло-Мелхиин закашлялся и открыл глаза. Я взглянула в них, страшась увидеть там пустоту. Если там будет безумие или жестокость, мне придется убить его, а я не была уверена, что смогу. Но в глазах, смотревших на меня, была доброта. Я видела в них его мать, ее сбывшиеся надежды. Я видела и его отца – глупого короля, которого все равно все любили. Я видела мудрость и миролюбие, которые принадлежали ему одному. Хотя мы были женаты почти три месяца и виделись почти каждый день, мне казалось, что я вижу своего мужа впервые.

– *Аль-аммийя*, – обратился он ко мне. *Простолюдинка*. Старое оскорбление прозвучало необидно, и я сочла это хорошим знаком.

– Лежи смирно, – велела я. – Тебе надо отдохнуть и пить побольше воды.

Жаба, передвигавшаяся теперь скорее вразвалку, чем вприпрыжку, поспешила вновь наполнить кувшин и вернулась, не пролив ни капли, точно мы с сестрой, когда носили один кувшин на двоих.

– Иди, – сказала мне мать Ло-Мелхиина. – Расскажи всем, что ты увидела.

Я вышла из шатра и увидела их всех. Я рассказала им, что Ло-Мелхиин будет жить, что душа его снова принадлежит ему одному и что он вновь станет тем хорошим правителем, которого они помнили. Я сказала им, что, когда погибшие будут погребены, наши гости смогут разъехаться по домам и рассказать всем, кого встретят на своем пути, что настал мир. Я сказала сестре, что день ее свадьбы отныне станет священным и что люди будут вспоминать его как день торжества мира. Пока я говорила, мои волшебные пчелы кружили рядом, рассыпая кругом свою золотистую пыльцу, и никто не усомнился в моих словах.

Я подошла к отцу и братьям и обняла их. Моя мать и мать моей сестры еще не закончили свои жреческие труды, так что мне придется подождать, а сестра ушла с мужем в их шатер, и мы не могли сесть, склонив головы друг к другу и поговорить, как бывало прежде. Я знала, что те дни ушли навсегда. Теперь у нас будут иные секреты и иные дела, за которыми мы станем шептать их.

Три ночи моя мать и мать моей сестры хоронили погибших, и три ночи

оправлялся от болезни Ло-Мелхиин. Наконец работа была закончена, а он поправился. Я пошла поблагодарить наших матерей, а они обняли меня и заплакали. Они поняли, что снова потеряют меня, но на этот раз я покидала их по собственному желанию.

Я выменяла три горшка золотой пыльцы на пять лошадей.

Мальчонка-слуга собрал для меня пыльцу, гоняясь за пчелами, будто то была самая веселая игра в его жизни. Ло-Мелхиин взял себе выхолощенного коня и посадил перед собой мальчика. Я выбрала вороного коня, а мать Ло-Мелхиина и две служанки уселись на гнедых кобыл. Мы пустились в путь через пустыню, как в прошлый раз, только на этот раз моя сестра не молилась. На этот раз я оглядывалась на шатры своего отца, пока они не скрылись из виду, а когда Ло-Мелхиин пообещал мне, что я смогу навещать семью, я знала, что он сдержит слово.

Мы въехали в город на закате. Стражники у ворот удивились при виде нас. Они сказали, что видели диковинные огни в небе над пустыней в ночь битвы, и решили, что Ло-Мелхиин уже не вернется. Некоторые вельможи, видимо, тоже на это рассчитывали, но, узнав, что король вернулся, быстро взяли себя в руки.

Ло-Мелхиин призвал к себе Фирха Камнедара и сказал, что тот больше не обязан высекать каменные изваяния, если не хочет. Он также отдал скульптору все его статуи и разрешил ему поступить с ними по своему усмотрению. Я не стала спрашивать, что с ними стало, но статуи исчезли из садов в ту же ночь, и я надеялась, что их обратили в пыль. Тогда же в моем саду с фонтаном появилась новая статуя. На этот раз то была львица, а не лев, и глаза ее не были такими жуткими, как у остальных статуй.

– Эта статуя – ваша, госпожа, – сказал мне Фирх Камнедар. – Я сделал ее с вашего благословения, но других я делать больше не стану.

– Она прекрасна, – сказала я, и это было правдой. – И я благодарна вам.

Он поклонился и оставил меня. Я сидела, глядя на статую, пока в саду не появилась новая тень. Это пришел Ло-Мелхиин.

– Останешься ли ты со мной, Аль-Аммийя? – спросил он. – Я не стану тебя заставлять. Скептики говорят, что наш брак можно признать недействительным, и ты сможешь вернуться в шатры своего отца, чтобы тот нашел тебе нового мужа, или вовсе не выходить замуж – как сама захочешь.

– Я останусь, супруг мой, – сказала я. – Я привыкла к касру и к здешним людям. Я думала, мой дом в пустыне, но это больше не так. Теперь твой дом – это мой дом, и я буду жить здесь.

– Тогда позволь мне сделать тебя настоящей королевой, – предложил он. – Выходи за меня снова, если захочешь. Я дам тебе корону и место в своем совете.

– Твои спесивые вельможи никогда этого не допустят, – возразила я.

– Но они боятся тебя, – сказал он. – Они боятся того, что рассказывают о тебе женщины в касре. Если сказать им сейчас, они согласятся.

Я задумалась над его словами. Когда я жила здесь раньше, мне было особенно нечем заняться. Мне не хотелось, чтобы так стало снова, но до сих пор я собиралась лишь взять на себя управление хозяйством. Конечно, заседать в королевском совете, выслушивать просителей, участвовать в принятии решений мне было гораздо больше по душе, хотя я и не рассчитывала, что мне представится такая возможность. Среди цветов в саду пролетела золотистая пчела. Мои создания последовали за мной в город, а некоторые из них даже поселились в стенах касра. Они будут напоминать всем о том, что я сделала.

– В таком случае я согласна, – сказала я. – Я выйду за тебя снова и займу место рядом с тобой.

Ло-Мелхиин улыбнулся и взял меня за руку. Я познала силу и израсходовала ее до конца, но теперь я получу иную силу. Мы будем разделять ее, помогая друг другу не ступить на темную сторону. Солнце сияло в небе над пустыней, и каменные стены отражали золотистый свет, рассеивая его по всему саду, но когда наши пальцы встретились, между ними не вспыхнуло пламя.

Эта история преобразуется с каждым днем.

Когда люди рассказывают ее друг другу на базарах и в пустыне, они меняют ее в соответствии со своим пониманием. Она странствует от каравана к каравану, достигая мест, где даже не слышали, кто такой Ломелхиин. Слова меняют язык, с каждым звуком теряя старое значение и приобретая новое. Они превращают чудовище в человека, а саму историю – в хороший урок: если ты умен и добр, чудовище не сможет тебя одолеть.

Не верьте всему, что слышите.

Хорошие люди превращаются в чудовищ каждый день. Умные люди идут на поводу у собственной гордыни и позволяют красивым словам обмануть себя. Именно это случилось с королем в истории, которую рассказывает она. Он был умен и добр, но чудовище поглотило его, будто песчинку. Она тоже была умна и добра – настолько добра, что захотела пойти на смерть вместо сестры, и настолько умна, что сумела этого добиться. Но не это спасло ее от чудовища.

Эта история будет иметь свое значение для каждого, кто услышит ее. Именно этого она и хотела. Я могу рассказать вам о том, какое значение нахожу в ней я, о новом смысле, который она придала моей жизни, но для вас все это не будет иметь никакого смысла, если вы не поймете, зачем она стала ее рассказывать.

Бывает жизнь, а бывает житье – вот что она узнала.

Она рассказывала историю по чуть-чуть, это правда. Она приходила к ней в виде некрашеной шерсти, из которой она могла прясть, или в виде нитей, из которых она могла ткать. Она рассказывала ее не каждую ночь и не всегда одному и тому же человеку. Иногда она рассказывала ее только себе самой, используя инструменты и силу, подаренные другими. Но от этого силы не становилось меньше, и эта сила давала ей жизнь.

Житье же началось позже – когда она научилась рассказывать историю намеренно.

Чудовище испытывало ее, пробуя на прочность ее сердце и ее дух. Она цеплялась за жизнь и могла тоже превратиться в чудовище, но она сама выбрала, каким путем пойдет ее история. Она выбрала белокаменные стены и золотую корону. Она решила обсуждать законы и никогда больше не молоть себе зерно. Она решила каждый день сражаться с мужчинами, а потом и с их сыновьями, которые считали себя умнее отцов.

Ее собственную легенду поглотили создания, которых она сотворила. Все шесть новых видов отправились странствовать по миру, и люди, видевшие их, давали им новые имена. У каждого были особые чары, которых она не собиралась им давать, и которые ждали своего часа, пока люди учились обращаться с ними. Они расселились по всему миру, даже в тех местах, где нет людей, и каждый процветал по-своему, но никогда они не забудут девушку, которая их сотворила.

Если долго прислушиваться к шепоту вокруг, рано или поздно узнаешь правду. А пока же я скажу вам вот что: мир спасла женщина. Она одолела чудовище и изгнала его прочь, а мужчина, оставшийся после него, был спасен. Тысячу ночей я жила в кошмаре, но когда наступила тысяча первая, кошмар закончился.

Аль-Аммийя, простолюдинка, спасла короля.

Благодарности

Огромное спасибо

– Джошу Адамсу, который болел всей душой за эту книгу, когда еще не было никакой книги, и в марте 2014 года будил меня своими звонками не меньше четырех раз в неделю, чтобы обсудить ее;

– Эмили Миэн, которая восприняла меня всерьез, когда я сказала, что в моей истории ни у кого не будет имен. А также Марси Сэндерс: я до сих пор потрясена дизайном книги и не отказалась бы оклеить весь дом ее обложками вместо обоев;

– моей семье, особенно И-Джею и Джен, которые одолжили мне свой коттедж, Саре и Дэну, которые одолжили мне денег, чтобы заплатить за аренду, а также Иэну и Эмили, которые все время справлялись, как у меня дела. А также моей лондонской тете, дяде, кузенам (и команде Бентли!), которые заботились обо мне перед операцией и после;

– Эмме и Коллин, которые читали каждую главу, пока я ее писала, а также Фэйт, Лору, Ар Джею и Тессе, которые читали, когда я дописывала, и советовали, что можно улучшить. А еще – Кэрри Райан, которая дала отличный совет начинающему автору, хотя она и не помнит нашего разговора, и написала очень отзывчивый ответ на мое супер-таинственное электронное письмо;

– всем писателям из групп «Четырнадцать» и «Висячие сады». Они просто гениальны, и мне повезло, что я с ними знакома.

Наконец, я не смогла бы написать эту книгу, не побывав в Иордании и не поработав с доктором Мишель Давьо и доктором Микаэлем Вейглем над проектом «Вади ат-Тамад». Четыре года учебы и шесть летних стажировок в пустыне научили меня большому, чем я тогда сознавала. Спасибо вам!

Table of Contents

[Джонстон Э. К Сказки тысячи ночей](#)

I

[Глава 1](#)

[Глава 2](#)

[Глава 3](#)

[Глава 4](#)

[Глава 5](#)

II

[Глава 6](#)

[Глава 7](#)

[Глава 8](#)

[Глава 9](#)

[Глава 10](#)

III

[Глава 11](#)

[Глава 12](#)

[Глава 13](#)

[Глава 14](#)

[Глава 15](#)

IV

[Глава 16](#)

[Глава 17](#)

[Глава 18](#)

[Глава 19](#)

[Глава 20](#)

V

[Глава 21](#)

[Глава 22](#)

[Глава 23](#)

[Глава 24](#)

[Глава 25](#)

VI

[Глава 26](#)

[Глава 27](#)

[Глава 28](#)

[Глава 29](#)

[Глава 30](#)

[VII](#)

[Глава 31](#)

[Глава 32](#)

[Глава 33](#)

[Глава 34](#)

[Глава 35](#)

[1](#)

[Благодарности](#)